

Юрий Юров

ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО ЛЕНИНСКОЙ
АДРЕСНОЙ
КНИЖКЕ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1967**

ЗК26

Ю78

Поиск, открытие... В этой книге они в каждом очерке и репортаже. Автор книги, Юрий Михайлович Юров, исследуя отдельные ленинские документы, изучил огромное количество историко-партийной и мемуарной литературы, архивных материалов. Разыскивая людей — современников Ленина, могущих пролить свет на вскользь упомянутый вождем факт или событие, Ю. М. Юров исколесил страну в самых различных направлениях.

В материалах этой книги — малоизвестные эпизоды жизни Владимира Ильича Ленина. Они показывают его великую мудрость ученого, государственного деятеля, его человечность, простоту и чуткость к людям, его принципиальность и непримиримость к недостаткам.

Год 1967-й — юбилейный не только потому, что знаменует собой полвека Советской власти. В 1967 году исполняется также 50 лет со дня возвращения В. И. Ленина из эмиграции в Россию. К этой дате автор приурочил свой репортаж из 1917 года — «Вагон для эмигрантов», которым и открывается эта книга.

Редактор А. ТОЛМАЧЕВ

*Оформление
художника С. ГОЛУБЕВА*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человечество приближается к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Я говорю — человечество, потому что Ленин общечеловечен, он живет в делах и думах всех народов, борющихся за ленинские идеалы, он сам — неиссякаемый светоч великих идей для всех людей Земли. Этим и объясняется всеобщее стремление глубже и шире познать Ленина, представить себе этого самого человеческого человека, его жизнь и борьбу, научиться у него жить по-новому и бороться смело, решительно — по-ленински.

Каждая новая книга о Ленине встречается массами с огромной благодарностью, особенно если книга эта с убедительной достоверностью открывает людям новые черты характера Ильича, неизвестные страницы из его биографии.

К числу таких документальных книг относится предлагаемая работа Юрия Юрова. Я давно знаю автора как серьезного и вдумчивого журналиста-исследователя; мне известно, с какой настойчивостью собирает он материалы, проводит беседы со старыми большевиками, знавшими В. И. Ленина, какую творческую изобретательность проявляет во время долгих «путешествий» по страницам ленинской адресной книжки.

Документальная точность и вдохновенное исследование материалов — вот основные черты этой работы.

Теперь читателю предоставляется возможность самому совершить «путешествие» по адресной книжке В. И. Ленина. Оно обещает много волнующих открытий и таких неожиданных встреч, что, уверена, каждый, кто возьмет в руки эту книгу, почерпнет много полезного, важного и незабываемого на всю жизнь.

Не сомневаюсь, что книга будет прочитана внимательно. Она интересна и юноше, вступающему в жизнь, и человеку, знавшему времена, о которых идет речь, — современнику событий. А если книгу возьмет пропагандист, то она продолжит свое существование, как бы получит дополнительный «устный тираж». Каждая хорошая книга о Ленине помогает воспитывать ленинцев. Первая подобного рода книга Ю. М. Юрова, «Прост, как правда», была выпущена Политиздатом в 1963 году.

По сравнению с ней это издание обогащено новыми репортажами, новыми фактами, новыми рассказами людей, знавших В. И. Ленина. Мне известно, что автор после выпуска первой книги выступал перед читателями во Дворце культуры автозавода имени Лихачева в Москве, на читательских конференциях в Красноярске, Абакане, Шушенском. Внимательно прислушиваясь к советам и пожеланиям старых большевиков, автор продолжает кропотливые исследования и творческие поиски.

В результате большой работы новая книга стала лучше, точнее, разнообразнее, что является главным свидетельством того высокого чувства ответственности, с которым работает автор над ленинской темой.

Особо хочу отметить появление новых, очень важных материалов: «Вагон для эмигрантов», «Выехал нелегально», «Горячий день». Читатель найдет в этой книге и другие новые достоверные репортажи и очерки о жизни и деятельности В. И. Ленина, показывающие Ильича в жизни и труде, в его неустанной борьбе за коммунизм. Мне кажется, что эта книга, которую читатель держит сейчас в руках, убедительно показывает, как велик был В. И. Ленин в большом и в малом и как даже его адресная книжка может открыть нам большой и светлый мир Ильича.

В этой книге читатель найдет новое о жизни и деятельности В. И. Ленина. В ней ярко показаны ленинские нормы жизни. Показаны не только чуткость, доступность и отзывчивость В. И. Ленина к товарищам и ко всем трудящимся, но его требовательность, дисциплинированность и принципиальность.

Человек прекрасной души, он ненавидел пустое прекраснодушие без воли, без твердости.

Хочется от души пожелать, чтобы в «путешествии» по ленинской адресной книжке приняли участие самые широкие круги читателей.

М. СУЛИМОВА,
член КПСС с 1905 года

ВАГОН ДЛЯ ЭМИГРАНТОВ

Полвека назад, поздним апрельским вечером 1917 года, к перрону Финляндского вокзала в Петрограде подошел скорый поезд № 12, прихода которого на привокзальной площади с нетерпением ожидали тысячи рабочих, революционных солдат, матросов.

Приехал Ленин!

Приехал, буквально вырвался из второй по счету эмиграции, в которой поневоле ему пришлось томиться многие годы.

Вместе с ним ступила на родную землю группа политических эмигрантов. Девятнадцать из них были большевиками.

Недели три спустя после возвращения Владимира Ильича Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов получил письмо из действующей армии. Писал солдатский комитет 8-й конноартиллерийской батареи: «Ввиду того, что между солдатами батареи происходит много трений относительно Ленина, просим не отказать нам дать скорейший, по возможности, ответ»¹.

Причина «трений» крылась в той разнузданной травле Ленина и большевиков, вернувшихся вместе с ним из эмиграции, которую по указке Временного правительства вела мелкобуржуазная печать.

«Нас, социал-демократов, стоящих на точке зрения международного социализма, обвиняют в том, что мы проехали в Россию через Германию, что мы изменники народного дела, свободы, что мы подкуплены немцами,— говорил Ленин в своей речи на митинге солдат броневоего дивизиона в Михайловском манеже 15(28) апреля 1917 года.— Кто это говорит? Кто распускает эту клевету и ложь?»²

Гневным обвинительным актом против Временного правительства и его союзников, продолжавших братоубийственную войну, прозвучала ленинская речь. Это они не дают возможности вернуться на родину социалистам, которые требуют положить конец мировой войне.

Владимир Ильич напомнил здесь о постановлении Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, принятом по докладу о проезде группы политических эмигрантов через Германию. Совет потребовал от Временного правительства принятия экстренных мер для беспрепятственного пропуска всех русских политических изгнанников, живущих за границей, в Россию.

Казалось бы, все ясно, но шарманка продажной печати, заведенная Милюковым, без конца твердит свое, повторяя, что-де неспроста германское правительство пропустило через территорию своей страны «запломбированный» вагон, в котором ехали Ленин и группа политических эмигрантов. Дескать, дыма без огня не бывает...

Этим и было вызвано послание солдатского комитета 8-й конноартиллерийской батареи в Петроградский Совет. Письмо было переслано Владимиру Ильичу, и он начал писать ответ солдатам.

«...Вы спрашиваете в этом письме, «какого я происхождения, где я был, если был сослан, то за что? — писал Ленин.— Каким образом я вернулся в Россию и какие действия я проявляю в настоящий момент, т. е. полезны они (эти действия) вам или вредны»... только вы сами можете судить, полезны вам мои действия или нет»³.

Закончить письмо, однако, Ленину не удалось...

Желание восстановить некоторые детали и обстановку, в которой проходил рейс «запломбированного» вагона, побудило меня несколько лет назад начать поиски тех его пассажиров, которым посчастливилось дожить до наших дней. Их оказалось шестеро. Четыре москвича. К пятому, которого, увы! уже нет в живых, я летал в Тбилиси. Встреча с шестым состоялась в его квартире, на берегу Балтийского моря, в латвийском городе Лиепая.

Вот как все это было.

КТО ЖЕ БЫЛ ПРАВ?

Почти весь 1916 год и начало следующего Владимир Ильич жил в Цюрихе. Библиотеки этого города располагали богатыми фондами литературы, которая была необходима ему для завершения работы над книгой «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Летом 1916 года Владимир Ильич дописывает последние страницы книги. На очереди новые неотложные дела. Из-под его пера выходит серия программных статей. Он редактирует документы для ряда партийных изданий. «Теоретическая спевка» — вот лейтмотив его писем, которые он шлет партийным товарищам.

Эмигрантский образ жизни Ленина меньше всего похож на деятельность ученого-затворника. Его можно встретить на заседании Интернациональной социалистической комиссии в Берне, увидеть на собрании швейцарских левых социал-демократов в Цюрихе. Вдохновенный голос Ленина слышат делегаты съезда швейцарской социал-демократии, которых он приветствует от имени Центрального Комитета нашей партии.

На цюрихском горизонте появляются двое соотечественников, которые бежали из немецкого плена, переплыв Боденское озеро. Мог ли Ленин упустить такой случай и не познакомиться с этими ««живыми», эмигрантщиной не изъеденными людьми», как он напишет о них Инессе Арманд, которая также жила в это время в Швейцарии, в Кларане. Чем дышат военнопленные, каковы их настроения — все это интересует Ленина до мельчайших подробностей. Воронежский крестьянин Михалев рассказал ему о том, на какие ухищрения идут немцы, чтобы разжечь национализм среди украинцев. Подавляющее большинство украинцев-пленных отвечает на эту пропаганду негодованием. А взгляды самого Михалева на войну? «Насчет защиты отечества наш воронежец — как Трояновский и Плеханов, — писал Владимир Ильич. — Сочувствует социализму, но «ежели немец прет, как же не защищаться?»»⁴

Рассказ солдата дает Ленину свежий материал, свидетельствующий о том, насколько важна пропаганда партии среди русских солдат, томящихся в немецком плену.

...Не зная устали, жил и трудился вдали от родины Ленин. Как-то раз в один из первых дней весны 1917 года, когда он по своему обычному расписанию после обеда собрался в библиотеку, один из партийных товарищей принес долгожданную весть:

— В России революция!

Радостное известие не было неожиданным для Ленина. Разве не писал, не говорил он, что часы царской монархии сочтены, разве не предвещал близкого взрыва вулкана народного гнева в России?

Незадолго до того, как в Цюрих пришли первые телеграммы о событиях в Петрограде, ему случилось встретиться в кафе «Астория» с членом правления Социал-демократической партии Швейцарии Вилли Мюнценбергом. Владимир Ильич убеждал собеседника, что революция в России совсем уже близка. Настроенный скептически, Мюнценберг высказал свои сомнения.

И вот теперь, улыбаясь, Ленин спрашивает своего оппонента:

— Кто же был прав в «Астории»?

Три года спустя, увидев Мюнценберга в Москве, в Кремле, он снова напомнил ему об этом разговоре:

— Кто же тогда был прав в кафе «Астория»?

«Мне оставалось только смущенным молчанием признать его правоту»⁵, — рассказывал об этом эпизоде В. Мюнценберг.

...Итак свершилось! Ленин весь в порыве: домой, на родину! Это желание нарастает в нем с новой силой, когда вслед за сообщениями из немецких источников цюрихская газета публикует правительственные телеграммы из Петрограда. Преемниками царя стали Милюков, Гучков, Керенский... И это они, господа капиталисты и их прихвостни, дадут рабочим и солдатам, сделавшим революцию, мир, хлеб, полную свободу? Кто поверит в это?

«Обращаться к этому правительству с предложением заключить демократический мир — все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели»⁶, — напишет потом Ленин в своем четвертом письме «Из далека».

Надо искать пути возвращения на родину — вот над чем непрестанно, напряженно думает Ленин с первого

мгновения, как только он узнает о победе буржуазно-демократической революции в России.

Проходят три дня после событий, развернувшихся в русской столице. Ленин приезжает из Цюриха в Ла-Шо-де-Фон — крупный рабочий центр Швейцарии. Здесь он выступает с рефератом о Парижской коммуне и перспективах развития русской революции («Пойдет ли русская революция по пути Парижской Коммуны?»).

Под свежим впечатлением последних сообщений о второй русской революции швейцарский «Союз молодежи» задумал провести большой митинг в цюрихском Народном доме. Выступить с докладом решено было просить Ленина. Такое приглашение через секретаря цюрихской секции большевиков и было передано Владимиру Ильичу. Оно было им тотчас охотно принято, однако в самый последний момент он отказался от своего намерения. Оказалось, что организаторы митинга надумали пригласить докладчиком также представителя меньшевиков, одного из их лидеров — Мартынова.

«Вы, видимо, меньшевиков еще недостаточно хорошо знаете, — объяснял В. И. Ленин свое решение секретарю цюрихской секции большевиков. — Если я выступлю здесь на одном митинге с меньшевиком Мартыновым, то содержание моей речи станет известно в России значительно позже, а о самом факте нашего совместного выступления заграничные меньшевики протелеграфируют в Россию, а там Дан и компания сумеют использовать этот факт в целях объединения большевиков с меньшевиками. Раз Ленин и Мартынов объединились за границей, то нам в России и подавно следует объединиться и т. п. Самая большая опасность, которая угрожает русской революции, — это объединение большевиков с меньшевиками»⁷.

Последующие события еще не раз подтверждали, как был прав Ленин, неустанно предостерегая партию от попыток втянуть большевиков в «объединительные» сети.

Возвращаясь из Ла-Шо-де-Фона в Цюрих, Ленин опускает в пути открытку Инессе Арманд.

«...Мечтаем все о поездке, — сообщает ей Владимир Ильич. — Если едете домой, заезжайте сначала к нам. Поговорим. Я бы очень хотел дать Вам поручение в

Англии узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать»⁸.

Узнать «тихонечко и верно». Уже по одному этому можно судить о том, как мало рассчитывал он на успех такого предприятия, как проезд через Англию. Оснований для сомнений было больше чем достаточно. Их и высказал Владимир Ильич в своем следующем письме к Инессе Арманд.

«Я уверен, что меня арестуют или просто задержат в Англии, если я поеду под своим именем, ибо именно Англия не только конфисковала ряд моих писем в Америку, но и спрашивала (ее полиция) папашу* в 1915 г., переписывается ли он со мной и не сносятся ли через меня с немецкими социалистами»⁹.

Того и гляди, на Британских островах подстроят ловушку. При таких обстоятельствах можно было бы махнуть рукой на английский маршрут, но Владимир Ильич еще не раз возвращался к нему. Как только выясняется, что Инесса Арманд не сможет сразу выехать, Владимир Ильич высказывает свою просьбу знакомой эмигрантке Валентине Сафаровой. Та, правда, как она заявляет, революцией мало интересуется, но поручение принимает. Увы, из этого ничего не выходит.

«Вале сказали, что через Англию вообще нельзя (в английском посольстве)»¹⁰, — сообщал Ленин Инессе Арманд.

И все же с мыслью о том, что переезд через Англию окончательно исключен, Ленину трудно примириться. Об этом свидетельствует просьба, высказанная Лениным в письме одному из партийных товарищей. Есть основания полагать, что адресатом был Я. С. Ганецкий, живший в то время в Стокгольме, однако получил ли он это письмо, точно не установлено.

«Прошу сообщить мне по возможности подробно, во-1-х, согласно ли английское правительство пропустить в Россию меня и ряд членов нашей партии, РСДРП (Центральный Комитет)...»¹¹ — писал Владимир Ильич. Далее обстоятельно излагались условия, при которых этот проезд через Англию для любого числа лиц, независимо от их политического направления и от их взглядов на войну, мог бы состояться.

* Партийный псевдоним М. М. Литвинова. — *Ред.*

Так, один за другим строил Ленин планы возвращения на родину, мучительно искал путь реальный, которым можно будет воспользоваться на деле.

Тем временем так называемые революционные министры трубили во все рога, всячески рекламируя готовность встретиться с распростертыми объятиями русских политических эмигрантов. Добро пожаловать... Да, да, добро пожаловать! Но кому? Всякому, кто готов до хрипоты кричать и доказывать, что нет большего счастья для русского народа, чем воевать до победного конца. Милости просим, господа!..

Министр иностранных дел Милюков не только произносил парадные речи, в которых без оговорок шаркивался перед русскими политическими эмигрантами, но и рассылал секретные телеграммы царским послам и посланникам, продолжавшим служить Временному правительству. Вот в этих-то официальных документах и содержалась сущая милюковская правда. Она гласила: есть политические эмигранты и есть международные контрольные списки. Большевики для нас те же немецкие шпионы. Берегитесь «пораженцев»! Смотрите в оба!..

Пресловутые международные контрольные списки, скрепленные подписями военных представителей стран Антанты, содержали подробный перечень категорий людей, которым въезд в Англию, Францию и Россию был запрещен.

...Подозревается в пропаганде о заключении мира.

...Принимал живейшее участие в последней Кинтальской интернационалистической конференции; объехал северные страны Европы с целью пропаганды среди социалистов Дании, Норвегии и Швеции заключения мира.

...Агент мирной и антимилитаристической пропаганды и въезд его в Россию нежелателен¹².

Таковы лишь некоторые из тех предостережений, которые Милюков предлагал русским дипломатам за рубежом иметь в виду при обращении к ним политических эмигрантов за визами.

«Милюков надует», — отлично зная природу министра иностранных дел Временного правительства, предупреждает Ленин Ганецкого в своей телеграмме.

Но что же делать, как прорвать заколдованный круг? Владимир Ильич готов пойти на самые крайние меры. Не останавливается и перед мыслью о проезде через Англию инкогнито.

«Я всячески обдумываю способ поездки,— пишет Ленин из Цюриха В. А. Карпинскому в Женеву.— Абсолютный секрет — следующее. Прошу ответить мне тотчас и, пожалуй, лучше экспрессом (авось партию не разорим на десяток лишних экспрессов), чтобы спокойнее быть, что никто не прочел письма.

Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду *по ним* через Англию (и Голландию) в Россию.

Я могу одеть парик.

Фотография будет снята с меня уже в парике, и в Берн в консульство я явлюсь с Вашими бумагами уже в парике»¹³.

Но тут является вопрос: допустим, что Карпинскому удастся получить документы на проезд во Францию и Англию для себя и он передает их Ленину. А куда же денется сам Вячеслав Алексеевич? Понятно, что предложение, внесенное Владимиром Ильичем, должно было содержать ответ и на этот вопрос. Покуда Ленин доберется до Скандинавии, Карпинскому надлежало укрыться в горах. Предусматривалась и оплата расходов, которые понесет Вячеслав Алексеевич за пансион в горах...

Вячеславу Алексеевичу не пришлось долго убеждать Владимира Ильича в том, что воспользоваться его документами,— значит, пойти на заведомый провал. Бывшего узника швейцарской тюрьмы — большевика Карпинского — хорошо знала швейцарская охранка.

Где же достать подходящий паспорт? И новая мысль приходит в голову Владимиру Ильичу.

«Да, чуть не забыл,— пишет он Инессе Арманд.— Вот что можно и должно сделать тотчас в Кларане: приняться искать паспорта (а) у русских, кои согласились бы дать свой (не говоря, что для меня) на выезд теперь другому лицу; (б) у швейцарок, или швейцарцев, кои могли бы дать русскому»¹⁴.

Но хорошо, если ее поиски увенчаются успехом. Ну, а если на самый худой конец придется воспользоваться помощью контрабандистов? Владимир Ильич готов пойти и на такой шаг.

С предложением своих услуг в Цюрих является из Берлина некто Георг Кларац. Ленин наводит подробные справки о том, при чьем посредничестве велись переговоры с Георгом Кларацом, кто направил его из Берлина в Цюрих? Выясняется, что этим лицом был Парвус — человек, не только порвавший в годы реакции с социал-демократией, отъявленный социал-шовинист, но и крупный спекулянт, сделавший бизнес на войне. О нет! На это Владимир Ильич не пойдет!

«ЖДАТЬ БОЛЬШЕ НЕЛЬЗЯ...»

Обмен корреспонденцией между Лениным и Ганецким идет непрерывно.

Телеграмма из Цюриха. Из нее шведский адресат узнает, что Владимиром Ильичем отправлено на его имя очень важное письмо с просьбой получение подтвердить по телеграфу.

Потом Ганецкий получает бандероль. Открывает ее и обнаруживает книгу. Чутье подсказывает: загляни в переплет. И точно — две находки. Первая — фотоснимок Ленина. Вторая — ленинская записка, воспроизведенная позже по памяти Я. С. Ганецким.

«Ждать больше нельзя, тщетны все надежды на легальный приезд, — пишет Владимир Ильич. — Необходимо во что бы то ни стало немедленно выбраться в Россию и единственный план — следующий: найдите шведа, похожего на меня. Но я не знаю шведского языка, поэтому швед должен быть глухонемым. Посылаю вам на всякий случай мою фотографию»¹⁵.

Зрели всякие планы возвращения на родину и у других большевиков-соотечественников. Почему бы не «вступить в брак» с каким-нибудь швейцарским гражданином преклонных лет? — предлагает одна из эмигранток, молодая замужняя женщина. Кто сможет тогда помешать ее свободному въезду в Германию и в Россию?

«Ура! Вы придумали чудесно!» — пишет ей Ленин, которого она посвящает в свой план.

Владимир Ильич предвидит и неизбежные расходы, которые повлечет за собой подобное «замужество». Одной суммой придется вознаградить адвоката, другой

«удобного старичка». В случае необходимости Владимир Ильич обещает поддержать в Центральном Комитете целесообразность этих затрат из партийной кассы. Намечалась и подходящая кандидатура «жениха». Имелся в виду меньшевик П. Б. Аксельрод, являвшийся швейцарским гражданином.

Проходили дни. Сдвинуть же с места проблему коллективного переезда по-прежнему не удавалось.

На что же можно рассчитывать? Пойдут ли, скажем, немцы на то, чтобы предоставить вагон для проезда до Копенгагена разным революционерам? Смотря по тому, от кого будет исходить такая просьба. Богатые и небогатые русские социал-патриоты, застрявшие во время войны в Швейцарии, наверняка могли бы получить их согласие. Но захотят ли эти социал-патриоты, оправдывающие войну со стороны России, оказать такую услугу большевикам-«пораженцам»?

«Вы скажете, может быть, что немцы *не* дадут вагона,— пишет Ленин Инессе Арманд.— Давайте пари держать, что *дадут!*

Конечно, если узнают, что сия мысль *от меня* или *от Вас* исходит, то дело будет испорчено...

Нет ли в Женеве дураков для этой цели?..»¹⁶

В ходе первой мировой войны нейтральные страны не раз выступали посредниками для обмена военнопленными между Россией и Германией. Отчего бы Германии не согласиться пропустить русских политических эмигрантов в обмен на немцев интернированных в России? Такую мысль высказал как раз в те дни на частном совещании российских партийных центров в Берне лидер меньшевиков Мартов. И достаточно было Карпинскому сообщить об этом Ленину, как он сразу же отдал должное разумному плану.

Владимир Ильич, однако, настойчиво подчеркивал, что инициатива в осуществлении этого плана должна исходить кроме Мартова также и от беспартийных русских и патриотов-русских. Пусть они обращаются к швейцарским министрам и другим влиятельным людям «с просьбой *поговорить* об этом с послом германского правительства в Берне». Ленин обращает внимание Карпинского на то, что его и Вячеслава Алексеевича участие могло бы лишь испортить дело. «Но план,

сам по себе, *очень* хорош и *очень* верен»¹⁷, — пишет Владимир Ильич.

Путь найден. Единственно возможный и реальный. Больше ждать нечего. «Мы должны во что бы то ни стало ехать, хотя бы через ад!»¹⁸.

О да! Горе-патриоты забьют тотчас же по этому поводу во все колокола. Караул! Немецкие шпионы! И уж конечно невообразимую свистопляску подымут успевшие сесть на шею народа так называемые «революционные» министры Временного правительства. Ну и пусть.

Честные люди, знающие, за чьи интересы боролся всю жизнь Ленин, на эту удочку не клюнут.

И ничто, никакая сила не в состоянии была поколебать ленинскую решимость. Несколько лет спустя Анатолий Васильевич Луначарский вспоминал о том, как Ленин на заседании Цюрихского комитета по организации возвращения политических эмигрантов на родину решительно отводил опасения некоторых его членов в том, что поездка эмигрантов через Германию скомпрометирует их:

«Вы хотите уверить меня, что рабочие не поймут моих доводов о необходимости использовать какую угодно дорогу для того, чтобы попасть в Россию и принять участие в революции. Вы хотите уверить меня, что каким-нибудь клеветникам удастся сбить с толку рабочих и уверить их, будто мы, старые, испытанные революционеры, действуем в угоду германского империализма. Да это — курам смех»¹⁹.

КУРЬЕР В СТОКГОЛЬМ

Итак, остается только одна дорога — через Германию. Как поставить в известность об этом варианте своих в России? Протянуть нити связи к ним по-прежнему дальше Стокгольма не удастся. Отсутствие же Ленина в России становится с каждым днем и часом все более осязаемым. Попытки Русского Бюро ЦК обменяться телеграммами с вождем партии терпят неудачу. Ставленники Временного правительства накладывают свои грязные лапы на всю корреспонденцию, адресуемую в Цюрих Владимиру Ильичу.

Остается срочно командировать надежного связного к Ганецкому в Стокгольм.

Таким связным явилась Мария Ивановна Стецкевич, которой не раз приходилось выполнять сложные боевые поручения партии.

Хорошо бы заручиться поддержкой Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Как никак, с ним власти предержавные вынуждены считаться. Эту миссию от имени Совета берут на себя трое депутатов-большевиков. Так, на письме Бюро Центрального Комитета партии, подписанном Еленой Дмитриевной Стасовой, появляется своеобразная резолюция: «Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов рекомендует удовлетворить просьбу Бюро Центрального Комитета».

Ниже следуют подписи трех членов исполнительного комитета и печать. Все, как положено по форме.

Обращаться, однако, за пропуском к градоначальнику не пришлось. Помог знакомый одного из членов исполкома, получивший визу для Марии Ивановны Стецкевич.

Выполнила она поручение партии и на этот раз.

Ганецкий передал через Стецкевич мнение В. И. Ленина, что надо делать ставку на проезд через Германию. Немцы могут пойти на такой шаг — в обмен на интернированных в Россию.

Бюро Центрального Комитета партии одобрило предложенный план. «Ульянов должен приехать немедленно», — гласила телеграмма, полученная Ганецким из Петрограда.

Ганецкий откликнулся на нее обстоятельным письмом. «Одновременно получил вашу телеграмму, — говорилось в нем. — Вероятно, она послана после приезда Стецкевич, которая пояснила вам план поездки, и, значит, вы вполне одобряете план. Я телеграфно передал Ильичу содержание вашей телеграммы»²⁰.

Некоторое время спустя Бюро Центрального Комитета партии вновь командует Марию Ивановну в Стокгольм. Ей поручалось передать Ганецкому: Владимир Ильич должен проехать каким угодно путем, в том числе через Германию, если при этом не будет для него опасности быть задержанным. Везла она с собой и деньги на дорогу для Владимира Ильича.

Вторая командировка курьера Бюро Центрального Комитета партии в Стокгольм была сопряжена с серьезными затруднениями.

Из шведского города Хапаранда она сообщала: «Чувствую себя очень плохо, и настроение скверное... На пропускном пункте в Торнео у меня буквально все отобрали — все газеты, все письма... Держали меня очень долго, раздевали: осматривала женщина в особой комнате, очень тщательно. Все это ужасно неприятно... Они говорят, что следовало, чтобы в Петрограде эти газеты прошли через цензуру, чтобы на них была печать, и тогда они бы пропустили, ничего не говоря. Ужасно неприятно и обидно. Те книги, которые у меня будут при обратном проезде, тоже из Торнео, придется послать в цензуру в Петроград».

Фигура Стецкевич, выполнившей столь важную историческую миссию для партии, вызывает к себе понятный интерес. Но как мало теперь уже можно узнать об этом замечательном человеке! Она была отличной пианисткой. Ее игру Владимир Ильич слушал не раз.

«По его просьбе, — вспоминала Мария Ивановна, — я сыграла ему однажды в Москве, на его квартире, «Патетическую сонату» Бетховена и «Кампанеллу» Листа. Ильич вернулся тогда домой из какого-то заседания и очень устал. Он сказал, что не может сидеть, и просил разрешения ходить по комнате в то время, как я играла. Затем он попросил меня сыграть «Лесной царь» Шуберта — Листа. Эту вещь он особенно любил»²¹.

Возвращение Ленина, как и других русских эмигрантов, через Германию было для партии делом решенным. Но кто в Швейцарии мог бы переговорить с представителем германского правительства насчет плана обмена русских эмигрантов на интернированных в России немцев?

Свою помощь предлагает член парламента Роберт Гримм, занимавший тогда ряд руководящих постов в социал-демократической партии Швейцарии.

По его просьбе швейцарский министр Гофман в частном порядке запрашивает германского посла в Берне Ромберга, не могут ли русские эмигранты, независимо от их политических направлений, рассчитывать на проезд через Германию. Они, в свою очередь, стали

бы содействовать возвращению в Германию интернированных в России немцев.

Видя, что переговоры развиваются успешно, Заграничная коллегия Центрального Комитета РСДРП выносит окончательное решение: возвращаться в Россию через Германию. Известить об этом всех членов нашей партии. Всем желающим готовиться к немедленному отъезду. Но тут начинаются новые затруднения. Вспомним, что первым план проезда эмигрантов через Германию в обмен на интернированных в России немцев выдвинул не кто иной, как Мартов. Это произошло на частном совещании российских партийных центров в Берне 6(19) марта. Теперь же, когда этот план был так близок к осуществлению, меньшевики позорно спасовали, пошли на попятную. Испугавшись угроз Милюкова расправиться с теми, кто посмеет поехать через Германию, они стали всячески увиливать от поездки. Цепляясь то за одну, то за другую формальность, они не только отказывались сами ехать, но и ставили под удар всю поездку.

«...Я считаю сорвавших общее дело меньшевиков *мерзавцами* первой степени, «боящихся» того, что скажет «общественное мнение», т. е. социал-патриоты!!!»²² — писал в те дни Ленин.

Вслед за ними заюлил и Роберт Гримм. Он стал утверждать, что знать не знает и ведать не ведает о подготовке русских эмигрантов к возвращению на родину через Германию.

ДОВЕРЕННОЕ ЛИЦО

Это был один из самых критических моментов в подготовке к переезду. Но Ленин и здесь не потерял присутствия духа. «Найдется же в Швейцарии хоть один социалист, у которого хватит мужества, невзирая на травлю социал-патриотов, выпустить нас в Россию! — заявил он. — Наконец, мы обратимся просто к честному швейцарскому рабочему, который согласится подписать необходимые бумаги и провезти нас через Германию»²³.

Конечно, такой человек в Швейцарии нашелся. Это был Фриц Платтен — секретарь швейцарской социал-

демократической партии, лидер ее левого крыла, известный интернационалист и антимилитарист.

В качестве доверенного лица русских политических эмигрантов и легальных лиц, желающих проехать через Германию в Россию, он является к германскому послу в Берне Ромбергу и излагает ему условия, на которых поездка была бы приемлемой для ее участников. Основной принцип — обмен отъезжающих на немецких и австрийских пленных, интернированных в России. Вагон пользуется правом экстерриториальности. Никакой проверки документов. Едут лица, независимо от их политического направления и от их взглядов на войну и мир. Один лишь Фриц Платтен представляет всех пассажиров и защищает их интересы.

— Позвольте,— удивляется вначале посол,— кажется, не я прошу разрешения на проезд через Россию, а господин Ульянов и другие просят у меня разрешения проехать через Германию. Это мы имеем право ставить условия...

Но Фриц Платтен несколько не смущен этим возражением.

«Я со своей стороны ограничивался точным соблюдением данного мне Лениным мандата,— рассказывал он много лет спустя.— Были согласованы условия проезда, причем, как известно, удалось добиться так называемой экстерриториальности для едущих»²⁴.

Вот с этого момента и начинается эпопея «запломбированного» вагона. Тридцать два эмигранта оказались в конечном счете его пассажирами. Девятнадцать были большевики, остальные — бундовцы и сторонники парижской интернациональной газеты «Наше слово».

Каждый обязался не дрогнуть ни перед какими испытаниями, во что бы то ни стало прорваться на родину. Это обязательство было закреплено документально. Таким документом явилась «Подписка участников проезда через Германию». Вот текст этого документа:

ПОДПИСКА УЧАСТНИКОВ ПРОЕЗДА ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ

Я подтверждаю:

1) что переговоры, которые велись Платтенем с германским посольством, мне сообщены;

2) что я подчиняюсь всем распоряжениям руководителя поездки Платтена;

3) что мне известно сообщение «Petit Parisien» о том, что русское Временное правительство проезжающих через Германию угрожает объявить государственными изменниками;

4) что всю политическую ответственность за эту поездку я беру исключительно на себя;

5) что мне поездка моя гарантирована Платтеном только до Стокгольма.

*Берн — Цюрих,
9 апреля 1917 года*²⁵.

Первым под этим документом поставил свою подпись Ленин. По фамилии мужа расписывается рядом Надежда Константиновна — *Ленина*.

Одновременно с русским текстом «Подписки» имел хождение среди эмигрантов, уезжавших в Россию через Германию, и экземпляр, составленный на немецком языке. Тот же текст, слово в слово. Верно, во втором случае встречается несколько имен, которых не достаёт в первом. Здесь в числе других мы находим подписи: *Г. Усиевич, Е. Кон*²⁶.

Семнадцатилетним юношей связал свою жизнь с большевистской партией Григорий Усиевич. За свою активную революционную деятельность он был отправлен в ссылку, но оттуда бежал и с 1916 года жил в Цюрихе. Там Григорий Усиевич встретился с дочерью известного профессионального революционера Феликса Кона — Еленой. Общие партийные интересы сблизили молодых людей. Григорий Усиевич и Елена Кон поженились.

Имя Григория Усиевича можно не раз встретить в ленинских документах.

«После обеда каждыйдневно забегал к нам на полчасика возвращавшийся из эмигрантской столовой молодой товарищ Гриша Усиевич», — вспоминая Цюрих, писала Надежда Константиновна.

После напряженного рабочего дня Ленин любил прогуляться вдоль Цюрихского озера. Ему нередко сопутствовали Григорий и Елена.

Из Цюриха супруги Усиевичи переезжают в Кларан и живут по соседству с Инессой Арманд.

Наступает Февральская революция. Ленин пишет свои знаменитые «Письма из далека». Он шлет их «Правде» и одновременно по эстафете своим ближай-

шим соратникам в Швейцарии. «Прилагаемые копии моих статей прочтите тотчас, дайте прочесть Усиевичу и *тотчас* пошлите в Женеву Карпинским, чтобы и они *тотчас* вернули!» — просит Владимир Ильич в одном из своих писем тех дней. «3-ье и 4-ое письма мои в «Правду» pošлю Вам завтра, в среду. Прочитав и показав Усиевичу, шлите, пожалуйста, Карпинским»²⁷, — обращается Ленин с просьбой к Инессе Арманд в одном из следующих писем.

В проводимой Владимиром Ильичем «спевке» по вопросам тактики партии голос Усиевича звучал четко и ясно в унисон дружному хору ленинцев.

Так же как и другие большевики, Усиевич пытался вернуться домой через Англию. Вот что доносила о нем русская контрразведка: «...Усиевич жил в Лозанне. Зять Кона. Запросил паспорт у английского консула, в котором ему отказано. Уехал в Россию через Германию...»

Так и было в действительности. Достаточно было Ленину бросить клич — едем! — как Усиевич вместе с женой не замедлили откликнуться на него.

«ЗАВТРА ЕДЕМ В РОССИЮ...»

Короткую, но славную жизнь прожил Григорий Усиевич. Один из непосредственных руководителей героической борьбы московских рабочих за установление Советской власти в дни Великого Октября, он пал смертью храбрых на одном из фронтов гражданской войны.

Елена Феликсовна Усиевич живет в Москве. После победы Великой Октябрьской социалистической революции она вела подпольную партийную работу на гетманской Украине. Была чекисткой. Затем занялась литературой, стала профессиональной писательницей-критиком.

У Елены Феликсовны я получаю первое интервью.

— Скажите, пожалуйста, как вы узнали о событиях, разыгравшихся на родине в феврале — марте семнадцатого года?

— Последние месяцы эмиграции мы жили в Кларане, — рассказывает Елена Феликсовна. — Переехали

туда потому, что достать работу было трудно. А на этом модном курорте находилась известная русская библиотека Н. А. Рубакина. Она насчитывала тридцать тысяч томов. Сам Рубакин работал над книгой, которая должна была называться «Две России». Ему хотелось показать одну Россию — народную и другую — царскую, реакционную. Автор многих книг, Рубакин обладал огромными познаниями. Но книга о двух Россиях была одному не под силу. Ему, конечно, помогали. У него в библиотеке работали эмигранты на зарплате. Работал мой отец, потом мы. Обычно часов в пять вечера в одной из комнат библиотеки сотрудникам подавался чай и хлеб. И вот однажды, как раз во время чаепития, из кабинета Рубакина раздался совершенно задыхающийся голос: «Все ко мне!» Мы кинулись туда, думая, что он умирает. Рубакин лежал в кресле с телефонной трубкой в руках. Только что ему передали по телефону из Лозанны, что в России революция!

Мы все были потрясены. И первая мысль у нас, большевиков, была о Ленине. Как теперь нужен Владимир Ильич там на родине, в Петрограде...

На другой день мы поехали на митинг в Лозанну. Запомнилась мне происшедшая там одна смешная история. Народу собралось много, присутствовали всякие люди. Вдруг выступает какой-то оратор и произносит странную и непонятную речь.

— Будэм рэзать — будэт порадок, нэ будэм рэзать — нэ будэт порадка, — заявляет он.

Тут все завопили: «Анархист!». А он обиделся и говорит:

— Это я анархист? Я умэрэнно-консервативной партии члэн...

Это был меньшевик Триа. Горький говорил, что знал его лично, знал его и Луначарский. Вот представьте себе грузинского меньшевика, ростом с дверь, с медно-красными волосами до плеч. Он был арестован в России в первую русскую революцию. Его задержали в тот момент, когда он с двумя бомбами в руках выпрыгивал из вагона на ходу поезда. Потом он принимал участие в персидской революции, был арестован. Как ему показалось, его хотели посадить на кол.

— Я так испугался, что убил пять человек и убежал, — рассказывал он.

Таков был этот «умеренно-консервативной партии член».

Когда на демонстрации моему мужу говорили: «Вот Триа, пойдем познакомимся», он отвечал:

— А он не испугается? А то ведь, испугавшись, убивает...

Когда настала война, многие буржуазные семьи оказались лишенными возможности вернуться с курорта на родину. Здесь застряли и князья. Александр Антонович Трояновский, в прошлом артиллерийский офицер, давал их детям уроки. Он рассказывал Усиевичам о большом волнении, которым были охвачены вельможи.

— Теперь Михаил будет управлять, — отчаивались они, — а он женат бог знает на ком. А нам придется ехать ей представляться.

«А что они скажут, когда им придется Надежде Константиновне представляться?» — вспоминает свою шутку по этому поводу Елена Феликсовна.

— Формально мы продолжали работать в библиотеке, но фактически никто уже не работал как следует, — продолжала она свой рассказ. — Все только и жили событиями в России. Инесса Арманд все время связывалась по почте и телефону с Лениным, а мы поддерживали связь с ней. Обычно мы обедали вместе, а потом шли пить чай к нам или к ней. Мы жили очень высоко на горе, а она жила в самом Кларане.

— Вот Владимир Ильич прислал, — сказала как-то Инесса Федоровна Усиевичу и передала ему первые два ленинских «Письма из далека». Помню, какое сильное впечатление произвели они на Григория Александровича.

Не терпелось скорее уехать на родину. И вот в один прекрасный день, когда я мыла посуду после обеда, вдруг услышала, что скачет муж через три ступеньки. Он вбежал и сказал:

— Собирайся, через полтора часа выезжаем в Берн. Ильич уже там. Завтра едем в Россию.

Я выдвинула ящик комода, высыпала все в чемодан, а что не поместилось, подарила хозяйке. И вместе с Инессой Арманд мы тут же уехали в Берн...

С Еленой Феликсовной мы еще встретимся. А как собирались в дорогу другие пассажиры «запломбиро-

ванного» вагона, какая обстановка царила вокруг предстоявшей поездки в соседних эмигрантских центрах Швейцарии?

ПО ПАСПОРТУ ДВОРЯНИНА ЕЛЬЧАНИНОВА

Заглянем опять в документ, под которым стоят подписи эмигрантов.

Б. Ельчанинов...

— Откуда вы взяли такую фамилию? — спросил меня один из пассажиров «запломбированного» вагона, у которого я надеялся найти след этого человека. — Первый раз слышу.

— Представьте себе, и для меня это новость, — ответил другой. — Ельчанинов? Интересно...

И все же пассажир с такой фамилией в вагоне был. Профессиональный революционер из рабочих, большевик, которого царская охранка то и дело бросала из одной тюрьмы в другую, сумел, наконец, перебраться через границу и найти убежище в Швейцарии.

— Ельчанинов — это был ваш партийный псевдоним? — спрашиваю я своего собеседника — члена КПСС с 1903 года З. О. Рывкина.

— Нет, — отвечает он. — Но я жил по паспорту Ельчанинова, когда работал в Лозанне. Там, чтобы русскому поступить на работу, нужен был паспорт. Я написал в Париж, и мне через Карпинского выслали паспорт на имя Ельчанинова — дворянина, студента Московского университета. Где он взял этот паспорт, я не знаю, но я был этим «дворянином» пять лет. Потом, когда удалось вернуться в Россию, я сказал: «Ну его к черту, это дворянство».

Живя в Швейцарии, старый большевик неоднократно слушал рефераты Ленина, был одним из гостей на конференции заграничных секций РСДРП, проходившей в Берне в феврале 1915 года.

Как-то его спросили в Швейцарии:

— Почему так мало участников было на этой конференции?

— Нас можно считать за миллион, потому что с нами был Ленин, — ответил он.

На конференции говорилось о том, что революция в России не за горами. И вот теперь, когда она

совершилась, Рывкин-Ельчанинов стал готовиться к отъезду.

— Только в последние дни мы узнали, что ехать придется через Германию, — рассказывает мой собеседник. — Я не задумывался, рискованно это или нет. Раз Ильич едет, надо и нам ехать. Значит, все будет в порядке.

Настал день отъезда из Женевы в Берн. Я подошел к фабрике Гофмана, где работал, чтобы повидать своих товарищей рабочих. Они знали, что я уезжаю. Устроились в небольшом кафе, за кружкой пива мирно беседовали, коротали часы, оставшиеся до отправления поезда. Тут я вспомнил, что на этот день назначен митинг, организованный правыми эсерами, бундовцами и меньшевиками в Мезон дю пепль (Народном доме). В этом доме помещалось больше двух тысяч человек. Я сказал своим друзьям, что пойду на этот митинг, побуду там час или полтора, а потом заеду домой, рассчитаюсь за комнату, возьму извозчика — и на вокзал. Мои товарищи выразили желание пойти со мной.

Зал был полон.

Не помню фамилии докладчика, помню только, как он цедил сквозь зубы: «Мы собрались сюда в момент, когда Россия воюет с Германией на стороне Антанты. Николай Второй отрекся от престола в пользу своего брата, и там создано новое правительство Милюкова, которое будет вести войну до победного конца. И вот находятся люди, решающиеся ехать через Германию, через вражескую страну. Это большевики, Ленин».

Когда он это сказал, я закричал: «À bas!» (по-французски «долой»). Я крикнул во весь голос, а тут раздались еще голоса. Вижу, стоит портной Соколинский, ныне покойный. Он тоже крикнул: «Долой!» С трибуны закричали: «Silence» (Тише!).

На этом собрании был всякий сброд — кабатчики разные. Они кричали: «Fermez la gorge!» (Заткните глотку!). Тогда я сказал своим товарищам, что так толку не будет, давайте по-русски поступать. Я взял стул и кинул на сцену. И тут началась свалка. Меня ударили по голове до крови, публика начала разбегаться, меня хотели арестовать, пытались надеть цепочку на руки. Но один француз, Джазаль, с которым я работал, схватил меня за рукав, и мы убежали.

Митинг был сорван. Я пошел к врачу, и мне сделали перевязку. К поезду я опоздал. На другой день вместе с Миха Цхакая и другими товарищами, уезжавшими в Россию, я отправился в Берн...

Вот уже четвертый день вся ленинская корреспонденция идет не из Цюриха, а из швейцарской столицы. Сюда, в Берн, он перенес весь центр подготовки к отъезду. Народный дом в Берне — сборный пункт для отъезжающих в Россию политических эмигрантов.

Меньшевики, которых Ленин предельно точно аттестовал мерзавцами первой степени, продолжают мутить воду, из кожи лезут вон, чтобы сорвать поездку. Ты им вынь да положь на стол санкцию Совета рабочих депутатов на проезд через Германию. Они склочничают, путаются в ногах. Опять задержка с отъездом...

Ленин телеграфирует об этом Ганецкому в Стокгольм. По тому же адресу еще накануне поступает телеграмма из Петрограда. Центральный Комитет партии подчеркивает необходимость скорейшего приезда Ленина в Россию. Он протягивает руку братской помощи всем политическим эмигрантам, готовящимся вместе с Владимиром Ильичем в дорогу.

Теперь надо было, повторив слово в слово текст высокоавторитетного документа, передать его по телеграфу из Стокгольма в Берн. Это и сделали Ганецкий и Воровский.

Можно себе представить, какое воодушевление вызывает радостная весть среди отъезжающих. Пусть теперь попробуют сунуться со своими провокациями меньшевики. Им не поздоровится.

«Из России торопят ехать... Жизнь идет архисутолично и нервно последнее время, — пишет из Берна в Давос Надежда Константиновна В. М. Каспарову — эмигранту-большевику, прикованному к постели. — Мыслями живешь уже России, все думается, что там и как. Перед пролетариатом встал теперь ряд новых совершенно задач...»²⁸

Наступают самые напряженные часы подготовки к переезду на родину. Одно за другим шлет Владимир Ильич по телеграфу экстренные поручения Вячеславу Алексеевичу Карпинскому в Женеву, торопя его с приездом в Берн. Наконец, окончательно определяется день отъезда — понедельник, 9 апреля. И ленинская теле-

грамма с сообщением даты и количества едущих летит в Стокгольм, к Ганецкому.

Обремененный колоссальными хлопотами, занятый составлением важнейших политических документов, Владимир Ильич не освобождает себя и от непосредственных забот о бытовой стороне поездки.

Не так просто снабдить едущих продовольствием. Надо и на него получить разрешение. Кто же справится с этим делом лучше Платтена. Ленин шлет телеграмму в Цюрих одному из большевиков с просьбой передать его поручение швейцарскому другу. «Исполнение телефонируйте 12-11», — называет Владимир Ильич номер своего телефона в гостинице Народного дома.

Итак, распределены интендантские роли. Есть казначей, заведующий продовольствием. Из разных уголков Швейцарии стягиваются в Берн политические эмигранты, презревшие милюковские окрики, лицемерные патриотические гримасы меньшевиков.

«В гостинице мы первую увидели Надежду Константиновну, — вспоминала одна из участниц переезда, О. Равич. — Она нас очень ласково и радостно встретила и подчеркнула, что все вышло очень хорошо. Все собрались, несмотря на то что были вызваны внезапно. Вот, мол, это настоящая большевистская дисциплина. В Берне побыли дня два. По каким-то незначительным причинам нельзя было сразу оформить нашу поездку. Все это время употребили на улучшение своего туалета. Даже Надежда Константиновна увлеклась. Один Владимир Ильич, будучи занят, остался в своем старом одеянии, и только впоследствии в Стокгольме кто-то из товарищей его приодел»²⁹.

...Берн. Народный дом. Здесь идет напряженная подготовка к отъезду.

Появляются представители левых социал-демократов Франции, Германии, Швейцарии и Польши. Они собрались сюда, для того чтобы выразить свою полную солидарность с решением Ленина и всей группы большевиков-эмигрантов скорее вернуться на родину.

Открывается совещание. Председательствует Ленин. Принимается важный документ — «Заявление участников совещания». Инесса Арманд зачитывает его на немецком и французском языках:

«Мы, нижеподписавшиеся интернационалисты

Франции, Швейцарии, Польши, Германии, полагаем, что наши русские единомышленники не только вправе, но и обязаны воспользоваться представившимся им случаем проезда в Россию...»

Французских интернационалистов представляли Ф. Лорио и Анри Гильбо. Первый из них внес единственную поправку в документ, подчеркнувшую заслуги русских интернационалистов за время войны в борьбе против империализма вообще и против германского империализма в особенности.

«Все единодушно согласились с этой поправкой,— вспоминал Гильбо.— Я, как сейчас, вижу сияющее лицо Ленина при проявлении такого последовательного интернационализма»³⁰.

Там же в Берне, в Народном доме, на другой день происходят и другие важные исторические события.

Большевики, участники поездки, обсуждают и единогласно принимают «Прощальное письмо к швейцарским рабочим» и протокол с документами, относящимися к проезду через Германию. Подписка участников проезда оформляется уже в поезде между Берном и Цюрихом.

Прежде чем покинуть швейцарскую столицу, Надежда Константиновна отправляет отсюда письмо в Давос, начатое еще накануне,— прикованному тяжелой болезнью к постели большевику В. М. Каспарову. Последние строки ей удается дописать за час до отхода поезда. Присоединяет свой привет Каспарову и другому больному товарищу (Карлу.— Ю. Ю.) и Ленин.

— Надеюсь, в Питере встретимся, и скоро,— ободряет он обоих друзей.

Формально жителем Цюриха Ленин перестал быть еще семь дней назад. «2 апреля 1917 года выписан в Россию,— сделала у себя пометку о Владимире Ильиче цюрихская полиция.— Потребовал возвращения залога в 100 франков»³¹.

Действительно, все свои дела в Цюрихе Владимир Ильич ликвидировал тотчас же, как пришло сообщение из Берна, что разрешение германского правительства на проезд русских политических эмигрантов получено. Тогда же и получил назад свои 100 франков, которые ему пришлось внести полицейскому управлению в залог за право жительства в Цюрихе.

Цюрих лежал на пути к швейцарской границе. И до отхода поезда Ленин и его спутники располагали несколькими свободными часами. Время и здесь оказалось у Владимира Ильича предельно уплотненным. Надо было еще раз проинструктировать всех отъезжающих, включая тех, кто ехал из Цюриха. А как покинуть город, не уплатив партийные взносы за апрель? Надо было забежать в Цюрихский кантональный банк и получить остаток вклада, специально предназначенный для этой цели. Но время...

И тогда Владимир Ильич обращается с просьбой к кассачею цюрихской секции большевиков:

«Вот, товарищ Харитонов, в уплату членских взносов за апрель возьмите, пожалуйста, эту книжку. Деньги вы можете получить в банке. Тут хватит за меня и Надю... Я извиняюсь, что обременяю вас своим поручением. К сожалению, сам не успел получить...»

Среди документов, хранящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма, можно увидеть и ленинскую сберегательную книжку с остатком вклада — пятью франками и пятью сентимами. Старая большевичка по достоинству оценила эту реликвию, погасив тогда партийные взносы за Владимира Ильича и Надежду Константиновну своими деньгами.

Но вернемся на цюрихский вокзал. Близится час отхода поезда. На перроне собирается много друзей. Здесь и соотечественники и политические эмигранты из многих стран мира.

«Доброго пути вам», — говорят их открытые, озаренные весенним солнцем лица, светлые улыбки.

Ленин беседует с провожающими, шутит, но нет-нет да взглянет на часы. Скоро ли отправление?

Потом он подымается на площадку вагона, радостный, счастливый, несущий в себе огромный заряд революционной энергии.

Тем временем всячески изощряются в подлости социал-патриоты, пришедшие сюда, чтобы омрачить праздник проводов первой группы политических эмигрантов на родину. Иные из них корчат из себя доброжелателей.

— Владимир Ильич увлекся и забыл об опасности, — предостерегающе шепчет на ухо одному из отъезжающих кто-то из соглашателей. — Вы хладнокров-

нее. Поймите же, что это безумие. Уговорите Владимира Ильича отказаться от плана ехать через Германию.

Шумит, куролесит социал-патриотическая братия. Фрицу Платтену приходится умирять одного из таких буйных поклонников милюковского правительства.

— На перроне цюрихского вокзала особо распоясался один горлопан, по-моему из Женевы, — рассказывает З. О. Рывкин. — Он стал нас честить предателями и выругался. Я выскочил из вагона и дал этому типу по морде. Товарищи знали, что я рабочий человек и хороший драчун. Они увели меня в вагон, чтобы я не натворил еще чего-нибудь.

Порывался в вагон, чтобы учинить провокацию и некто Блюм. По свидетельству Фрица Платтена, вышвырнул его оттуда сам Ленин.

Наступает момент отправления поезда. Кто-то запекает «Интернационал», сразу же его подхватывают десятки голосов.

Свисток паровоза. И громкое «Ура! — У-ра! — У-ра-а!» катится вслед уходящему поезду.

Пройдет немного времени, и тем же путем, через Германию, вернутся на родину еще две группы политических эмигрантов — несколько сот человек. Среди них будет немало и тех, кто поносил пионеров этого маршрута.

...Поезд идет к швейцарско-германской границе. Настроение у всех светлое, бодрое.

Тайнген. Здесь кончается Швейцария. Таможенный досмотр. И политические эмигранты лишаются части своего провианта.

«Было бы понятно, если бы у нас отбирали то, что мы увозим, а то нам не позволяли вывозить шоколад из Швейцарии, оставляя по две плитки каждому, — рассказывает Елена Феликсовна Усиевич... — Я ругалась с таможенником. А сзади стоял Платтен. На нем была пелерина и широкополая шляпа. Он стоял и молчал. Я очень возмущалась, что он мне не помогает отстаивать этот шоколад перед таможенником. А он говорит:

— Пойдем, пойдем, дитя, пока ты волнуешься, я прибрал килограмма два этого шоколада».

В ПУТИ

Среди пассажиров «запломбированного» вагона находился и человек, упоминаемый Лениным в одном из его писем в разгар подготовки к отъезду в Россию: «Лозанну (Гобермана) известите специально»³², — просит Владимир Ильич цюрихскую секцию большевиков.

И вот я беседую с третьим участником поездки. Уроженец Москвы, где еще в 1911 году он связал свою жизнь с партией. Текстильщики Хамовников хорошо знали большевистского агитатора. На его след нападает охранка, бросает его в тюрьму. Ссылка в Архангельскую губернию. Из нее он возвращается с туберкулезом. Ему удается эмигрировать в Швейцарию. В Берне он знакомится с Лениным. Вскоре Надежда Константиновна передает ему указание Владимира Ильича переселиться в Лозанну, чтобы принять участие в добывании средств для партии. Они нужны были для издания центрального органа партии — газеты «Социал-Демократ».

В Лозанне Михаил Львович организует концерты, пополняя доходами от них партийную кассу. Отсюда же он регулярно пересылает литературу русским солдатам, находящимся в немецком плену.

Наступает Февральская революция. Вместе с другими большевиками Гоберман живет мыслью о немедленном возвращении домой. Узнав о проекте проезда через Германию под руководством Фрица Платтена, он пишет Надежде Константиновне письмо с просьбой непременно включить его в списки отъезжающих.

— Через некоторое время я получил ответ. «По всей вероятности, — писала Надежда Константиновна, — отправимся тогда-то и тогда-то. Я вам сообщу об этом телеграммой». И действительно, вскоре такую телеграмму я получил. Собрался в тот же день. Пошел в кафе попрощаться с товарищами. Там оказался и эсер Старинкевич, немало уже разглагольствовавший и раньше по поводу «предательства» большевиков, едущих через Германию. Он окинул меня надменным взглядом и сказал: «С этого момента можете не считать меня своим знакомым». Я ответил, что очень рад этому.

Михаил Львович рассказывает далее о том, как он

участвовал в подписании протокола собрания большевиков, отъезжающих на родину, о волнующих встречах с попутчиками в Берне и Цюрихе.

— Да, вот что я хочу вам сказать, чтобы не забыть, — оживляется он. — Все мы, ехавшие в немецком вагоне, имели карточку с подписью Фрица Платтена. Я, пожалуй, единственный человек, который сохранил такую карточку. Ее сберегла моя дочь. Ведь я семнадцать с половиной лет здесь отсутствовал...

Пассажир «запломбированного» вагона показывает уникальную реликвию. Небольшой, размером в ладонь листок бумаги. В центре его — штамп Швейцарской социал-демократической партии. Ниже текст: место, номер. В правом углу пометка — № 21. И в конце личная подпись Фрица Платтена.

— Видимо, это и было мое место в вагоне — № 21, — поясняет Гоberman. — Могу дать для вашей работы фотокопию этой карточки...

Я с благодарностью принимаю ее.

Человеку, сохранившему путевку на родину с автографом Фрица Платтена, она напоминает о многом...

Поздний апрельский вечер семнадцатого года. Где-то на путях станции Готтмадинген стоит заурядный, выдавший виды вагон немецких железных дорог. Надо обойти его, чтобы оказаться перед единственной открытой для входа и выхода задней дверью. Возле ступенек вагона два офицера. Им надо предъявить платтеневский пропуск, и лишь после этого тебя пропустят. Часть — купе второго класса, часть — третьего. Следа половой тряпки или веника не видно, зато вольготно чувствуют себя насекомые.

Места немецких офицеров, сопровождающих русских политических эмигрантов до шведской границы, — в купе у самого входа в вагон. Меловая линия в коридоре — русская граница. Перешагнуть ее вправе только Фриц Платтен. На этом и зиждется принцип экстерриториальности вагона.

Пассажиры располагаются на отведенных им местах. По четыре человека в восьми купе.

— Спальных мест в каждом купе было только два, — рассказывает З. О. Рывкин. — Мы устроили дежурства, чтобы спать по очереди. Спали до двух часов и после. Меня поместили в купе, где находился Ленин.

Пока нас рассаживали, стало темно. Пришли кельнеры с вокзала. Они несли на подносиках котлеты и куски черного и белого хлеба, хотели зайти к нам в вагон. А Платтен стоит и говорит: «Не могу вас пустить».

Прошла ночь, прежде чем вагон, в котором находились русские эмигранты, прицепили к поезду, шедшему на Берлин. К утру, таким образом, успели проехать очень мало.

— А где же хваленая немецкая аккуратность? — лукаво улыбаясь, спросил Фрица Платтена Владимир Ильич. — Эдак мы и пять суток проедем по Германии.

Первое утро в пути по немецкой земле. Как не запомнить его даже почти пять десятилетий спустя! Остались в памяти З. О. Рывкина хлопоты Владимира Ильича о бытовой стороне переезда.

— Кто нас будет кормить? — спросил Ленин женщин, занимавшихся продовольствием. — Что у вас есть?

Ему показали, что есть немного колбасы, сыра и сахара. Он посмотрел, сделал свой любимый жест — пригладил голову и говорит:

— Это все надо разделить на пять частей, и каждую часть разделить еще на три части, чтобы еда была на утро, день и вечер. Сахар раздать по куску в день, а детям по два...

Такой паек и был установлен.

...Трое суток «запломбированный» вагон едет по Германии. Какая же жизнь идет в нем, чем заняты Ленин и его спутники? Прежде чем читатель услышит короткий рассказ об этом из уст четвертого участника поездки, мы позволим себе небольшое отступление.

МОЛОДОЙ ТОВАРИЩ ИЗ ЛА-ШО-ДЕ-ФОНА

«В день памяти Парижской коммуны, 18 марта, Ильич ездил в Шо-де-Фон — крупный швейцарский рабочий центр, — вспоминала Надежда Константиновна о реферате, с которым Ленин выступил через три дня после получения в Цюрихе первых известий о Февральской революции в России. — Охотно

поехал туда Ильич, там жил Абрамович, молодой товарищ, работал на заводе, принимал активное участие в швейцарском рабочем движении»³³.

Имя молодого рабочего называет Ленин в одном из своих писем Карпинскому, написанных накануне окончательного разрешения вопроса о проезде русских политических эмигрантов через Германию.

«С Абрамовичем (известите его, чтобы торопился ехать, т. е. подготовиться: едем в среду) сговоритесь *детально* о переписке с Шо-де-Фоном и об издании моей речи»³⁴, — просит Владимир Ильич Вячеслава Алексеевича.

Бывший сборщик часов в Ла-Шо-де-Фоне, выполнявший в эмиграции многочисленные ленинские поручения и вернувшийся на родину вместе с Владимиром Ильичем, Александр Емельянович Абрамович-Четуев живет теперь в городе Лиепая (Латвийская ССР).

Старый коммунист много лет вел партийную работу. В семнадцатом году в Питере был ответственным организатором Охтинского района и членом Петроградского комитета партии. Позже входил в состав бюро Одесского обкома партии. Работал в Коминтерне. Был парт-оргом ЦК на строительстве завода комбайнов в Новосибирске — Сибкомбайне. Заведовал кафедрой марксизма-ленинизма в одном из сибирских вузов.

Ныне он персональный пенсионер — один из активистов лиепайской городской партийной организации. Есть у него и свое рабочее место. На одном из предприятий он создал и ведет патентный фонд. Здесь оченьгодились его знание иностранных языков и знакомство с зарубежной технической литературой.

— Ла-Шо-де-Фон находится в кантоне Невшатель, — рассказывает Александр Емельянович. — Там много часовых фабрик. Это — столица часовщиков. Немало памятного осталось там от парижских коммунаров, которые после падения коммуны нашли здесь себе убежище. Ленин особенно к этому месту тяготел. В Ла-Шо-де-Фоне был клуб социалистов-интернационалистов: немцев, французов, итальянцев. Еще в декабре шестнадцатого года я по просьбе клуба договорился с Лениным о его приезде туда и выступлении с рефератом. Когда началась революция в России, я считал, что

Владимиру Ильичу не до Ла-Шо-де-Фона. И вдруг получаю телеграмму, в которой он сообщает, что приедет 18 марта и просит переменить тему реферата. Я пошел к товарищам, и мы напечатали афишу о предстоящем 5(18) марта в рабочем клубе реферате Ленина на тему: «Пойдет ли русская революция по пути Парижской коммуны?»

Встретил я Ленина на вокзале. Приехали ко мне на квартиру, где хозяйка приготовила завтрак. Потом мы отправились в рабочий клуб.

Перед началом реферата Владимир Ильич беседовал с нами — членами местной группы большевиков.

— Кто поедет в Россию? — спросил он.

Выяснилось, что немедленно могу поехать пока только я.

— А каким образом?

У меня к тому времени уже созрел план. В Швейцарии лечила своего сына одна богатая семья. Меня приглашали сопровождать его в качестве лечащего врача. Но это был пока только еще прожект.

— Возможно, что я смогу вам помочь, — сказал Владимир Ильич.

Спустя некоторое время я получаю две телеграммы. Одну — от Карпинского. Он предлагал приехать в Женеву, сдать ему все материалы по реферату Ленина в Ла-Шо-де-Фоне и быть готовым ехать в ближайшие дни. Другую — от Инессы Арманд, которая просила все подпольные связи передать товарищу и ехать к Карпинскому. Я немедленно отправился в Женеву.

Отъезд все затягивался. И Александр Емельянович вспоминает, как, наконец, выяснилось, что все решено.

— Это произошло в день, когда меньшевики и эсеры метали с трибуны Народного дома в Женеве гром и молнии в адрес большевиков, решивших ехать на родину через Германию. «Да здравствует русская революция!», «Да здравствует война до победного конца!» — провозглашали они при этом.

Мы пришли на это собрание вместе со швейцарскими рабочими. И когда организаторы этого собрания потеряли всякую меру приличия, мы прогнали их с трибуны. Вдруг появляется Карпинский.

— От Ленина телеграмма. Надо немедленно выезжать...

Багажа у нас не было никакого. Мы отправились на вокзал, чтобы поехать в Берн. По дороге встретили Мишу Цхакая. Он шел с Сулиашвили. Миша Цхакая спрашивает:

— Куда едете?

Мы отвечаем ему, что получили телеграмму от Ленина. Отъезжаем в Берн.

— А меня возьмете с собой?

Миша Цхакая тут же кому-то передает для хозяйки ключи от квартиры.

— А долг Ее Величество Революция уплатит,— добавил он, смеясь.

Так с ходу и поехал.

Изерна мы прибыли в Цюрих. Сели снова в поезд и поехали на последнюю станцию Швейцарии. Помню, как любовались в последний раз знаменитым Рейнским водопадом высотой в полкилометра. Одна сторона его в Швейцарии, а другая в Германии...

Напомним читателю: с пассажирами «запломбированного» вагона мы расстались в первое утро их путешествия по Германии. Что же было дальше?

По своему обыкновению Ленин и в пути сразу же настроился на рабочий лад. Большую часть дня его можно было увидеть в купе, то склонившимся над книгой, то вносящим записи в тетрадку.

А как проводили дневные часы этого путешествия по Германии попутчики Владимира Ильича? Ведь пожаловаться на недостаток досуга они никак не могли.

— Народ был молодой,— отвечая на мой вопрос, рассказывает Александр Емельянович.— Когда мы сели в поезд, настроение было радостное, хотелось петь, но петь революционные песни на немецкой территории нам не разрешалось. Немцы взяли с нас и такое обязательство. Ну, что же поделаешь. Мы выбирали песни немудреные.

Нашлись среди пассажиров веселые рассказчики. Это была вполне естественная разрядка после многих горьких переживаний на чужбине. И Ленин принимал эту разрядку как должное. Но нельзя было забывать и о деле.

Партии предстояло повести за собой массы к полной и подлинной победе народовластия. Жаркие бои, горя-

чие схватки с меньшевиками, эсерами и всякими иными прихвостнями контрреволюционного Временного правительства ожидали каждого большевика, возвращавшегося из эмиграции на родину. Об этом, по свидетельству Александра Емельяновича, Ленин и напомнил товарищам, не в меру увлекшимся художественной самодельностью...

По предложению Ленина был установлен регламент. Каждый вечер он собирал нас, читал свои «Письма из далека». Первыми Владимир Ильич познакомил нас еще в пути с набросками своих тезисов о задачах пролетариата в революции.

Программные ленинские документы вызвали живейший интерес, активно обсуждались. Владимиру Ильичу задавали вопросы. И отвечая на них, он особенно подчеркивал необходимость вооружения рабочих, рекомендовал по приезде в Россию тщательно изучать опыт деятельности Советов в 1905 году. Советы — новая форма власти.

...Коридор вагона. Ленина обступила группа товарищей. Среди них Платтен. Горячо дебатруется какой-то вопрос.

— Какого вы мнения, Фриц, о нашей роли в русской революции? — обращается к нему Владимир Ильич.

— Должен сознаться, что вполне разделяю ваши взгляды на методы и цели революции, но как борцы вы представляетесь мне чем-то вроде гладиаторов Древнего Рима, бесстрашно, с гордо поднятой головой выходящих на арену, навстречу смерти, — отвечает он. — Я преклоняюсь перед силой вашей веры в победу»³⁵.

**«ПУСТЬ НЕ ПОКАЗЫВАЮТСЯ
ЭТИ ИЗМЕННИКИ НА ГЛАЗА»**

Немцы, казалось бы, сделали все, для того чтобы пассажиры «запломбированного» вагона не увидели обескровленную войной Германию. Но глаза не завяжешь. Окна наглухо не заколотишь.

«Ильич не отходил от окна, — вспоминала З. Лилина, возвратившаяся в Россию в составе той же группы. — Он пытался по картине Германии составить себе хотя бы приблизительное представление о том, что

делается в России. Ужасную картину представляла Германия. На вокзалах пусто, в деревнях лишь женщины, старики, дети. Мужчины поголовно в военных мундирах»³⁶.

Поезд идет по Германии, останавливается редко, преимущественно ночью. Но откуда ни возьмись у вагона оказываются местные жители. Их оттесняет полиция. Но они не расходятся. Они хотят узнать у политических эмигрантов, скоро ли конец войне.

Здесь мы вновь вернемся к интервью, взятому у Елены Феликсовны Усиевич.

— Издали люди показывали нам юмористический журнал «Симплициссимус», что по-русски значит «простак». Это не немецкое, а латинское слово. Платтен потом принес нам этот журнал. Там была карикатура на царя. Немцы сочувствовали, конечно, не нам, а хотели конца войны. На многих немцев страшно было смотреть: толпа изнуренных, изможденных людей. Среди гражданского населения царил голод. Как говорил Ленин, «великолепно организованный голод». Люди мечтали о мире.

Поезд приходит во Франкфурт-на-Майне. Здесь вагон отцепляют. В ожидании поезда он стоит в тупике. Платтен уходит куда-то, но вскоре возвращается, держа в руках несколько кружек пива. За ним торжественно несут пенящиеся сосуды немецкие солдаты.

Произошла, оказывается, вот такая история. Оба немецких офицера, сопровождавших вагон, Планитц и Бюринг, вовсе не собирались скучать в железнодорожном тупике и отправились в город.

Фриц Платтен еще оставался в вагоне. Но у него были дела на вокзале, и он отправился туда. Заглянул и в буфет, где продавали пиво. Тут его и осенила мысль — преподнести сюрприз русским друзьям. Всем до одного. Но много ли кружек пива он сумеет донести сам?

Между тем в зале буфета о чем-то оживленно беседовали несколько немецких солдат. Платтен подошел к ним поближе. Прислушался к разговору. Толкуют о пассажирах «запломбированного» вагона. Он представился и, не пускаясь в длинные разговоры, предложил новым знакомым помочь донести до вагона пиво, которым ему хочется угостить русских.

Люди, одетые в шинели немецких солдат, были из рабочих. Шовинистическая пропаганда Шейдемана — лидера социал-демократической партии, членами которой они оказались, наложила свой отпечаток на их взгляды, но при всем этом война им осточертела. И в надежде получить ответ на вопрос, скоро ли придет ей конец, они и пришли сюда. Могли ли они не почувствовать тому делу, ради которого русские политические эмигранты спешили на родину?..

Нашлись и охотники силой пожаловать в гости к русским политическим эмигрантам. Ленин вспоминал об этом неприятном инциденте на VII (Апрельской) Всероссийской конференции нашей партии:

«Когда мы ехали в вагоне по Германии, то эти господа социал-шовинисты, немецкие Плехановы, лезли к нам в вагон, но мы им ответили, что ни один социалист из них к нам не войдет, а если войдут, то без большого скандала мы их не выпустим. Если бы к нам впустили, например, Карла Либкнехта, то мы бы с ним поговорили»³⁷.

Где же это произошло и кто именно ломился в двери «запломбированного» вагона?

Поезд пришел в Штутгарт. Вдруг в вагон стал рваться некто Янсон. Что ему угодно? Ему, видите ли, не терпится передать пламенный привет русским политическим эмигрантам от германских профсоюзов.

— Мы геноссен, — подчеркивал Янсон.

Он, правда, не добавил при этом, от каких именно германских профсоюзов соизволил сюда пожаловать. Но Платтен и не нуждался в таком пояснении. Он отлично знал, кого представляет этот реформист. Немудрено, что он грудью загородил дорогу социал-шовинисту.

А тот напирает, лезет со своим приветствием напролом. Никакие доводы формального характера, что по условиям проезда русских политических эмигрантов через Германию вход к ним в вагон запрещен, не охлаждают темперамента незваного гостя.

— Пойдите все же, спросите Ленина, — настаивал он.

— Я был в купе, когда вошел Платтен и спросил Ленина, как быть, — рассказывает З. О. Рывкин. —

Ленин говорит: «Какие мы им геноссен. Они предатели рабочего класса. Так им и скажите».

С презрением был отвергнут «адрес» господ немецких социал-шовинистов.

...Маршрутный поезд продолжает свой рейс по Германии. Вот и Берлин. Одни пассажиры добираются с Потсдамского вокзала до Штеттинского омнибусами, другие на извозчиках. А «запломбированный» вагон петляет по окружной железной дороге. У одного из окон стоит Ленин. Сколько воспоминаний было связано у Владимира Ильича с этим городом. Впервые он приезжал сюда в 1895 году. Здесь он занимался в публичной библиотеке, составлял конспект одного из классических произведений Маркса и Энгельса, бывал на рабочих собраниях. Здесь он познакомился с соратником Маркса Вильгельмом Либкнехтом — одним из руководителей германской социал-демократии. Через Берлин лежал его путь в апреле 1907 года в Лондон, на V съезд партии. И вот теперь перед ним вновь силуэты Берлина.

Ничего не подозревавшие о переброске «запломбированного» вагона с Потсдамского вокзала на Штеттинский, сопровождающие немецкие офицеры развлекались в одном из ресторанов. Когда хватились, что вагона нет, душа в пятки ушла.

Наконец отыскали вагон и опять завертели колеса. Все ближе и ближе Засниц — портовый город на берегу Балтийского моря. Здесь и кончается Германия. Немецким офицерам остается выполнить еще некоторые формальности, и на этом их миссия кончается.

Продолжить путешествие русским политическим эмигрантам предстоит на борту шведского грузового парома-парохода «Королева Виктория». «Королева» оказывает свое гостеприимство сразу всему поезду вместе с его подвижным составом и несет его по волнам Балтийского моря к шведскому берегу, в Треллеборг.

...Четыре часа на просторах Балтики. Как себя чувствуют здесь наши соотечественники, чем заняты?

НА БОРТУ «КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ»

После закупоренного вагона они счастливы, наконец, подышать свежим морским воздухом. Но далеко не все могут сладить с крепким ветром и выдержать качку. Не покидают палубы лишь самые сильные.

Могучий порыв взбрасывает волну на борт парохода.

— Это вам подарок, товарищ Ильич, — шутит один из попутчиков. — Первая дружеская волна из революционной России.

Да, ждут не дождутся Ленина на родине. Достаточно было Ганецкому получить телеграмму Ленина из Берна о дне отъезда, как он поспешил встретить Владимира Ильича и всю группу политических эмигрантов в шведском порту Треллеборге. Поспешил, не дождавшись последней депеши, отправленной за подписями Платтена и Ленина уже по пути из Засница (Германия) в Треллеборг: «Мы приезжаем сегодня 6 часов Треллеборг».

Опередив таким образом события на целых два рейса «Королевы Виктории» из Засница в Треллеборг, Ганецкий оба дня томился в неведении. Звонил по телефону домой в Стокгольм до поступления последней телеграммы, но ничего утешительного жена ему не могла сообщить. Телеграфировал в Швейцарию — ответа не последовало.

Третий день ждет Ганецкий Ленина. Третий раз за это время «Королева Виктория» держит курс к шведскому берегу. Там ли на этот раз Ленин со всей группой русских политических эмигрантов?

— Нельзя ли дать радио на пароход, — обращается Ганецкий к начальнику порта в Треллеборге.

— Можно, но принимаются лишь служебные телеграммы, — отвечает он.

Лишь служебные? Яков Станиславович уже успел к тому времени обратить внимание на объявление русского Красного Креста, висевшее на станции. За представителя этого общества он себя тут же и выдает. Служебную телеграмму ему как раз и нужно отправить. Он имеет поручение Красного Креста принять партию эмигрантов и просит выяснить по телеграфу у капитана парохода, едет ли партия русских эмигрантов, сколько

в ней мужчин, женщин и детей. Ведь он должен еще успеть заказать для них места в вагоне до Стокгольма.

Доводы оказались убедительными, и начальник порта тут же дал телеграмму: «Г-н Ганецкий спрашивает, едет ли Ульянов, сколько с ним мужчин, женщин и детей?»

Телеграмму получил капитан парохода и обратился к русским политэмигрантам с вопросом, кто из них г-н Ульянов.

В рядах пассажиров замешательство.

— Дело в том, — рассказывает А. Е. Абрамович, — что как только пароход отплыл от немецкого берега, нам дали анкеты, в которых мы должны были написать свои имена, фамилии, цель поездки. Опасаясь подвоха со стороны немцев, мы решили записаться под вымышленными именами. И теперь не знали, признаваться ли в этом.

Сколько было пережито всеми участниками поездки за те немногие мгновения, пока выяснилось, с каким намерением спустился из своей рубки на палубу капитан «Королевы Виктории».

«Г-н Ульянов приветствует г-на Ганецкого и просит его заготовить билеты», — гласил ответ, переданный по радио с «Королевы Виктории».

Радостная весть не застаёт врасплох наших шведских друзей. Они готовы по-братски встретить Ленина и его соратников. Русских политических эмигрантов, возвращающихся во главе с Лениным на родину, ждет на шведской земле и стол и дом.

Рядом с Ганецким можно увидеть в порту Треллеборга Отто Гримлунда — представителя шведских левых социал-демократов, интернационалиста, журналиста по профессии.

«Но вот паром у пристани, — вспоминает об этом торжественном моменте Отто Гримлунд. — На верхней палубе его показалась рослая фигура с непокрытой головой. Это Фриц Платтен... Вокруг него несколько десятков человек. Я киваю Платтену, и вскоре все начинают кивать и улыбаться. Спускается трап, я спешу на борт. Сердечные объятия и поцелуи по русской традиции»³⁸.

Дорога из Треллеборга в Стокгольм лежала через город Мальмё. Поезд отходил туда через каких-нибудь

пятнадцать минут после прибытия «Королевы Виктории» в порт. Начнись обычная таможенная канитель — эмигранты опоздали бы. Предусмотрительный Ганецкий заблаговременно вступил в переговоры на этот счет с таможенниками, рассказал, какого рода пассажиров он встречает, и убедил их поступиться на сей раз пограничными формальностями. Согласие было получено при одном условии — показать им Ленина. Так и состоялось это джентльменское соглашение, которое было безукоризненно выполнено обеими сторонами.

Поезд приходит в Мальмё. Путешествие в Стокгольм будет продолжено через несколько часов. Гостей приглашают в гостиницу. Их ждет накрытый стол. Насытившись, гости от души благодарят своих хозяев и уже собираются покинуть ресторан, но в этот момент открываются двери соседнего зала и их просят к... обеду. Это, оказывается, была всего лишь холодная закуска.

У ШВЕДСКИХ ДРУЗЕЙ

Ночь застаёт путешественников по дороге в Стокгольм. Но лишь на рассвете удается Ленину вздремнуть, и то ненадолго. Он рисует своим новым собеседникам Гримлунду и Ганецкому обстановку, в которой проходила поездка. Сам обо многом расспрашивает.

Шведский журналист забрасывает Ленина встречными вопросами. Так в блокноте Отто Гримлунда появляется текст самого дорогого для него интервью. До сих пор хранит он хрупкие листы бумаги в своем письменном столе.

Большой разговор ведет в эту ночь Ленин с Ганецким. Расспрашивает о последних новостях, о событиях в Петрограде, делится своими мыслями о внутрипартийных задачах и делах.

Перед Стокгольмом вагон атакует шведская пресса. Ее многочисленные представители настойчивы, а порой и назойливы. «Владимир Ильич их не принял, — рассказывает Ганецкий. — Им ответили, что в Стокгольме будет дано сообщение для прессы...»³⁹

Необычно выглядел в это утро свежий номер «Politiken» — газеты шведских левых социал-демократов,

издававшейся в Стокгольме. Она украсила свою первую страницу портретом Ленина. Проезду через шведскую столицу на родину группы русских революционеров во главе с Владимиром Ильичем была посвящена специальная статья.

Предстоящее событие всколыхнуло весь Стокгольм. Могли ли остаться безучастными к нему журналисты, фотокорреспонденты, кинооператоры?

Наступают самые напряженные минуты ожидания поезда. И вот уже навстречу Ленину, выходящему из вагона, идут видные представители левой социал-демократической партии Швеции, интернационалисты, русские большевики, оказавшиеся здесь в эмиграции и не успевшие еще вернуться на родину. Рукопожатия, обмен приветствиями...

Отель «Регина». Здесь на несколько часов, оставшихся до отхода поезда из Стокгольма к шведско-русской границе, остановилась группа политических эмигрантов. Отдохнуть Владимир Ильич не собирается. Надо хотя бы пробежать страницы петроградских газет. В номере гостиницы оказалась карта Европы. Какое же расстояние отсюда до Питера? Обращаясь к писателю и публицисту Фр. Стрёму, стоящему рядом, Ленин говорит:

«Через 48 часов мы будем в Петрограде. Мы едем сегодня же вечером. Дорог каждый час... Мы должны покончить с буржуазией и империалистами — иначе революция проиграна...»⁴⁰

Но до отъезда еще есть время. Ленин участвует в совместном совещании эмигрантов и шведских левых социал-демократов, где выступает с докладом. Шведские интернационалисты отвечают на его сообщение о проезде через Германию полным взаимопониманием, присоединяют свои подписи к заявлению интернационалистов Франции, Германии, Польши и Швейцарии, одобряющему возвращение русских эмигрантов в революционную Россию. Затем он участвует в совещании большевиков, принявшем решение о создании Заграничного бюро (Заграничной коллегии ЦК РСДРП(б)). Передает для газеты «Politiken» немецкий текст его ранее опубликованного автореферата «О задачах РСДРП в русской революции» и коммюнике группы русских революционеров о проезде через Германию.

Предусмотрительно оставляет на хранение у русских партийных товарищей документы, к которым наверняка протянули бы свои грязные лапы на границе агенты Милюкова и Керенского. Передает остаток партийной кассы. Получает свидетельство № 109, выданное русским генеральным консульством в Швеции, без которого нельзя въехать в Россию. Пытается навестить в следственной тюрьме Ц. Хеглунда — члена риксдага, но за окончанием приемных часов в ней шлет ему вместе со Стрёмом телеграмму с пожеланием от имени русских и шведских друзей скорого возвращения на свободу, к борьбе. Приобретает книги.

Во время прогулки Ленина по городу товарищам удалось заманить его в универсальный магазин.

— Я еду домой в Россию не за тем, чтобы открывать там какое-нибудь ателье, а делать революцию, — шутил Владимир Ильич.

Принимал участие в экипировке Владимира Ильича и З. О. Рывкин. «Дошло дело до шляпы, — рассказывает он. — Ленин ходил в довольно поношенном котелке. Ему рекомендовали мягкую шляпу.

— Что вы, хотите из меня купчика сделать? — отшучивался Владимир Ильич.

Но его все-таки уговорили сделать обновку».

В отеле «Регина», где остановился Ленин, происходят трогательные и счастливые встречи.

— Что ты плачешь? — спросили Раису Сквно, большевичку, целых десять лет мыкавшую эмигрантскую долю в Швеции.

— Я рада, что всех вас вижу, — ответила женщина, стоявшая рядом с двумя пассажирами «запломбированного» вагона — братом, А. Сквно, и его женой Анной Евгеньевной Константинович.

Имена этих супругов Ленин называет дважды в своих письмах, написанных в страдные дни подготовки к возвращению на родину. Владимир Ильич высоко ценил чету закаленных суровыми испытаниями революционеров.

Обо многом интересном, связанном с деятельностью Владимира Ильича в период его второй эмиграции, смог бы рассказать А. А. Сквно, впервые познакомившийся с ним в Париже в 1910 году. Однако профессиональный революционер, вступивший в партию еще в

1908 году, рано ушел из жизни. Но и те эпизоды, касающиеся переезда на родину в одном вагоне с Владимиром Ильичем, которыми он поделился, представляют для нас интерес.

«...Во время нашего путешествия в Россию после Февральской революции... в вагоне не хватало мест для спанья,— рассказывает он.— Тогда Владимир Ильич установил «карточную систему»: каждый мог спать только в те часы, которые были обозначены на его карточке, после чего уступал место другому. Владимир Ильич, несмотря на наши просьбы, спал также «по карточке», простаивая остальное время на ногах»⁴¹.

Беседуя с Еленой Феликсовной Усиевич, я спросил ее о жене Скотно, Анне Евгеньевне Константинович, упоминаемой в ленинских письмах.

— Анна Евгеньевна была урожденная Арманд,— рассказывает Усиевич.— Инесса Арманд была Арманд по мужу, а она — урожденная Арманд.— Очень сдержанная, воспитанная, симпатичная...

Теперь мы знакомы еще с двумя пассажирами «запломбированного» вагона, которых увидела в группе политических эмигрантов, прибывших из Швейцарии в Стокгольм, Раиса Скотно.

Вскоре после того как весть о падении царской короны облетела весь мир, Раиса Скотно получила долгожданную весточку от брата из Швейцарии. «Приготовь паспорт. Надо готовиться к отъезду в Россию»,— писал он ей.

За ней дело не стало. Она была готова. Несколько минут оказалось достаточно, для того чтобы ликвидировать домашние дела.

Пассажирку из Стокгольма, персональную пенсионерку Р. Скотно мне тоже удалось отыскать. Познакомила меня с ней старая коммунистка Мария Софроньевна Селиверстова.

До встречи в Стокгольме Р. Скотно видела Ленина только на фотокарточке, когда была еще в партийном подполье в Риге. Сейчас она познакомилась с ним лично. «Она хороша тем, что большевичка. Не переметнется»⁴²,— писал Ленин из Берна в Стокгольм в 1914 году, советуя поинтересоваться ее кандидатурой для одного важного партийного поручения.

— Он был такой общительный, душевный, все вопросы тут же решал,— рассказывала Р. Сквно.— Ему ничего не надо было. Скорее только уехать.

Пять часов вечера. Шведские друзья дают в честь гостей обед в ресторане.

— Я сидела за столом и ела вкусные вещи первый раз в жизни,— говорит Раиса Сквно.— Вдруг прибегает один из наших большевиков, которого я знала по эмиграции в Стокгольме:

— Владимир Ильич, вагон подан...

Ленин поднялся. Все схватили свои чемоданы и поспешили на вокзал.

По перрону рядом с Миха Цхакая шел Сулиашвили.

— Минуточку,— неожиданно обратился он к своему спутнику и, оставив на его попечение свой чемодан, быстро зашагал вперед. Обогнав Ленина, Сулиашвили с типичным восточным темпераментом стал у него отнимать плетеную корзину, с которой он шел к вагону.

— Зачем, зачем? Я и сам понесу,— возражал Владимир Ильич.

— Вот кавказцы какой народ. Уступи ему,— предложила Надежда Константиновна.

СОСЕД ПО КУПЕ

Вошли в вагон. Сулиашвили поспешил к Миха Цхакая, дожидавшемуся его на перроне. А Владимир Ильич, сняв с себя пальто, уже ходил по коридору вагона, интересовался тем, как размещаются попутчики.

Перрон вокзала становится все более людным. А у самого вагона, в котором едут русские политические эмигранты, негде и яблоку упасть.

Взоры провожающих устремились к окну, у которого стоит Ленин. С его именем связана грядущая победа социалистической революции в России, светлое будущее всего человечества.

— Успеха вам, большой удачи, товарищи! — слышатся напутствия шведских друзей.

И вновь, как и в Цюрихе, поезд уходит под звуки величественного гимна пролетарской солидарности — «Интернационала».

Одно из четырехместных купе. Верхние полки занимают Владимир Ильич и Давид Сулиашвили, нижние — Надежда Константиновна и Инесса Арманд.

Два года назад я побывал у Сулиашвили в Тбилиси, тогда еще весьма бодрого, жизнерадостного человека, продолжавшего на склоне своих лет плодотворно трудиться в грузинской литературе.

Давид Сократович успел к тому времени выпустить объемистый сборник своих повестей, рассказов, воспоминаний. В нем нашел свое место и рассказ о совместном возвращении с Лениным в Россию. Приятно было получить эту книгу из рук писателя с его автографом.

— У меня до сих пор есть такая же корзина-чемодан, в котором уместился весь скарб Ленина и Крупской, когда мы возвращались в Россию, — рассказывал Давид Сократович. — У товарищей, которые заготавливали визы для поездки из Стокгольма в Россию, мои документы лежали вслед за ленинскими. Вышло так, что Ленин, а потом Сулиашвили. Так я оказался в одном купе с Владимиром Ильичем. А может быть, еще и потому, что подымал его корзину...

— Оставайтесь у нас, — предложил Владимир Ильич. Поддержала это приглашение и Надежда Константиновна.

Ленину не терпелось прочесть целую пачку русских газет, оказавшихся у него в кармане, и, сняв с себя пиджак, он тотчас же, как только поезд отошел от перрона вокзала, забрался на одну из верхних полок. Но не помещает ли электрический свет отдыху соседа? И Владимир Ильич устраивает надлежащую завесу.

Впрочем, недолго оставался Владимир Ильич наедине с газетным листом. «Ах, прихвостни, ах, мерзавцы», — комментировал он вслух газетные сообщения.

— И мы знали, что это значит, — вспоминал Сулиашвили. — Он читает слова Чхеидзе и Церетели, их предательские речи. И шуршит эта газета. Шуршит...

Владимир Ильич поделился своими мыслями с Сулиашвили и о том, как соглашатели осквернили, запятнали понятие «социал-демократ». «Это слово стало пошлым. Стыдно носить теперь это имя, — говорил Владимир Ильич. — Мы должны назвать себя коммунистами и партию Коммунистической».

Настало утро. Надежда Константиновна заварила чай, приготовила бутерброды. Колеса поезда пробегали последние десятки километров по шведской земле. Приближалась Финляндия.

— Наши сердца стали стучать сильнее. Скоро будем в Петрограде, — рассказывал о переживаниях группы политических эмигрантов Сулиашвили.

«Пройдите по купе, скажите товарищам, чтобы они вышли в коридор, — попросил меня после завтрака Владимир Ильич, — продолжает свой рассказ Давид Сократович. — Надо побеседовать с ними, как себя держать и что говорить в случае, если Временное правительство вздумает нас арестовать»...

Так по ходу поезда, между Стокгольмом и Хапарандой, и состоялось это последнее историческое собрание группы политических эмигрантов, во главе с Лениным возвращавшихся на родину.

Сулиашвили отчетливо запомнил дух ленинских установок. Пусть только поднимется рука у Временного правительства на группу русских политических эмигрантов. Пригвоздим его к позорному столбу.

Собрание протоколировалось. Живут и не меркнут строки этого замечательного документа и поныне. Составлен он по всей форме: с порядком дня и решениями, принятыми по каждому из трех обсуждавшихся пунктов. Решения эти дают короткие и исчерпывающие ответы на вопросы о том, как должны держать себя русские политические эмигранты на границе и в случае допроса комиссарами Временного правительства в Петрограде.

До самой столицы простирались полномочия Фрица Платтена, взявшего на себя обязанности посредника в этой поездке. Были в России у Платтена и свои личные дела. В Москве, например, он собирался навестить родителей своей жены. Но можно было не сомневаться в том, что Временное правительство не пропустит в Россию человека, который помешает ему сеять клевету и ложь о русских политических эмигрантах, проехавших через Германию. Вот почему участники собрания сочли необходимым сделать все для того, чтобы Фрицу Платтену удалось перешагнуть через пограничный барьер.

Они решили, например, чтобы на пограничный осмотр швейцарский друг пошел последним. Переко-

мендовали ему не давать никаких объяснений без вопросов. На расспросы отвечать, что политическая миссия является неотъемлемой частью всей роли, взятой им на себя в этой поездке.

Собрание продолжается. Как держать себя участникам поездки на допросе комиссарами в Петрограде? — таково содержание третьего пункта повестки дня. Принимается решение. Показания каждого не могут выходить за рамки личной биографии. Иное дело — политическая сторона поездки. Объяснения на сей счет правомочна давать лишь специальная комиссия из пяти человек. Первым в пятерке названо имя Ленина.

Теперь все обговорено окончательно, учтено, взвешено. Что же день грядущий готовит первой группе политических эмигрантов? Завтра — русская граница. Первая встреча с отчизной. Идут последние приготовления...

Читатель уже знаком с тремя пассажирами «запломбированного» вагона, живущими в Москве. Четвертая Ф. З. Гребельская, член КПСС с 1917 года.

Весть о Февральской революции в России застала и ее в Швейцарии. Фаина Зосимовна хранит в своей памяти много воспоминаний, связанных с переездом из Швейцарии в Россию. Запечатлела ее память эпизод, непосредственно относящийся к завершающему этапу путешествия по шведской земле.

— Уже близка была Россия, настроение у всех приподнятое, — рассказывает она. — Кто-то из товарищей раздобыл красную ленту, и мне поручили сделать для всех нагрудные банты. Два банта покрупнее я старательно сшила для Ленина и Крупской. И мне была оказана честь собственноручно прикрепить нагрудный бант Ленину.

У выхода из маленькой гостиницы собрались все наши товарищи. Я с красным бантом в одной руке и с булавкой в другой направилась к Владимиру Ильичу. Видно, на моем лице было написано, что я в этот момент переживала. Было большое чувство радости и волнения. Ильич поглядел на меня, затем на то, что было у меня в руках.

— Разрешите, Владимир Ильич, — сказала я.

Он на какой-то миг замешкался. И вдруг раздался чей-то голос:

— Ведь она всю ночь трудилась, чтобы снабдить нас этими символами революции.

Владимир Ильич приветливо улыбнулся.

От Хапаранды до нашего пограничного пункта в Финляндии уже было рукой подать...

ВПЕРЕДИ ПЕТРОГРАД

Стояло апрельское утро 1917 года. Первые лучи весеннего солнца едва коснулись еще покрытого снегом ледяного полотна Ботнического залива. Утром по нему лихо катил санный поезд. Под переливчатые трели бубенцов резвые лошади мчались со стороны шведской границы к русской, от Хапаранды к Торнео.

Как торопились на родину после долгой разлуки с ней пассажиры этого единственного в своем роде экспресса! И красному флагу, что второй месяц реял над зданием русского пограничного пункта, они салютовали алым шелковым платочком.

Еще в первые дни своей деятельности на посту министра иностранных дел Временного правительства Милюков тиснул в своей газетке «Речь» заметку о порядке возвращения политических эмигрантов в Россию через пограничную станцию Торнео. Достаточно назвать свое имя, фамилию и принадлежность к числу политических эмигрантов, чтобы тебя встретили с распростертыми объятиями, уверяла милюковская газета простаков и обывателей.

«Комендант станции, не входя в проверку этих данных, предоставляет таким лицам места в первом же курьерском поезде группами или повагонно...» — утверждала «Речь»⁴³.

Но не успели Ленин и его попутчики покинуть свои места в финских санках-вейках и ступить на землю, как сразу ощутили на себе своеобразное «гостеприимство» пограничных властей. Особенно лезли из кожи вон джентльмены, одетые в мундиры офицеров английской и французской армий.

Может быть, появление у русской границы эмигрантов оказалось неожиданностью для межсоюзниче-

ской комендатуры. Однако нет. Зарубежные корреспонденты Петербургского телеграфного агентства успели забить тревогу:

«Утром, поездом из Треллеборга сюда прибыли тридцать русских политических эмигрантов из Швейцарии с их женами и детьми во главе с Лениным»*, — телеграфировал один из них еще два дня тому назад из столицы Швеции — Стокгольма. Каждому из пассажиров пограничные власти вручили «Опросный лист» русского подданного, прибывшего из-за границы через пограничный пункт Торнео.

«Владимир Ильич Ульянов, — отвечая на вопросы анкеты, написал Ленин. — Родился 10 апреля 1870 г. в Симбирске, русский... Политический эмигрант. Выехал за границу нелегально... Журналист»⁴⁴.

Пограничная анкета вопреки заверениям милюковской «Речи» оказалась довольно дотошной. Но столь «поверхностное» знакомство с политическим эмигрантом Владимиром Ульяновым мало устраивало блюстителей порядка на шведско-финляндской границе, особенно английских офицеров, державшихся здесь еще более непринужденно, чем у себя на родине.

Владимир Ильич был введен в отдельную комнату. Начался обыск. Надо было обладать железной выдержкой, чтобы пройти и через это испытание.

Подобным же образом пограничная комендатура «изучала» и личность Фрица Платтена. Разумеется, полное фиаско потерпела ее попытка изобличить в чем-либо предосудительном этого замечательного человека. Тем не менее пропустить его в Россию она отказалась наотрез под тем благовидным предлогом, что будет дожидаться прихода визы для него из Петрограда. Покуда же швейцарский интернационалист попал под опеку конвоя, который и вернул его снова на шведский берег Ботнического залива.

Тут произошел, пожалуй, один из самых напряженных моментов за все время путешествия.

— Когда мы приехали в Торнео, пограничные власти отказались пропустить в Россию Платтена, — рассказывает Александр Емельянович Абрамович-Четув. — Мы собрались и приняли решение подать пети-

* Всего эмигрантов вместе с детьми было 32.

цию — отказаться ступить на русскую землю, если не пропустят Платтена. Когда Владимир Ильич прочитал эту «петицию», он буквально рассвирепел:

— Смотрите: Каменев объединяет большевиков с меньшевиками. Временное правительство все делает для того, чтобы мы не попали в Россию. А вы затеваете такую канитель.

Ленин порвал эту бумажку.

Отсюда же, из Торнео, Владимир Ильич отправил телеграмму Русскому бюро ЦК РСДРП(б) в Петроград. В ней он просил сделать все возможное для ускорения выдачи визы Платтену на въезд в Россию, оставшемуся ждать ее в Хапаранде...

«Правительство лжет, пуская слухи, что Платтен — друг немцев, — писал позднее, находясь уже в Петрограде, Ленин. — Это клевета. Платтен — друг рабочих и враг капиталистов *в с е х* стран»⁴⁵.

...Добиться тогда визы для въезда Платтена не удалось.

Впервые встретиться с Лениным после разлуки в Торнео Платтен смог лишь через два с лишним месяца после установления Советской власти, в Смольном.

Но мы забежали несколько вперед.

— В Торнео сидим в зале ожидания, — вспоминает Александр Емельянович Абрамович. — Ленин обращается к группе эмигрантов:

— Ехали на революцию в Россию, а теперь сидите и друг с другом разговариваете. Что же вы не общаетесь с народом?

Ильичу не терпелось самому потолковать с солдатами. И как же он был обрадован, когда его познакомили с солдатом — постоянным читателем «Правды»!

Весть о приезде Ленина дошла до русских матросов, оказавшихся на пограничной станции Торнео.

— Они увлекли Ленина на перрон, — рассказывает Александр Емельянович, — где стояли русские матросы, рабочие с оружием в руках...

Проходит время, и вот уже скорый поезд № 12, в который на пограничной станции Торнео пересели русские политические эмигранты во главе с Лениным, идет по Финляндии.

Впереди Петроград...

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

- ¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 466.
- ² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 268.
- ³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 21.
- ⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 377.
- ⁵ «О Ленине». Воспоминания зарубежных современников. Политиздат, 1966, стр. 157.
- ⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 49.
- ⁷ «Записки Института Ленина», т. II. Госиздат, 1927, стр. 141.
- ⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 403.
- ⁹ Там же, стр. 404—405.
- ¹⁰ Там же, стр. 409.
- ¹¹ Там же, стр. 417.
- ¹² «История СССР», 1963, № 5, стр. 5.
- ¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 403—404.
- ¹⁴ Там же, стр. 405.
- ¹⁵ «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1. Госполитиздат, 1956, стр. 487.
- ¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 406.
- ¹⁷ Там же, стр. 406.
- ¹⁸ Вилли Мюнценберг. С Либкнехтом и Лениным. М., «Молодая гвардия», 1930.
- ¹⁹ А. В. Луначарский. Приезд Ленина (Несколько воспоминаний). «Красная Газета» № 87, 16 апреля 1926 г.
- ²⁰ А. Шляпников. Семнадцатый год. Книга третья. М.—Л., Госиздат, 1927, стр. 254.
- ²¹ «Известия», 9 февраля 1924 г.
- ²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 427.
- ²³ В. Карпинский. Два случая. «Молодая гвардия», 1924, № 2-3, стр. 79.
- ²⁴ Сб. «Старый большевик», № 5 (8), 1933, стр. 234.
- ²⁵ Ленинский сборник II, стр. 405—406.
- ²⁶ Н. Крутикова. На крутом повороте. Политиздат, 1965, стр. 63.
- ²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 409, 415.
- ²⁸ Ленинский сборник XIII, стр. 271.
- ²⁹ «Пролетарская революция», 1929, № 8/9, стр. 102.
- ³⁰ Анри Гильбо. Владимир Ильич Ленин. Биографический очерк. Л., Госиздат, 1925, стр. 159.
- ³¹ «Известия», 12 июня 1926 г.
- ³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 427.
- ³³ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Госполитиздат, 1957, стр. 273.
- ³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 426.
- ³⁵ А. Иванов. Фриц Платтен. Госполитиздат, 1963, стр. 48.
- ³⁶ «Ленинградская правда», 16 апреля 1924 г.
- ³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 353.
- ³⁸ «Известия», 13 сентября 1963 г.
- ³⁹ Ленинский сборник II, стр. 408.
- ⁴⁰ Н. Крутикова. На крутом повороте, стр. 73.
- ⁴¹ «Московский служащий», 1925, № 2, стр. 6.
- ⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 20.
- ⁴³ «Речь», 18 марта 1917 г.
- ⁴⁴ Сб. «Ленин и Красный флот». Л., 1924.
- ⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 224.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛЕНИНСКОЙ АДРЕСНОЙ КНИЖКЕ

Передо мной — книжка для записи адресов и телефонов¹. Самая обыкновенная книжечка карманного размера. Черный коленкоровый переплет. Алфавит...

Заглянем на ее страницы.

Буква «А»... *Арманд* Инесса Федоровна. Известное имя! Рядом — московский адрес этой видной деятельницы партии, вернувшейся весной семнадцатого года из эмиграции в Россию вместе с первой группой большевиков.

Строчкой ниже — *Аксельрод* Александр Ефремович — старый партиец, работник Азовско-Донского банка в Петрограде.

И, наконец, третья запись на ту же букву... Автобаза Зимнего дворца.

Так и перемежаются в этом алфавите названия организаций, учреждений, дворцов, тесно связанных с бурными событиями года тысяча девятьсот семнадцатого, и имена участников этих событий: Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов и — *Коллонтай* Александра Михайловна, *Полегаев* Николай Гурьевич и — редакция «Правды», секретарь Петроградского комитета партии Глеб Иванович *Бокий* и — комендатура дворца Кшесинской, военный телеграф штаба Петроградского военного округа и — редактор «Солдатской правды» Николай Ильич *Подвойский*.

Преобладают в книжке адреса и телефоны петроградские, но есть в ее своеобразной «географии» и Москва, и Баку, и Стокгольм: петроградский адрес Елены Дмитриевны *Стасовой*, бакинский — Степана *Шаумяна*, стокгольмский — Якова Станиславовича *Фюрстенберга* (*Ганецкого*), члена Заграничного бюро ЦК большевиков.

Владелец записной книжечки связан с людьми самых разнообразных профессий. У него были дела и к присяжному поверенному Петру Ивановичу Стучке, и к доктору Евгению Порфирьевичу Первухину из Елисаветинской общины на Охте, и к рабочему-картонщику, председателю профсоюза Дмитрию Ивановичу Калугину...

Нет, далеко не обыкновенна эта обыкновенная записная книжечка! Поразительно велик диапазон интересов ее владельца, широк круг связанных с ним людей.

Кто же он, этот человек?

Ленин.

Ясный отпечаток неповторимого ленинского стиля работы лежит на страницах книжки. И прежде всего главной черты этого стиля — неразрывной связи с массами, глубокой веры в них.

Наглядное представление дает адресная книжка и о другой важнейшей примете ленинского стиля — об исключительной собранности, пунктуальности Владимира Ильича. Время рассчитано у него с точностью до минуты. Такой же организованности требует он и от товарищей.

Нужен, скажем, Ленину Красин. Он знает, куда телефонировать Леониду Борисовичу до часу дня и куда — с двух до половины четвертого. Не удивительно, что позднее, став главою Советского правительства, Ленин с хронометром в руках следил за регламентом ораторов на заседаниях Совнаркома.

Примечательный эпизод сохранила в памяти старая питерская коммунистка Л. И. Исупова.

Весной семнадцатого года она была сотрудницей «Правды» и близко наблюдала деятельность Ленина — редактора газеты. Нередко, приходя утром на работу, она уже заставала Владимира Ильича за редакционным столом.

Обремененная заботами о двух маленьких детях, Людмила Ивановна как-то опоздала к началу рабочего дня в редакцию. Ленин обратил на это внимание, заинтересовался причиной. Исупова объяснила.

— Владимир Ильич вынул из жилетного кармана записную книжечку, — вспоминает Людмила Ивановна, — в которой мелким почерком по часам был рас-

писан весь день. «Заведите такую книжечку и вы», — посоветовал он мне...

По своему обыкновению Ильич потом вспомнил об этом разговоре, подарил Исуповой блокнот и даже продиктовал ей примерный распорядок дня. «От 6 до 7 часов гулять с детьми», — написал Ленин своей рукой и пояснил:

— У вас ведь бабушки нет, гулять детям не с кем...

Вот она, ленинская расчетливость и бережливость в трате каждой минуты, соединенная, сплавленная с величайшим вниманием к людям, к каждому человеку, с которым сталкивала жизнь.

ЗАПИСИ И ДАТЫ

Какой же промежуток семнадцатого года охватывают странички ленинской записной книжки?

Период легальной работы Владимира Ильича после возвращения из эмиграции в Россию длился всего три месяца. Затем партия, чтобы уберечь своего вождя от расправы Временного правительства, укрыла его в подполье. Но значит ли это, что Ленин больше не возвращался к своей записной книжке, не пополнял ее новыми именами, адресами, телефонами? И правомерно ли регламентировать время ведения Владимиром Ильичем его записной книжки апрелем — июнем 1917 года, как утверждали некоторые исследователи ленинского наследия в тридцатые годы?

Нет, ленинским записям в этих границах тесно. Мог ли, скажем, Ленин в апреле — июне семнадцатого года поддерживать связи с штабом Петроградского округа? Это, естественно, исключается. Тем более не мог он тогда пользоваться услугами военного телеграфа, прямым проводом между Петроградом и Выборгом, Псковом. А ведь соответствующие номера телефонов в записной книжке содержатся.

Все это имело место, но уже после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Глава первого в мире Советского государства непосредственно руководил подавлением контрреволюционного мятежа

Керенского — Краснова, разработкой важнейших боевых операций по защите нашего отечества от его врагов.

...Ленин записывает телефон автобазы Зимнего дворца. И это не могло произойти ни весной, ни летом семнадцатого года. К тому же во дворце Кшесинской, в котором помещались Центральный и Петроградский комитеты партии, был свой гараж. (Запись телефонов коменданта дворца и комнаты шоферов в книжке также имеется.) Вообще же, засиживаясь до глубокой ночи в «Правде», ее главный редактор предпочитал добираться домой на трамвае.

Но пойдем дальше. Попытаемся выяснить, когда, например, мог Владимир Ильич сделать следующую запись: «Шляпников. Мраморный дворец. Телефон 5-80-48».

Вплоть до 25 октября в Мраморном дворце располагались апартаменты министерства труда Временного правительства. После штурма Зимнего дворца министру пришлось сменить свой кабинет на камеру в Петропавловской крепости. Вслед за этим Петроградский военно-революционный комитет выдал мандат за № 1420 на имя А. Г. Шляпникова, назначенного комиссаром министерства труда.

«Мраморный дворец был во тьме, когда я пробрался к нему, — вспоминал А. Г. Шляпников. — Во дворе помещались самокатчики, а также низшие служащие дворца и прислуга князей, жившие в прилегавших ко дворцу зданиях. Вход в министерство труда был заперт, но один из сторожей быстро нашел курьера министерства, у которого имелись ключи от всех дверей... Стол в кабинете министра труда оказался незапертым, я запер его и взял себе ключ. На письменном столе лежала записка, сообщающая о том, что заседание Временного правительства переносится с 4 часов дня на 8 часов вечера 20.X. 1917 года»².

Теперь уже не трудно установить, когда Ленин сделал запись, связанную с Мраморным дворцом. Произошло это тогда, когда там приступил к работе Народный комиссариат труда. Не раньше, чем было сформировано первое Советское правительство, мог появиться в ленинской записной книжке и телефон бывшего министерства иностранных дел.

По книжке прослеживаются также более поздние события. Посмотрим, к примеру, на запись: «*Прошьян: 1-29*».

Где был этот человек в апреле — июне семнадцатого года? В Гельсингфорсе. Член партии эсеров, он издавал там газету «Социалист-революционер». Но разве у Владимира Ильича записан телефон Прошьяна в Финляндии? Нет, 1-29 — это петроградский номер, связанный с коммутатором. Он значится в ленинской записной книжке рядом с фамилией Глебова-Авилова, первого советского наркома почт и телеграфов. Но чем же объяснить такое совпадение?

В декабре семнадцатого года левый эсер Прошьян вошел в состав Совета Народных Комиссаров. Пост народного комиссара почт и телеграфов был передан ему. Вот тогда-то и могла появиться фамилия Прошьяна в ленинской записной книжке. Судить об этом мы можем и по достоверному свидетельству самого Ленина. 20 декабря 1918 года в «Правде» был опубликован написанный В. И. Лениным некролог «Памяти тов. Прошьяна».

«Мне пришлось познакомиться с тов. Прошьяном и оценить его во время совместной работы в Совнаркоме в конце прошлого и в начале текущего года, когда левые эсеры шли в союзе с нами»³, — писал Владимир Ильич.

Все это позволяет считать, что книжка служила Владимиру Ильичу вплоть до переезда Советского правительства из Петрограда в Москву.

Вот теперь, когда мы это выяснили, нам, пожалуй, впору начать путешествие по адресной книжке Ильича.

ПЕРВЫЕ ИМЕНА

Открывается книжка, как мы уже знаем, именем Инессы Федоровны Арманд.

Конечным пунктом сложного путешествия группы политических эмигрантов во главе с Лениным из Швейцарии в Россию был Петроград. Инесса Федоровна задерживается здесь ненадолго. Через несколько дней она уже активно включается в работу московской

партийной организации. Начинает с пропаганды ленинских Апрельских тезисов и делает это мастерски, с присущим ей ораторским темпераментом.

Потом ее делегируют на VII (Апрельскую) Всероссийскую конференцию партии в Петроград. Вернувшись оттуда, она много сил отдает претворению принятых решений в жизнь: выступает с лекциями перед агитаторами и пропагандистами, ведет руководящую работу в Московском комитете партии, вносит свой весомый вклад в создание журнала «Жизнь работницы».

Контрреволюция, озлобленная растущим авторитетом партии, огромной популярностью ее вождя, брызжет ядовитой слюной. Бандиты точат ножи.

Трибуной журнала «Жизнь работницы» Инесса Арманд пользуется для того, чтобы ответить на вопрос: «Почему буржуазия клеветает на большевиков?» — вопрос, который волнует каждую труженицу.

Все дело в той неутомимой борьбе за интересы народа, которую ведет партия во главе со своим вождем. Понятно, что буржуазии это не по нутру. Но подобных приемов клеветы и травли, к которым она прибегает, еще не знала мировая история.

Особенно ненавистен буржуазии Ленин, говорится в статье, принадлежащей перу Инессы Арманд. «...тов. Ленин уже около 25 лет находится во главе нашей партии и все время являлся самым последовательным и самым самоотверженным борцом за рабочее дело. К тому же он является крупнейшей теоретической и политической силой. Вот за все это и ненавидит его и русская и международная буржуазия»⁴.

Свою работу в Москве Инесса Федоровна продолжает и после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Она выступает на митинге перед рабочими Красной Пресни, участвует в работе партийной конференции текстильщиков Богородского уезда Московской области, собравшейся в Глухове.

...После падения царской монархии естественно было ожидать возвращения из мест не столь отдаленных многих бесстрашных борцов против царского самодержавия. Среди них были и большевики — депутаты IV Государственной думы, сосланные царским правительством на вечное поселение в Восточную Сибирь.

«Если вернут наших депутатов, надо одного привезти непременно на пару неделек в Скандинавию»⁵, — пишет Ленин из Цюриха Александре Михайловне Коллонтай в Христианию (Осло) сразу же по получении им первых известий о падении царской монархии.

Через месяц Ленин приезжает в Петроград. Здесь и происходит одна из желанных встреч.

«*Бадаев* Алексей Егорыч, — записывает Владимир Ильич. — Телефона нет».

Не успел, стало быть, еще обжиться в родном городе бывший депутат IV Государственной думы от рабочих Петербургской губернии, вернувшийся из туруханской ссылки.

— Ваш опыт думской работы крайне нужен и ценен, — сказал Бадаеву Яков Михайлович Свердлов. — Впрочем, это не только мое мнение. Это предложение Владимира Ильича.

И действительно, с приходом Бадаева в Продовольственную управу городской думы дела в ней пошли значительно лучше. Алексей Егорович разоблачал вражеские действия меньшевиков и эсеров, делал все возможное для того, чтобы накормить голодных питерских рабочих.

Когда в дни Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде встал вопрос о продовольственном снабжении отрядов Красной гвардии, солдат, примкнувших к народу, долго искать надежного интенданта не пришлось. Военно-революционный комитет возложил это дело на Бадаева. Его кандидатуру одобрил Ленин.

...*Барамзин* Егор Васильич — читаем мы строчку вслед за фамилией Бадаева. Здесь же проставлен и петроградский адрес этого человека: Ораниенбаумская, 18, квартира 8.

Кто этот человек? Что связывало Ленина с ним? Старая дружба по далекой сибирской ссылке. Барамзин был там одним из товарищей Владимира Ильича. Эпизод, относящийся к их первому знакомству, можно найти в воспоминаниях Крупской: «Ездили мы еще в Тесь... Владимир Ильич с Ленгником толковали о Канте, с Барамзиным — о казанских кружках... вообще от этой поездки осталось какое-то особенно хорошее воспоминание»⁶.

Надо сказать, что к тому времени за плечами у

Барамзина был солидный стаж руководства марксистскими кружками. Но при этом Егор Васильевич не был еще свободен от народнических иллюзий и заблуждений. Владимир Ильич много сделал для того, чтобы Барамзин избавился от заблуждений.

Несколько дней гостят Ленин и Крупская у своих друзей. Последняя общая прогулка.

— В спорах с вами мы обрели, в особенности я, истину, которой теперь будем служить,— говорит на прощание Владимиру Ильичу Егор Васильевич.

Барамзин был среди тех семнадцати политических ссыльных социал-демократов Минусинского округа, которые в августе 1899 года подписали знаменитый ленинский «Протест российских социал-демократов», разоблачающий так называемых «экономистов».

Егор Васильевич увлекался живописью. Свою картину «Дерево у пруда» он подарил сестре Ленина, Анне Ильиничне. Посетители мемориального музея Владимира Ильича Ленина в бывшей петроградской квартире Елизаровых и сейчас могут увидеть эту картину...

Следующая запись: *Вл. Д. Бонч-Бруевич.*

...Когда Ленин написал в Цюрихе первые свои два «Письма из далека», перед ним встал вопрос, как переправить их в «Правду». Как раз в это время готовилась к отъезду из Христиании в Петроград Александра Михайловна Коллонтай. Ей и поспешил отправить обе статьи Ленин. Но кто мог поручиться за то, что почта застанет ее на месте? И Владимир Ильич пишет письмо Ганецкому. Он просит выяснить, какова судьба его корреспонденции, и, если понадобится, взять на себя ее дальнейшую пересылку. «Я пользуюсь пока лишь одним петроградским адресом,— добавляет при этом Владимир Ильич.— Издательство «Жизнь и Знание», г-ну Влад. Бонч-Бруевичу, Фонтанка, 38, кв. 19, Петроград. Этот издатель тотчас передаст «Правде»».

Адресная книжка содержит более полные координаты этого деятельного работника партии: два его служебных телефона, адрес квартиры по Херсонской улице в Петрограде.

Вечером 3 апреля семнадцатого года Владимир Дмитриевич был среди тех, кто собрался на Финляндском вокзале, для того чтобы встретить приезжающего из эмиграции Ленина.

«Мы бросились к вагонам,— рассказывал он о первых минутах незабываемой встречи.— Из пятого от паровоза вагона выходил Владимир Ильич, за ним Надежда Константиновна, еще и еще товарищи...

— Смирно!..— понеслась команда по почетному караулу, по воинским частям, по рабочим вооруженным отрядам, на вокзале, на площади. Оркестры заиграли «встречу», и войска взяли на караул»⁷.

Большому и знаменательному событию, всколыхнувшему весь Питер, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, работавший тогда одним из редакторов «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», посвятил в этой газете взволнованную статью. Это был в то же время красочный репортаж, в котором слышалось радостное биение сердец рабочих, солдат, матросов.

Для меньшевиков, как для тех, кто работал в редакции, так и для верхушки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, появление этого материала оказалось полной неожиданностью. Вокруг Владимира Дмитриевича создалась атмосфера враждебности. Он было уже собрался уйти из «Известий». Вместе с другим большевиком, членом политической редакции, заготовил и специальное заявление по этому поводу в Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов. Однако прежде чем его подать, решил посоветоваться с Лениным.

«Пока еще можно терпеть,— будем терпеть, выйти всегда успеем, а сейчас всячески будем использовать и эту позицию,— сказал Ленин Бонч-Бруевичу.— Это хорошо, что вы организовали «Известия» и держите их в своих руках. Сейчас это будет трудней, но надо держаться, пока возможно»⁸.

Владимир Дмитриевич так и поступил. Через две недели после приезда Ленина в «Известиях» появилась статья, озаглавленная «Чего они хотят». Это был мощный залп против врагов партии, против всех, кто пытался осквернить светлое имя Ленина, грозил расправой с ним.

«Они, эти проклятые люди, спят и видят, ждут не дождутся того радостного дня, когда рабочие и солдаты перессорятся между собою,— тогда наступит их праздник,— говорилось в статье.— А отчего, по какой при-

чине начнется ссора, — не все ли им равно? Появился Ленин: великолепно! Не было бы Ленина — начали бы с другого, выдумали бы какой-нибудь другой, новый предлог»⁹.

Статья говорила о великих заслугах борца за дело рабочего класса. Она требовала решительно положить конец подрывным делам черносотенцев.

Автором статьи был Бонч-Бруевич.

Как мы помним, в ленинском письме из Цюриха Ганецкому Бонч-Бруевич назван издателем. Марка издательства «Жизнь и знание», которое возглавлял Владимир Дмитриевич, значилась на книгах Карла Маркса и Фридриха Энгельса, Поля Лафарга и Августа Бебеля, выходивших в России. Здесь выпускались в свет также произведения Максима Горького и Демьяна Бедного.

Необычайно интересную книгу, «Негасимые искры», посвятила славной деятельности издательства «Жизнь и знание» одна из первых его сотрудниц, ленинградская художница и писательница Ольга Константиновна Матюшина. Она помнит, как поступали в издательство многие ленинские работы. Помнит, с каким нетерпением ожидали они выхода в свет каждой новой книжки Владимира Ильича.

Издательский адрес, записанный Лениным, и привел меня к Ольге Константиновне. Она подробно передает рассказ Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича об истории известной ленинской брошюры «Политические партии в России и задачи пролетариата».

По первоначальному замыслу Владимира Ильича это должна была быть листовка в вопросах и ответах. Мысль о ней пришла Ленину, когда он вместе с Бонч-Бруевичем возвращался из Таврического дворца и обратил внимание на обилие кричащих прокламаций меньшевиков, эсеров, кадетов. Тогда-то Ленин и задался целью создать листовку, популярно и доходчиво разъясняющую, за что борются большевики и что представляют собой партии, которые именуют себя народными, а в действительности не имеют ничего общего с интересами народа. О. К. Матюшина приводит следующие слова Ленина: «Читатель прочтет прокламацию эсеров или кадетов, а потом подряд и нашу и сразу поймет, что они за птицы. Сулят ему три короба всяких благ и влекут его и его близких на бойню...»

Но произошло непредвиденное. Работа, написанная Лениным, и по объему и по своему значению переросла рамки прокламации. Бонч-Бруевич убедил Ленина выпустить рукопись отдельной брошюрой.

Позднее, когда Владимир Ильич вынужден был снова уйти в подполье, Надежда Константиновна передавала работникам издательства, что он упорно работает над новсй большой книгой. Речь шла о «Государстве и революции». Писать ее он начал, как известно, в шалаше в Разливе. Давала себя знать осень. Становилось холодно и сыро.

«Ильич теперь уже в другом месте, в более сносных условиях,— сообщала Надежда Константиновна.— Надеется скоро закончить книгу».

Ольга Константиновна выходит в соседнюю комнату, возвращается и молча кладет передо мной книгу. Смотрю на обложку.

Книгоиздательство «Жизнь и знание»

В. Ильин (Н. Ленин)

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ

Учение марксизма о государстве
и задачи пролетариата в революции

Петроград, 1918

Где теперь увидишь первое издание знаменитого ленинского произведения? Лишь в немногих библиотеках.

— Это, конечно, уникам,— соглашается со мной Ольга Константиновна.— Едва только первую пачку тиража доставили из типографии, я взяла экземпляр, еще пахнувший типографской краской, и, помнится, сказала: «Вот эту книжку я сохраню!»

И сохранила! Сберегла в городе Ленина, в годы Великой Отечественной войны, в страшные годы блокады, голода и холода. Сама еле выжила, зрение почти потеряла, а книгу Ильичеву сберегла.

...Прежде чем назвать следующее имя, внесенное Владимиром Ильичем в его записную книжку, хочется напомнить вдохновенные ленинские строки, написанные в самом начале нашего века. «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки,— писал Ленин в книге «Что делать?». — Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится

почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения»¹⁰.

Одним из тех, кто принадлежал к этой бесстрашной ленинской когорте революционеров, кого не согнули самые тяжкие испытания, был *В. В. Воровский*. Недаром в свое время Владимир Ильич вызвал его в Женеву. Здесь Вацлав Вацлавович работал в партийном издательстве. Затем был включен в состав редакционных коллегий большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий». Ленин высоко ценил его публицистический талант. Перевод «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса на русский язык, сделанный Воровским, Ильич считал одним из лучших.

Кандидатуру Воровского в октябре 1905 года Ленин рекомендовал вместо Плеханова в состав Международного социалистического бюро. «Он знает языки, умеет говорить и обладает представительностью», — писал Ильич.

Февральская революция застаёт его в Швеции.

Вместе с Я. С. Ганецким Вацлав Вацлавович приходит в русское посольство. Они представляются послу: пришли по делам только что победившей второй русской революции.

Услышав это, царский дипломат напускает на себя подобострастную гримасу: «Чем он может служить? Он сочтет для себя за высшую честь быть полезным революционерам».

Воровский и Ганецкий формулируют свои требования: принимать их пакеты с печатями для бесконтрольной пересылки Ленину. Выдавать партийным курьерам дипломатические паспорта. Без всякой волокиты выдавать визы всем революционерам-эмигрантам для проезда в Россию... Посол согласен, он ничего не имеет против.

Но вот Воровский поинтересовался некоторыми внутренними сторонами конституции русского посольства в Швеции. Тут уж посол перепугался.

— Не собираетесь ли вы меня устранить, — спросил он. — Ведь я целиком согласен с Временным прави-

тельством. Я давно утверждал, что царизм — пережиток.

— Да, царизм действительно оказался пережитком, — подтвердил Вацлав Вацлавович. — Неизвестно, не пережиток ли и Временное правительство, — добавил он при этом.

Деятельное участие принимает Вацлав Вацлавович в подготовке к переезду Владимира Ильича из Швейцарии в Россию. Он навел для Ленина необходимые справки, снабдил его иностранной валютой.

На страницах шведской социал-демократической газеты «Politiken» в те дни была опубликована статья Воровского о Ленине. Статья сопровождалась портретом Владимира Ильича, сделанным с фотоснимка, который он прислал в Стокгольм для оформления паспорта.

«Человек, портрет которого помещен выше, один из самых замечательных вождей русской социал-демократии, — писал Воровский. — ...Самое характерное в этом человеке — неистощимая энергия и его необычайная определенность в принципах, которая помогла ему в годы реакции остаться верным революционной социал-демократии и собрать своих единомышленников вокруг знамени Интернационала».

Вместе с Ганецким Воровский вошел в состав Заграничного бюро ЦК РСДРП(б).

Летом 1917 года Вацлав Вацлавович короткое время жил в Петрограде, чем и объясняется появление его временного петроградского адреса в записной книжечке Ленина.

...Упоминается также имя известного нам из предыдущего репортажа члена Заграничного бюро Центрального Комитета большевистской партии *Я. С. Ганецкого*. Из нее можно узнать и его адрес для телеграмм в Стокгольме.

Писал ли Ленин Ганецкому в Стокгольм? Да, он находил для этого время. Кратко сообщал о самом важном в жизни партии, справлялся о том, что его волновало. «...Какие известия имеете о Платтене? — спрашивает, например, Владимир Ильич. — Вернулся ли он и благополучно ли доехал?»

Потом, когда Ленин, преследуемый Временным правительством, вынужден был уйти в подполье, он

написал обстоятельное письмо Заграничному бюро Центрального Комитета партии уже из Гельсингфорса.

Владимира Ильича интересовало, что удалось Ганецкому сделать, для того чтобы отместить гнусный поклеп буржуазии на него и других интернационалистов. Ленин давал совет, как лучше дать отпор клеветникам.

Как и все коммунисты, Ганецкий в 1921 году проходил чистку партии. В этой связи Владимир Ильич дал тогда ему свою рекомендацию. Он свидетельствовал в ней, что знает Якова Станиславовича еще с 1903 года, когда тот представлял польскую социал-демократию на II съезде РСДРП. Кроме того, пишет он, «близко наблюдал в 1912—1914 годах, когда мы вместе жили в Кракове»¹¹.

Именно в Кракове проходил ленинскую школу, формировался как боец большевистской гвардии Ганецкий.

Поначалу он был немало удивлен тем, что уже через каких-нибудь полтора месяца Ленин свободно ориентировался в новых местах.

«— Владимир Ильич, вы так недавно здесь, откуда вы успели так хорошо узнать здешние окрестности, а главное, так метко характеризовать крестьян? — удивлялся Яков Станиславович.

— Это мой секрет... Вы киснете все время в квартире, а я по воскресным дням разъезжаю на велосипеде по окрестностям города и знакоюсь с крестьянством,— отвечал Ленин,— а здешние окрестности очень красивы и интересны...»

Сразу же по приезде в Краков Владимир Ильич обзавелся планом города с окрестностями и русско-польским словарем. Но дело было не только в этих пособиях.

«Зайду к крестьянину в избу, поздороваюсь, попрошу уступить немного молока — и заведу беседу,— уступая любопытству Ганецкого, рассказывал Владимир Ильич,— говорю по-польски. Если польских слов не хватает, восполняю немецкими: ведь многие из них служили в армии,— значит, немного изучили немецкий язык. Приходится в разговоре часто прибегать и к жестам... Одним словом, мы превосходно беседуем и друга друга понимаем... Интересный народ здешние крестьяне, не плохой материал. Жалко, что здешняя социал-демократическая партия не обращает на них внимания,

не работает среди них. А без мужика нам нигде не обойтись...»¹²

Важную роль в судьбе вождя партии сыграл Ганецкий в начале первой мировой войны. Застала она Владимира Ильича и Надежду Константиновну в Поронине. Вскоре на квартиру к ним пожаловали неожиданные «гости»: поронинский жандармский вахмистр и понятой — местный крестьянин. Приступили к обыску.

Под конец выяснилось, что за обыском последует и арест Владимира Ильича.

Поезд до местечка Новый Тарг, где находились военные власти, уходил только утром следующего дня, и куда Ленин мог оставаться дома. Владимир Ильич поехал с дачи в Поронин к Ганецкому и поставил его в известность о нависшей над ним угрозе ареста. Не теряя ни секунды, Яков Станиславович тут же отправил телеграмму социал-демократическому депутату Мареку.

Затем Ленин телеграфировал директору краковской полиции: «Здесьняя полиция подозревает меня в шпионаже... Я эмигрант, социал-демократ. Прошу телеграфировать Поронин и старосте Новый Тарг во избежание недоразумений».

Ленин — шпион царской монархии! Такая мысль могла зародиться только в совершенно угоревшем от шовинистической «бдительности» полицейском мозгу. Но колесо уже закрутилось, и Ленин очутился за решеткой уголовной тюрьмы Нового Тарга.

«Владимир Ульянов, уроженец России, лет 44, православного вероисповедания, русский эмигрант» — такая запись появилась в тюремной книге утром 8 августа 1914 года. Тут же тюремный надзиратель перечислил и «имущество» арестанта: 91 крона 99 геллеров*, черные часы, ножик.

Яков Станиславович Ганецкий, успевший уже развить кипучую энергию, поспел в Новый Тарг как раз к тому моменту, когда судья допрашивал Владимира Ильича.

Даже беглого знакомства с Лениным члену суда Пашковскому было достаточно, чтобы поставить под

* Австрийские деньги.— *Ред.*

сомнение нелепое обвинение, выдвинутое против него.

«Пашковский сейчас же нас принял и велел вызвать из камеры Владимира Ильича,— вспоминал позднее Ганецкий...— Появился Владимир Ильич, взволнованный, но, как всегда, ровный и со своей постоянной спокойной улыбкой. Не знал, на каком языке обратиться к Надежде Константиновне: судья не понимает по-русски.

— Я буду говорить по-немецки,— заявляет Владимир Ильич Пашковскому,— хотя умею и по-польски.— И тут же говорит Надежде Константиновне по-польски: «Jak sie Pani czuje?» (Как вы себя чувствуете, сударыня?)

Пашковский смеется, предлагает Ильичу говорить по-русски. Мы с Папковским идем в другую комнату, чтобы не мешать...»¹³

Потребовались немалые усилия польских друзей, влиятельных депутатов австрийского парламента, прежде чем вздорные подозрения против Ленина были сняты.

Вот каким был еще один человек из ленинской записной книжки. «Вполне рекомендую в партию»,— написал о Ганецком Владимир Ильич.

«НЕ ПОРЫВАЙТЕ СВЯЗИ С РАБОЧИМИ...»

При всей своей лаконичности записи, сделанные Лениным в его алфавитной книжечке, отличаются предельной ясностью. Редко внося в нее новую фамилию, он не записывал тут же и имени-отчества человека. Недостаток таких сведений восполнялся упоминанием профессии или специальности того или иного лица. Например: *Данилевский* — шофер исполнительного комитета...

Фамилия *Гиляровой* записана без аналогичных уточнений. Все, что мы знаем о ней из записной книжечки Владимира Ильича,— домашний адрес на Б. Ружейной в Петрограде и номер домашнего телефона.

При Музее Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде создан и ведет плодотворную работу совет, в который входит большая группа старых большевиков — ветеранов нашей партии. Сюда я и пришел порасспросить о людях, упоминаемых в алфавитной книжечке Ленина. Называю фамилию Гиляровой.

— Есть такая у нас, — отвечают товарищи и сообщают мне номер телефона Елены Александровны Гиляровой, персональной пенсионерки, члена партии с 1917 года.

Обращаюсь к Елене Александровне, ввожу ее в курс дела. Выясняется, что вопрос, интересующий нас, задавали ей еще в свое время товарищи, с которыми она училась в Ленинградском институте красной профессуры.

— Ваш ли это адрес? — спрашивали ее по поводу записи, сделанной Лениным.

— Да, это адрес нашей квартиры, — отвечала Елена Александровна.

У кого же узнал этот адрес Владимир Ильич, зачем он ему понадобился?

Сестер в семье Гиляровых было две: Александра и Елена. Первая из них ко времени возвращения Ленина в Россию была студенткой пятого курса Женского медицинского института в Петрограде, вторая училась на Бестужевских курсах. Обе весной семнадцатого года вступили в партию.

Елена одновременно с учебной вела работу в отделении партийного издательства «Прибой», созданном при Василеостровском райкоме партии. Ей и поручили обслуживать большевистской литературой делегатов I Всероссийского съезда Советов. Был тогда и случай, когда ее адресом и телефоном поинтересовалась большевистская фракция съезда.

Накануне июльских событий 1917 года Вера Клементьевна Слуцкая, секретарь Василеостровского райкома партии, направилась во дворец Кшесинской и захватила с собой Елену Гилярову. По дороге она подробно допытывалась у нее о том, как расположена квартира, в которой живет семья, нет ли маленьких детей.

— Ваша квартира может понадобиться для партии, — сказала Вера Клементьевна.

Приехали во дворец. Слуцкая ушла к Ленину. На обратном пути из дворца она сказала Гиляровой:

— Я ваш адрес дала Владимиру Ильичу, но он у него уже записан...

Вспоминая этот эпизод, Елена Александровна Гилярова допускает и другое происхождение интересующей нас записи в книжечке Владимира Ильича. Сестра ее, Александра, училась в том самом Женском медицинском институте, в помещении которого происходил ряд заседаний VII (Апрельской) Всероссийской конференции нашей партии. Большевистская фракция института помогла раздобыть это помещение для работы исторической конференции, много потрудились над техническим обслуживанием ее участников. Какая-то очень скромная роль в этом деле могла принадлежать и Александре Гиляровой. Одну из догадок о появлении адреса Гиляровых в записной книжечке Ленина Елена Александровна и строит на этой версии.

«Глебов. Телефон 1-29», — записано у Ленина.

О чем может рассказать эта предельно краткая запись?

Она связана с началом деятельности Советского правительства, образованного на II Всероссийском съезде Советов. Николай Павлович Глебов-Авилов* занимал пост первого народного комиссара почт и телеграфов.

Заключительное заседание исторического II Всероссийского съезда Советов, на котором было сформировано первое в мире Советское правительство, закончилось на рассвете 27 октября. В тот же день Петроградский военно-революционный комитет выписал на имя народного комиссара почт и телеграфов удостоверение: «Настоящим удостоверяется, что Николай Павлович Авилов (Н. Глебов) 27-го с. м. избран Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов на пост председателя коллегии почт и телеграфов.

Военно-революционный комитет предлагает всем лицам и учреждениям содействовать во всех делах, касающихся ведомства почт и телеграфов»¹⁴.

...Одна из первых ночей в Смольном после штурма Зимнего дворца. В Петроградском военно-революцион-

* Глебов — литературный псевдоним Н. П. Авилова. — *Ред.*

ном комитете несут дежурство представители районных комитетов партии. Входит Глебов-Авилов.

«Товарищи, Владимир Ильич просит вас немедленно идти в свои районы и всех членов партии, могущих быть агитаторами, прислать сюда, — обращается он к связным. — Отсюда они поедут к наступающим частям Краснова. Предупреждаю, что это обязательно надо выполнить, этого требует революция...

Без каких-либо расспросов и разговоров все немедленно бросились выполнять просьбу В. И. Ленина, — вспоминает Александр Семенович Гундоров, — член КПСС с 1915 года, дежуривший в Петроградском военно-революционном комитете от одного из районных комитетов партии Питера. — Рано утром я прибыл на Обуховский завод и, рассказав здесь о просьбе Владимира Ильича, получил задание — с группой красногвардейцев срочно отправиться на станцию Рыбацкое»¹⁵.

Контрреволюционный мятеж Керенского — Краснова был подавлен. Немало для этого сделали и большевистские агитаторы, посланные Лениным на линию огня. Они открыли глаза казакам, обманутым Керенским и Красновым, на подлинную правду о великих событиях, свершившихся в Петрограде.

Первый народный комиссар почт и телеграфов запечатлел в своих воспоминаниях некоторые типичные штрихи ленинского стиля работы. Он рассказывал о постоянном общении Владимира Ильича с народными массами, его тесной связи с петроградскими заводами и фабриками. Тому же Владимир Ильич учил и всех, кто близко соприкасался с ним по делам партийным, государственным, профсоюзным.

«Где бы ни были, какую бы работу ни выполняли, не порывайте связи с рабочими, — говорил нам Ильич»¹⁶, — вспоминал Николай Павлович.

Сам неутомимый в работе, Ленин умел поддерживать творческий огонек у других. Не прочь был Владимир Ильич, как известно, разрядить усталость своих ближайших помощников и шуткой.

«Он мог совместить в себе строгость вождя и шутки товарища, — рассказывал Глебов-Авилов. — Вспоминается, как на другой день после захвата власти он у себя в кабинете в Смольном, занятый разрешением

величайших вопросов, мог тут же в товарищеском кругу вспомнить тюрьму и тут же в кабинете демонстрировать натирку полов в тюремной камере».

Великий и простой — таким остался Ленин в памяти каждого, кому посчастливилось хоть раз встретиться с Владимиром Ильичем.

ЛЕНИН ПРИЕЗЖАЕТ!

— Да, это наш домашний телефон, — сказала Нина Исидоровна Гуковская, когда я показал ей запись Ленина, относящуюся к ее отцу. — Мы и жили с Владимиром Ильичем в Петрограде на одной улице — Широкой.

Нина Исидоровна запомнила апрельский вечер семнадцатого года, когда по всему Петрограду разнеслась знаменательная радостная весть.

— Вечером к нам прибежал Авель Енукидзе и сказал: «Ленин приезжает. Прямо сейчас!» И мы по Широкой улице побежали во дворец Кшесинской: мама, я и Енукидзе. Отец лежал больной.

На Каменноостровском проспекте было полно народу. Енукидзе подошел к какой-то калиточке у дворца Кшесинской, и нас пустили туда.

Потом мы услышали гул приближающегося броневика. Открыли дверь, вошел Ленин. Ленин стал обходить собравшихся во дворце Кшесинской и со всеми здороваться.

Очень хорошо помню, как Александра Михайловна Коллонтай спросила мою мать, Агапью Михайловну:

— Давно не видели Ильича?

— С 1905 года, — ответила она.

Здесь мы можем обратиться к воспоминаниям самого *Гуковского*. Речь идет как раз о последних месяцах 1905 года, когда Ленин, приехавший из-за границы в Петербург, редактировал легальную большевистскую газету «Новая Жизнь» (формально редактором-издателем считался поэт Н. М. Минский, издательницей была М. Ф. Андреева).

На страницах «Новой Жизни» было опубликовано тринадцать ленинских статей. В их числе и такой про-

граммный документ, как «Партийная организация и партийная литература».

Прямое отношение к «Новой Жизни» имел и старый партиец Гуковский. Там он ежедневно встречался с Лениным.

«Редкий номер газеты не давал повода к привлечению редактора к ответственности,— вспоминал он.— Меня, в качестве официального секретаря редакции, вызывали к следователю по важнейшим делам, и между нами происходил диалог приблизительно следующего содержания. Следователь, предъявляя мне номер газеты, спрашивал, с целью ли распространения был выпущен этот номер. Я отвечал, конечно, утвердительно. «В каком количестве был распространен номер?» — спрашивал следователь. «60—80 тысяч», — отвечал я. «Кто автор такой-то статьи?» — Ответ: «Это тайна редакции». — «И вы не скажете?» — «Нет». — «Так что, отвечает редактор?» — «Да». Этим кончась»¹⁷.

Кем работал Гуковский в семнадцатом году? После событий Февральской буржуазно-демократической революции, когда партия вышла из подполья, он стал казначеем Петербургского комитета партии. Позже он был назначен на пост народного комиссара финансов.

Много важнейших поручений Ленина выполнил нарком. Мы можем о них узнать из документов, вошедших в Полное собрание сочинений В. И. Ленина. Однако не все ленинские записи удалось обнаружить и собрать. Вот наглядное тому свидетельство.

Незадолго до моего прихода Нина Исидоровна перелистывала архив своей покойной матери и обнаружила еще два ранее нигде не опубликованных ленинских документа. Оба в подлиннике.

— Пришли бы днем позже и опоздали,— говорит Нина Исидоровна.— Как раз собралась отнести документы в Институт марксизма-ленинизма...

Я прочел их. Первый относится к июлю восемнадцатого года. Председатель Совета Народных Комиссаров обращается к наркому с крайне срочным поручением. Настолько не терпящим промедления делом, что на документе помечено время вручения — один час дня. «Ваш Ленин» — подпись в конце документа,

Записка, о которой идет речь, требует специального исследования, и мы надеемся еще к ней вернуться.

Вторая находка — подлинник мандата на имя Гуковского, подписанного Председателем Совета Народных Комиссаров В. Ульяновым (Лениным). Он относится к маю 1919 года, когда Гуковский был утвержден членом коллегии Народного комиссариата государственного контроля.

Меньше чем через год Гуковский стал представлять Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику в тогдашней буржуазной Эстонии.

Нина Исидоровна убеждена, что в одном из архивов должно храниться ленинское письмо, относящееся к началу дипломатической деятельности ее отца. «Хоть маленькое окошечко в Европу у нас есть», — помнятся ей ленинские слова.

...Внешкольному отделу Наркомпроса понадобились книги, которые можно было раздобыть или заказать в то время в Эстонии. Эту просьбу Надежды Константиновны Крупской Ленин изложил в одной из своих записок, также адресованных Гуковскому в его бытность полпредом РСФСР в Эстонии.

«Ваш Ленин», — можно и здесь прочесть в конце документа.

Его фотокопию мне также показала Нина Исидоровна.

«НЕ РАЗОРВУТ!»

От одного имени к другому ленинская записная книжка приводит нас к людям, самым близким Владимиру Ильичу. Вот эта строчка: «*Елизаров Марк Тим...*»

Это человек, вступивший в революционное движение еще в девяностые годы прошлого столетия. Свою личную судьбу он тесно связал с семьей Ульяновых. Марк Тимофеевич был женат на старшей из сестер — Анне Ильиничне.

Имя Елизарова еще до революции было внесено Надеждой Константиновной в адресную книгу Центрального Комитета партии. Адресами Марка Тимофеевича, и служебным (пароходное общество «По Волге» на Нев-

ском) и домашним (Широкая улица), можно было пользоваться для пересылки Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне личных писем за границу. Специальные пометки возле этих адресов напоминали только о необходимой осторожности.

Те же адреса Елизарова мы находим и в записной книжке Ленина.

Как известно, по приезде в Петроград он и Надежда Константиновна заняли одну из комнат в квартире Елизаровых.

Более чем скромная обстановка ее вполне устраивала Владимира Ильича. Стесняло его лишь одно неудобство — не было места для хранения книг. И он решил приспособить под книги платяной шкаф.

— Гардероб у меня небольшой, пиджак и на гвоздь повесить можно, а вот книги и газеты мне некуда складывать, — заявил он.

Новых жильцов надо было прописать. Хлопоты, связанные с пропиской, взяла на себя Анна Ильинична.

Сохранилась домовая книга тех дней. Перед нами ее двести пятьдесят третья страница.

«На какие средства живет?» — гласит один из вопросов к вновь въехавшему Ульянову Владимиру Ильичу. «Живет капиталом, а его жена при муже», — написано рядом черным по белому.

Итак, объявились два новых капиталиста: Ленин и Крупская! Не описка ли в домовой книге? Оказывается, нет. Просто-напросто известная осторожность. И вот дворник останавливает Владимира Ильича в парадном. Происходит следующий диалог:

— Вы служите, господин Ульянов?

— Нет.

— А если не служите, то как записать в домовой книге, на что живете?

— А как у вас пишутся другие господа, которые нигде не служат? — спрашивает Владимир Ильич.

— По-разному. Почетные господа живут на капитал...

— Вот так и запишите: живет на капитал... Я за это ручаюсь, — заверил дворника Владимир Ильич и поспешил по своим делам.

Так и были соблюдены все формальности в домовой книге.

На квартире Елизаровых у Ленина часто бывали члены Центрального Комитета, с которыми он совещался по важнейшим вопросам политики партии, ее стратегии и тактики. Состоялась такая встреча и сразу же после демонстрации 18 июня.

Владимир Ильич вернулся домой глубоко взволнованный подъемом, которым были охвачены демонстранты, революционной мощью пролетариата. Мария Ильинична приняла у брата букет красной гвоздики, преподнесенный кем-то из товарищей, и поставила его в вазу...

Запросто приходили к Владимиру Ильичу домой рабочие, красногвардейцы. В ту пору можно было в любой момент ожидать со стороны агентов контрреволюционного Временного правительства какой-нибудь гнусной выходки против вождя партии большевиков. И вот группа рабочих, выделенная партийной организацией завода «Старый Парвиайнен», взяла на себя охрану квартиры, в которой жил Ленин. Как-то, вернувшись домой, ничего не подозревавший Владимир Ильич застал незнакомых людей. Они сидели с Марией Ильиничной за чаем.

Подсел к гостям и Ильич. Выяснив, что они рабочие с Выборгской стороны, он, естественно, обрадовался и завязал с ними разговор. Перед тем как расстаться с гостями, Ленин все же поинтересовался, по какому поводу они пришли. Те растерянно переглянулись.

— Ах вот что! — сказал Ленин. — Ну, я догадываюсь, в чем дело. Не занимаетесь ли вы охраной моей персоны? Ну-ка, сообщите мне все поподробнее!

Пришлось рассказать Ильичу правду.

— Не слишком ли много хлопот? — заметил Владимир Ильич, прощаясь с товарищами...

Волнующую картину рисует в своих воспоминаниях Прасковья Францевна *Куделли*, чье имя мы также встречаем в записной книжечке Владимира Ильича. Прасковья Францевна была одним из старейших работников петербургской партийной организации. Опытный пропагандист и умелый организатор, она в условиях подполья выполняла ответственные поручения партии. Имя Куделли было тесно связано с «Правдой». После возобновления издания газеты Прасковья Францевна работала секретарем редакции.

За свою многолетнюю деятельность в партии Куделли не раз приходилось встречаться с Лениным, выполнять его поручения. Тесными узами дружбы была связана Прасковья Францевна с семьей Владимира Ильича. Она часто видела Ленина и в те дни, когда он только вернулся из эмиграции в Петроград.

«Раз был такой случай,— вспоминала Прасковья Францевна,— кто-то из товарищей рассказал ему, что в Измайловском полку происходит собрание, на котором принята резолюция против Ленина, а отдельные солдаты, науськанные эсеровскими агитаторами, заявили, что готовы принять Ленина в штыки.

— Я сейчас же к ним поеду! — сказал Ильич.

Товарищи взволновались:

— Что вы делаете? Ведь вас там разорвут в клочья!

— Не разорвут...

Удержать его было невозможно, и он поехал. Вернулся часа через два веселый, довольный и говорит:

— Вот вы меня не пускали, а солдаты меня под конец на руках вынесли»¹⁸.

Выступление Ленина в Измайловском полку, о котором вспоминает Прасковья Францевна Куделли, состоялось 10 апреля 1917 года. Речь Владимира Ильича была посвящена текущему моменту.

Хочется привести здесь и другой эпизод, о котором вспоминала Прасковья Францевна Куделли.

...Весной семнадцатого года происходила петроградская общегородская конференция РСДРП(б). Здесь Ленин выступал с докладом «О текущем моменте и об отношении к Временному правительству». С трибуны этой конференции прозвучало предложение Ленина изменить название нашей партии.

— Социал-демократия в международном масштабе так загадила себя во время войны национал-шовинизмом и соглашательством, что нам не следует носить с нею одно имя,— говорил, по воспоминаниям Куделли, Владимир Ильич.— Предлагаю отныне нашей партии называться Российской коммунистической партией.

Все ли делегаты конференции сразу поняли глубокий смысл ленинского предложения?

Прасковья Францевна Куделли чистосердечно рассказывала, что и она не представляла себе тогда, как можно расстаться со старым названием партии.

Во время перерыва Владимиру Ильичу приходилось отвечать на все новые и новые возражения делегатов конференции.

«Никогда не забуду того кроткого, мягкого тона, каким в ответ на многочисленные вопросы и протесты Ильич сказал,— вспоминала Куделли.

— Да, это бывает; многие не всегда сразу умеют охватить то, что именно нужно сделать в данный момент... Позднее это всем станет ясно...»¹⁹

Прошел год, он еще раз со всей силой подтвердил ленинскую прозорливость. На седьмом съезде наша партия получила достойное ее название — Коммунистическая...

Пока что Елизаров упоминался в нашем рассказе лишь постольку, поскольку речь шла о квартире родных Владимира Ильича, в которой Ленин и Крупская поселились по приезду из Цюриха в Петроград. Но можно ли не рассказать о той огромной роли, которую Марк Тимофеевич сыграл как один из первых строителей Советского государства.

— Как вы думаете, справится ли Елизаров с обязанностями народного комиссара путей сообщения? — спросил как-то Ленин старого партийца Анцеловича, хорошо знавшего Марка Тимофеевича.

«Я сказал, что, по-моему, справится,— вспоминал эту беседу Анцелович.— Елизаров — хороший большевик и с транспортом знаком.

— Я тоже думаю, что справится,— продолжал Владимир Ильич.— Да вот он сам не хочет быть наркомом, и мне, понимаете, неудобно его уговаривать. Он муж моей сестры, Анны Ильиничны, близкий мне человек. Прошу вас убедить его.

Я взялся выполнить это «дипломатическое» поручение. Поехал к Елизарову не один, а с группой железнодорожных рабочих, и мы убедили его согласиться пойти работать на транспорт. Он был назначен первым наркомом путей сообщения»²⁰.

Тяжелое наследство досталось нашему народу на железных дорогах страны. Временное правительство привело транспорт в состояние полного упадка. Теперь все чиновники бывшего министерства путей сообщения стремились и вовсе парализовать его. Они упорно отказывались служить Советской власти.

Таким был «орешек», который предстояло раскусить первому советскому руководителю железнодорожного ведомства. Елизаров начал с того, что пригласил всех его служащих собраться в большом зале министерства, на Фонтанке.

«На собрании мною будет доложено о мотивах, побудивших меня принять свой пост, и обсужден вопрос о тех путях, которыми начнем устранять железнодорожную катастрофу»,— гласило объявление, появившееся в «Известиях».

Двери бывшего министерства путей сообщения вновь открылись, но начинать работу Елизарову приходилось лишь с горсткой честных специалистов. Немало господ чиновников таило надежду на близкий крах Советской власти и отказывалось служить ей.

Твердой рукой большевик ломал явное и скрытое сопротивление саботажников. «Настало время очистить авгиевы конюшни министерства,— гласило его обращение к железнодорожникам,— очистить от тех мертвецов, которые умерщвляют все дело и теперь вводят всех в обман, прикрываясь законностью. Во время революции один закон — здравый смысл тех, кто творит новую жизнь».

Решительные шаги, предпринятые Елизаровым для оздоровления парализованного транспорта, не встретили сочувствия даже у иных из тех, кто причислял себя к друзьям Марка Тимофеевича.

Достойную отповедь им Елизаров дал на страницах «Известий». Его письмо было озаглавлено: «Ответ друзьям и недругам».

Марк Тимофеевич с гордостью писал о своей принадлежности к большевистской партии, о том, что он давно знаком со многими славными идейными борцами за лучшее будущее, за счастье для всего народа. Затронул и вопрос о мотивах, побудивших его согласиться хотя бы временно занять пост народного комиссара путей сообщения.

«Я мучался душою, когда видел разруху от коалиционных правительств,— писал Елизаров.— Я страдал, когда перед моими глазами гнусно клеветали и гнали тех, кто всю свою жизнь отдал за великое дело любви к человечеству, и моею молитвой была молитва, изложенная Некрасовым:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагривших руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

И она привела; и не вам, малодушным, боящимся верить даже самим себе, сбить меня с дороги... Все честные поймут, если у них не хватит духу поддержать меня, то у них не повернется язык и осудить меня. До бесчестных же мне дела нет. Они должны быть отмечены»²¹.

Заканчивалось письмо Елизарова выражением твердой уверенности в том, что железнодорожники будут всемерно крепить народную власть. В этом он и видел главный смысл своего выступления с трибуны газеты.

ВО ДВОРЦЕ КШЕСИНСКОЙ

«Кшесинская, Дворец ее», — записывает Владимир Ильич, едва вернувшись из эмиграции в Россию, адрес здания, в котором сосредоточены важнейшие центры партии. И сразу же перед нами вырастает фигура Ленина на балконе этого дворца; вместе с рабочими и солдатами, которые пришли сюда приветствовать возвращение вождя на родину, мы слышим его вдохновенные речи. Это происходит в ночь на 4 апреля 1917 года.

Не раз еще в течение этой ночи Владимир Ильич появляется на балконе, горячо встречаемый демонстрантами. До самого рассвета продолжается в стенах дворца Кшесинской его встреча с партийными работниками Петрограда...

Не дав себе и короткого отдыха с дороги, Ленин уже в двенадцать часов дня 4 апреля выступает в Таврическом дворце перед большевиками — участниками Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, излагая свои знаменитые Апрельские тезисы. Прения по докладу Ленина происходят во дворце Кшесинской. Владимир Ильич, ушедший отсюда только на рассвете, снова здесь.

В последующие месяцы в стенах дворца не раз еще звучал голос Ленина, выступавшего с программными речами на конференциях, собраниях, совещаниях. Мо-

гучим эхом отзываются по всей России его речи с балкона дворца, обращенные к петроградским рабочим, солдатам и матросам в самые напряженные, самые критические моменты революции.

Изо дня в день Ленин знакомится и беседует с людьми, приходившими во дворец Кшесинской по партийным делам. Вчера у Елены Дмитриевны Стасовой, секретаря Центрального Комитета партии, повстречался с делегацией рабочих Брянского завода, сегодня в редакции «Солдатской правды» ведет разговор с представителями воинских частей, ожидающими свежего номера популярной газеты. Сколько примечательных эпизодов могут напомнить адреса из ленинской записной книжки тем, кому выпало великое счастье работать бок о бок с Владимиром Ильичем!..

— Но позвольте, каким чудом весной семнадцатого года большевики оказались хозяевами одного из лучших особняков Петрограда? — вправе спросить читатель. — Не предложила же им свое гостеприимство балерина Кшесинская...

Нет, чуда не было. Не собиралась Матильда Федоровна отказываться от дорогого подарка, сделанного ей интимным другом — царем Николаем Вторым.

Незадолго до Февральской революции балерина получила письмо из Ярославля. Нельзя сказать, чтобы это послание, носившее анонимный характер, доставило владелице особняка большое удовольствие. Скорее, наоборот.

«На народные, потом и кровью добытые деньги вам выстроен столь красивый гарем, — писали ярославцы. — Скромненько, без борьбы ликвидируйте свои дела и с богом — из России. Пока мы вас не тронем, но близок час, когда придет расправа над вами и над вашим высоким покровителем»²².

Час царской монархии пробил. И в ночь на 28 февраля 1917 года Кшесинская покинула дворец, прихватив с собой саквояж с бриллиантами. О личном архиве думать ей было некогда. А в нем оказались документы, свидетельствующие о том, что балерина была одновременно и незаурядным дельцом-коммерсантом.

Дворец располагал гаражом и благоустроенными служебными помещениями. Этим и можно объяснить

тот факт, что его облюбовал для себя только что прибывший в Петроград дивизион броневиков.

Узнав, что Петербургский комитет партии ютится в чердачном помещении Биржи труда, революционные солдаты предложили его работникам переселиться во дворец. Приглашение тут же было принято. Здесь же разместился и Центральный Комитет партии, а вслед за ним прибыли военная организация партии, Центральное бюро профессиональных союзов. Нашлось место не только для «Солдатской правды», но и для клуба военных организаций.

Едва новоселы начали обживать особняк, как в него пожаловала дама.

— Я Кшесинская,— представилась она председателю Петербургского комитета партии Михайлову.

— Чем могу служить?

— Видите ли, я совсем разорена революцией...

О нет, она, конечно, не рассчитывает на возвращение всего особняка. Ее вполне устроил бы и один верхний этаж. Там Кшесинская мыслит себе открыть столовую-пансионат, чтобы тем самым заработать себе на пропитание.

«Как товарищ Михайлов, так и все мы, свидетели разговора, пришли в весьма веселое настроение, но Кшесинская сохранила полную серьезность,— рассказывал Владимир Николаевич Залежский, член Петербургского комитета партии.— Товарищ Михайлов намекнул, что в подобном заработке она, вероятно, не нуждается, поскольку всем известно, что она достаточно заработала во время войны с каким-то князем на артиллерийских поставках»²³.

Но Кшесинская не смутилась и стала убеждать работников Петербургского комитета, что они стали жертвами сплетен.

— Я вам предлагаю сейчас же поехать со мной в банк,— обратилась Кшесинская к Михайлову.— Там у меня всего 900 тысяч рублей (конечно, на золото). И вы увидите, что они положены еще до войны...

Так и не смогли понять «жестокие» большевики бедную осиротевшую царскую любовницу.

...Вспомним, что, едва прибыв из Швейцарии в Россию, Ленин направляется во дворец Кшесинской прямо с Финляндского вокзала.

Здесь в кругу партийных товарищей незаметно бегут часы весенней ночи...

После приезда Ленина в Петроград дворец Кшесинской становится тем, чем позже станет Смольный, — штабом социалистической революции.

Наступает май семнадцатого года. Бульварная пресса ликует и злорадствует. Сенсация! В камере мирового судьи на Большой Зелениной улице слушается дело о выселении большевиков из дворца Кшесинской. Один из ответчиков — кандидат прав В. И. Ульянов (литературный псевдоним — Ленин).

Ответчику Ленину повестка не вручена «за непроживанием» во дворце.

И вот идет судебное заседание. Интересы Кшесинской защищает буржуазный адвокат. Он бьет на то, что революция не отменила права на собственность.

Слово берет поверенный Центрального Комитета РСДРП(б) Мечислав Юльевич Козловский. Он говорит о том, что не собирается здесь касаться вопроса о самом праве на собственность. Поверенный партии протестует против утверждения адвоката владелицы особняка, будто революционные организации незаконно захватили дом Кшесинской. В действительности она сама покинула его.

— Да и как можно говорить о законном и незаконном в революции, — заявляет Козловский. — Ведь все революции незаконны с точки зрения старого закона, и напрасно здесь читали какие-то старые сенатские решения...

Вершитель буржуазного правосудия, мировой судья, выносит свой приговор: большевиков из дворца Кшесинской выселить. Через двадцать дней чтобы их ноги там не было...

Кандидат прав В. И. Ульянов (литературный псевдоним — Ленин), как официально установлено, во дворце Кшесинской не проживает. Однако это не мешает мировому судье вручить блюстителю интересов миллионов исполнительный лист и для выселения Ленина.

И вот уже судебный исполнитель Жигарь направляет свои стопы ко дворцу Кшесинской, чтобы реализовать приговор суда.

«Хотя я и знал, что сделать это не удастся, но мне хотелось посмотреть на Ленина, — признавался позже

Жигарь.— И я отправился исполнить предписание... У входа во дворец Кшесинской стояли караулы матросов, которые, узнав о цели моего прихода, предложили мне «задрать пятки». Я отправился к Керенскому. Керенский заявил, что надо подождать дня три. Но когда наутро в газетах появилось сообщение о моем неудачном путешествии, дело было положено под сукно...»²⁴.

Между тем истец, адвокат Кшесинской, зачастил во дворец. Приводил с собой милиционеров. Назойливо напоминал о том, что срок освобождения дворца, установленный мировым судьей, истек.

На исполнении приговора настаивало и меньшевистское руководство исполкома Петроградского Совета. Все это и побудило Центральный и Петроградский комитеты партии покинуть помещение дворца Кшесинской. Однако часть организаций партии оставалась в нем вплоть до июльских дней.

В ТАВРИЧЕСКОМ ДВОРЦЕ

Партийная делегация встретила Ленина, возвращавшегося из эмиграции на родину, еще до прихода поезда в Петроград. Это произошло на станции Белоостров. В составе делегации была Александра Михайловна Коллонтай, сама незадолго до этого приехавшая из Норвегии.

«Я пожалала ему руку,— вспоминала Александра Михайловна,— но Беленин (А. Г. Шляпников.— Ю. Ю.) подтолкнул меня:

— Коли не до речи, хоть поцелуйтесь с Ильичем».

Трудно сказать, где именно, то ли в вагоне поезда, шедшего из Белоострова в Петроград, то ли во дворце Кшесинской, записал Ленин адрес и телефон Коллонтай, но в том, что эта запись была одной из первых, можно не сомневаться.

На другой день Ленин выступал в Таврическом дворце со своими знаменитыми Апрельскими тезисами. Выступал он дважды. Сначала на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. Потом на объединенном заседании большевиков и меньшевиков — участников совещания Советов. Обстановку, в которой под сводами Таврического дворца звучал голос глашатая могу-

чих идей социалистической революции, рисует в своих воспоминаниях Александра Михайловна:

«Когда Владимир Ильич и сопровождавшие его большевики появились на трибуне, я сразу почувствовала, что атмосфера в зале царит недружелюбная. Лишь большевики, сидевшие слева в огромном зале Таврического дворца, встретили Ленина аплодисментами. Но нельзя было не заметить, как быстро менялось настроение присутствующих, по мере того как развивалась логическая цепь великих положений Ленина».

Глубокое впечатление оставило у участников этого собрания и выступление Александры Михайловны Коллонтай. Горячо, убежденно звучала ее речь в поддержку ленинских Апрельских тезисов. А предатели интересов рабочего класса, тщетно пытавшиеся найти какое-либо уязвимое звено в логической цепи великих положений Ленина, получили достойную отповедь «Валькирии революции».

Неутомимый партийный работник, замечательный поборник ленинских идей, Коллонтай пользовалась огромной популярностью в революционном Питере. Выступления пламенного большевистского оратора неизменно собирали многолюдные аудитории рабочих, солдат и матросов. Александра Михайловна была одним из ближайших помощников Владимира Ильича.

Вот еще один эпизод, относящийся к первому периоду работы Ленина в Петрограде по возвращении из эмиграции.

...Не успел меньшевик Гвоздев расположиться в кресле министра труда коалиционного Временного правительства, как среди работниц частных прачечных предприятий Петрограда вспыхнула забастовка. Временщикам не удалось обмануть своими посулами даже самую отсталую часть питерского пролетариата. Коллонтай информирует об этом Владимира Ильича:

«Я спешу рассказать возможно сжате, чтобы не отнимать у него драгоценного времени,— рассказывает она.— Но, в конце концов, не выдерживаю и жалуюсь ему: прачки — это те же солдатки, но есть и очень отсталые элементы, мелкобуржуазные, с ними трудно.

Владимир Ильич слушает меня внимательно, а потом говорит:

— Вы сумейте отсеять пролетарок, на них и опирай-

тес, за ними пойдут и другие. Ничего, что это отста-
лые низы, наша работа должна начинаться с самых низ-
зов. Им всего тяжелее живется, они скорее всего пой-
мут, чего хотят большевики»²⁵.

...Несколько дней спустя после Октябрьского пере-
ворота Ленин подписал удостоверение о назначении
А. М. Коллонтай народным комиссаром государствен-
ного призрения.

Отыскивая людей, близко знавших Александру
Михайловну, я навестил ее старого друга — Валентину
Максимилиановну Дюшен. Выяснилось, что Валентина
Максимилиановна жила вместе с Александрой Михай-
ловной в последней ее петроградской квартире, адрес
которой записан Владимиром Ильичем в его алфавит-
ной книжечке.

На квартиру назначенного только накануне наркома
чуть свет явился первый посетитель.

— Я пошла открывать дверь, — рассказывает Вален-
тина Максимилиановна. — Вошел старый крестьянин и
спросил: «Где тут у вас Коллонтай? Я ей принес запис-
ку от вашего наибольшего — от Ленина».

Действительно, Владимир Ильич, сам принявший
крестьянина, поддержал его просьбу о денежной ком-
пенсации за лошадь, реквизированную на военные
нужды незадолго перед Февральской революцией. Это
было первое пособие, выплаченное Советским государ-
ством.

Следующим после имени Коллонтай в записной
книжке Ленина идет имя *Калугина*. Владимир Ильич
пометил, что Дмитрий Иванович — картонажник, пред-
седатель союза. Рядом упоминается фабрика Шустова,
на которой, возможно, работал Калугин.

Что известно об этом человеке?

Через несколько дней после возобновления издания
«Правды» Дмитрий Иванович Калугин выступил на
страницах газеты с письмом к своим коллегам по про-
изводству изделий из картона и бумаги.

«Вспомните мои призывы, обращения к вам на столб-
цах газеты «Правда» 1913 и 1914 годов, — писал он. —
Вы говорили, что боитесь полицейских рогаток, но те-
перь их нет. Не медлите, товарищи! Вступайте в про-
фессиональные общества! Не теряйте ни минуты, ибо
каждая минута дорога».

...Наступил апрель семнадцатого года. Члены профессионального общества рабочих по производству изделий из картона и бумаги собрались в кинематографе «Теремок». Председатель правления общества Калугин отчитывался о первых шагах нового профессионального союза.

Быть может, вскоре после приезда Ленина в Петроград и произошло его знакомство с картонажником, председателем союза Калугиным и Владимир Ильич записал номер его телефона.

Еще один штрих, относящийся к деятельности Калугина в трудные для партии дни похода против нее контрреволюционного Временного правительства...

«5 июля, в 6 часов вечера, собрание с.-д. большевиков Союза картонажников у товарища Калугина (М. Белозерская, дом 17, квартира 43)».

Такое объявление опубликовано в номере «Правды», вышедшем 5 июля 1917 года, в первый день кровавого разгула реакции. Нет, не пугливого десятка был большевик, профсоюзный руководитель Калугин!

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Примет времени в ленинской книжечке немало. Петр Иванович *Стучка*, проживавший по Бассейной улице, назван в алфавите, как мы уже знаем, присяжным поверенным. Любопытно, какие же дела были к нему у Владимира Ильича? Может быть, и впрямь юридические?

Посмотрим.

Вот, например, 15 апреля 1917 года Ленин подписывает доверенность учредителей издательского общества «Рабочая печать» на имя Стучки. Петру Ивановичу доверялось ведение всех дел издательства.

Ну что ж, это акт чисто нотариальный. Но присяжный поверенный Стучка куда больше получает поручений, которые никак не укладываются в рамки юриспруденции.

В мае семнадцатого года он предпринимает поездку в Латвию. Вернувшись оттуда, с воодушевлением рассказывает Ленину о том, что латышские стрелки полны решимости идти за большевиками, показывает их

резолюцию, призывающую к борьбе за Советскую власть.

Ильич советует Петру Ивановичу написать об этом статью. И в первой половине июня на страницах «Правды» появляется «Письмо из Риги»...

Так, «присяжный поверенный» из записной книжки Владимира Ильича оказывается профессиональным революционером, одним из основателей Коммунистической партии Латвии. Февральская революция застала его в Петрограде. Он становится членом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и с головой уходит в кипучую работу.

Виделся ли Петр Иванович Стучка с Лениным в дни, положившие начало новой эры в истории человечества?

«В ночь с 24 на 25 октября вместе с другими товарищами мне приходилось дежурить в комнате, где поступали информационные сведения для ВРК, — вспоминает делегат II Всероссийского съезда Советов Я. П. Бирзгалис. — Уже к утру туда зашел П. И. Стучка, чтобы навестись о новостях. Стучка сообщил, что у него была встреча и разговор с Владимиром Ильичем. Ленин расспрашивал о политическом составе делегатов съезда. Интересовался, нет ли среди делегатов-большевиков людей с каменевско-зиновьевскими настроениями. Потом дал задание — по возможности точнее выяснить соотношение левого и правого крыла эсеров среди делегатов»²⁶.

Пришло время, когда юридический талант Стучки смог развернуться во всем блеске. Первый народный комиссар юстиции Советского правительства, он подготовил ряд важных законодательных актов. Выступил Петр Иванович и с предложением упразднить пресловутую «канцелярию для принятия прошений при Временном правительстве». После одобрения Совнаркомом проекта декрета на нем появилась пометка: «Принято. В. Ульянов (Ленин)».

Назван в алфавитной книжке Владимира Ильича и другой юрист — адвокат Мечислав Юльевич *Козловский*. В 1907 году видный деятель социал-демократии Польши и Литвы был по поручению ЦК С.-Д. П. и Л. представителем В. И. Ленина в партийном суде, на процессе, возбужденном против вождя большевиков меньшевиками.

Петра Ивановича Стучку связывала с Козловским многолетняя дружба и совместная партийная работа. После Февральской революции оба юриста-большевика вошли в состав Петроградского исполкома.

Много лет спустя Стучка вспоминал, как Козловский вел в исполкоме непримиримую борьбу против меньшевиков и их лидеров Церетели и Чхеидзе. Немало он попортил им крови! И они платили ему откровенной ненавистью.

Единственное место, предоставленное большевикам в Особом совещании, созданном для изготовления положения о выборах в Учредительное собрание, занимал по поручению партии Мечислав Юльевич. Первая поправка, которую он внес, касалась самого состава Особого совещания. Он предложил переформировать его так, чтобы подавляющее большинство мест принадлежало подлинным представителям трудящихся.

В ходе работы совещания Козловский неустанно разоблачал несостоятельность избирательного закона, который его члены пытались навязать народу.

В июльские дни семнадцатого года мастера антибольшевистских фальшивок и провокаций инспирировали дело о «шпионаже» Козловского. Он был брошен в тюрьму.

Сразу после Октября Козловский — председатель следственной комиссии, заместитель народного комиссара юстиции.

Позже Мечислав Юльевич стал первым председателем Малого Совнаркома. Этот правительственный коллегиальный орган подготавливал постановления Совнаркома и контролировал их исполнение.

Несколько лет назад Михаил Петрович Еремин, занимающийся расшифровкой ленинских фотодокументов, заинтересовался одним снимком: рядом с Владимиром Ильичем на Красной площади стоит весело смеющийся человек. Необычной для того времени показалась питомцу школы ВЦИК генералу Еремину парадная одежда этого человека: котелок, галстук бабочкой. «Кто же он?» — подумал Михаил Петрович.

— Козловский! Председатель Малого Совнаркома, — сразу узнали Мечислава Юльевича старые коммунисты.

Теперь экземпляр этого снимка есть и у меня. Его подарил мне в дни работы II Всесоюзного съезда советских журналистов в Кремлевском театре сын Козловского, Юрий Мечиславович, вернувшийся в Москву из продолжительной зарубежной командировки.

— Как и когда попал к вам этот снимок? — спросил я коллегу. — Почти сорок лет назад, — ответил Юрий Мечиславович, — после смерти отца меня пригласили в фотографию ВЦИК и вручили его. Снимок сделан во время парада на Красной площади в день Всевобуча 25 мая 1919 года...

Есть в адресной книжке Ленина и третий юрист — тоже питерский адвокат. На его визитной карточке, сохранившейся в личном архиве, можно прочесть:

Петр Ананьевич Красиков
Присяжный поверенный
Шпалерная, 8, кв. 10, тел. 1-51-32.

Этот же адрес и номер телефона записал и Владимир Ильич. А рядом пометка: «10 — 12 ч. позвонить». Был, вероятно, случай, заставивший Ленина уточнить время переговоров по телефону.

На визитной карточке Красикова указаны часы приема посетителей: от 6 до 8 часов вечера. Значит, до наступления вечера у Красикова были и другие дела.

Но сначала несколько штрихов из биографии присяжного поверенного.

Студентом юридического факультета Петербургского университета Петр Красиков был заключен в одиночную камеру № 45 Трубецкого бастиона в Петропавловской крепости. Дело в том, что царским шпицам удалось установить связи молодого марксиста с группой «Освобождение труда». Какому-то пронире из охраны посчастливилось даже заснять Плеханова и Красикова на берегу Женевского озера.

Когда Красиков вернулся в Петербург, он был схвачен и сослан в Красноярск, на свою родину.

Там же, в Сибири, куда три года спустя был сослан Ленин, сошлись пути Владимира Ильича и Петра Ананьевича Красикова. Между ними завязалась крепкая дружба. С годами Красиков стал одним из искуснейших партийных конспираторов.

Неразлучной спутницей Петра Ананьевича была скрипка, которую он полюбил еще гимназистом. Должно быть, отсюда и его партийная кличка — Музыкант. Скрипка была с Петром Ананьевичем всегда в пути, и никто не мог заподозрить в представительном гастро-лере агента ленинской «Искры». Большой интерес представляет в этой связи впервые опубликованный в Полном собрании сочинений Владимира Ильича один документ. «Относительно «музыканта» мы думаем, что раз он *se met á notre disposition* * и человек сам по себе предприимчивый, — писал Ленин в мае 1901 года, — то надо, конечно, немедленно постараться направить его на самую границу с тем, чтобы он взялся сам непосредственно заведовать перевозкой и не только заведовать, но и перевозить или переносить сам (*respective* **: переходить с контрабандистом)» ²⁷.

И Музыкант отлично справлялся со своей ролью. Достаточно сказать, что он безупречно переправил из России через границу большую группу делегатов II съезда партии.

Незадолго до открытия этого съезда Красиков по предложению Ленина был кооптирован в состав редакции «Искры». В качестве вице-председателя съезда Петр Ананьевич в течение двух дней вел его заседания.

Теперь можно ответить и на вопрос, чем был занят Красиков в семнадцатом году.

Петр Ананьевич не оставил мемуаров. Но перед нами стенографический отчет по чистке партколлектива Прокуратуры Союза ССР от 25 октября 1933 года.

В нем читаем выступление Красикова:

— Наступила Февральская революция, — рассказывал он. — Я принимал участие в организации Совета рабочих и солдатских депутатов... Петербург произвел выборы, я был выбран в Петербургский Совет, прошел во ВЦИК.

Удивительно ли, что присяжный поверенный Красиков не имел больше двух часов в день для приема домашней клиентуры? Колоссальная юридическая нагрузка легла на плечи Петра Ананьевича, когда

* Предоставляет себя в наше распоряжение. — *Ред.*

** Соответственно. — *Ред.*

пришлось ломать бешеное сопротивление врагов социалистической революции, пытавшихся задушить молодую Советскую республику.

— В октябрьские дни принимал участие в ликвидации старого строя, в арестах, работал в комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем под непосредственным руководством самого Владимира Ильича,— рассказывал Петр Ананьевич.

Ленин практически учил работников следственной комиссии блюсти революционную законность. Тщетно пытались очернить, замарать ее работников эсеры. Люди, которые стояли во главе следственной комиссии, были хорошо известны партии, они прошли большую ленинскую школу.

Петр Ананьевич Красиков был членом первой коллегии Народного комиссариата юстиции, и ему приходилось часто докладывать о делах непосредственно Ленину. Так бывало и позже, когда Красиков занимал другие важные государственные посты.

— Размер работы мог быть меньше, но тем не менее Владимира Ильича всегда можно было увидеть по делу,— рассказывал он...— Я аккуратно посещал заседания Совнаркома, и стоило мне написать записку Владимиру Ильичу, что мне хотелось бы повидать его минут на пять, чтобы поговорить по тому или другому делу, и он говорил: приходите к такому-то часу. Попасть к нему можно было очень свободно, но если зайдешь к нему на три минуты, то уж точно только на три минуты зашел, и конец.

Среди ленинских документов, относящихся к событиям конца семнадцатого года, есть и записка Владимира Ильича, адресованная всем трем большевикам-юристам: П. И. Стучке, П. А. Красикову и М. Ю. Козловскому.

«Ради бога, справьтесь о законе выборов в Учредительное собрание, *нет ли срока для снятия* выбранных (и замены их другими в списке)»²⁸,— просит Ленин.

Дело в том, что Владимир Ильич по списку кандидатов в Учредительное собрание от Центрального Комитета партии оказался избранным одновременно в пяти округах. А Всероссийская комиссия по выборам в Учредительное собрание просила избранных в не-

скольких округах назвать тот, в котором они остаются депутатами.

На ленинскую записку ответил Козловский, являвшийся представителем большевиков в Особом совещании по выработке положения о выборах до момента ареста его Временным правительством в июльские дни.

Получив необходимую справку, Владимир Ильич сообщил во Всероссийскую комиссию по выборам в Учредительное собрание, что он просит считать его избранным от Балтийского флота. Воспользовался Владимир Ильич и ответом Козловского для телеграфного сообщения в окружные комиссии. Вот текст ленинской телеграммы, отправленной, в частности, в Псков²⁹:

«Остаюсь депутатом Балтийского флота, прошу заменить меня следующим кандидатом по списку большевиков.

Ульянов (Ленин)»

СТАРЫЙ ПАРТИЕЦ

Когда встречаешь в ленинской записной книжке имя *Л. Б. Красина*, в памяти оживают многие страницы героической истории нашей партии. Леонид Борисович возглавлял бакинскую социал-демократическую организацию с ее легендарной неуязвимой для царской охраны типографией «Нина», в которой с матриц перепечатывались номера ленинской «Искры». На него партия возложила в памятном 1905 году создание и руководство боевой технической группой, наладившей производство бомб различных систем, динамита, пироксилина.

Красин был в те времена незаменимым казначеем партии, постоянно нуждавшейся в средствах для издания и транспортирования во все возрастающих масштабах марксистской литературы.

Природа одарила этого человека блистательным умом, высокими волевыми качествами.

Тем не менее годы реакции охладили темперамент Красина, наложили свой отпечаток на его политические настроения. Отзовистская группа «Вперед» нашла в нем одного из своих сторонников.

Семь лет, до самого приезда Ленина в Петроград, Красин находился вне рядов партии. И все же многое

свидетельствовало о том, что он ей сочувствует, что он готов для нее сделать все возможное.

После приезда Ленина Красин часто встречается с ним. Старейший партиец А. Енукидзе рассказывает о двух свиданиях Ленина и Красина. Проходили они в служебном кабинете Леонида Борисовича на одном из заводов Петрограда, где он работал.

Разгорались страстные споры по принципиальным вопросам подготовки и проведения социалистической революции. Каждая сторона горячо отстаивала свои позиции.

«Оба раза беседы длились целые часы, — рассказывал А. Енукидзе. — Мы сидели, Ленин обыкновенно лежал на кушетке. Ленин то хохотал, то сердился, и совершенно прямо они говорили друг другу то, что каждый из них чувствовал»³⁰.

С каждым днем расстояние, отделявшее Красина от партии, становилось короче. Но понадобились еще исторические события Великого Октября, недели и недели, для того чтобы он смог окончательно отрешиться от своих заблуждений.

Иван Иванович Радченко, знавший Ленина еще с 1900 г. по Пскову, вспоминал:

«В разговоре с Владимиром Ильичем я задал ему вопрос о некоторых товарищах, между прочим о Л. Б. Красине: встречается ли он с ним и почему Красин не втягивается в работу. Владимир Ильич ответил:

— Встречаюсь... Ухаживаю за ним, как за барышней... Не хочет... Все равно — придет к нам со временем...»³¹.

Так и вышло. Красин пришел! И весь жар своего сердца, все богатство своего ума отдал служению отчизне.

Глеб Максимилианович Кржижановский рассказывал, что его беседы с Лениным не раз касались их общего друга Красина. «Необыкновенно талантливый, одаренный человек, Л. Б., — подводил итоги В. И., — да и постоять за себя умеет... — приводил ленинские слова Кржижановский. — Никогда, ни разу не жаловался В. И. на Л. Б. «Да, пришлось мне за ним поухаживать, как за барышней» — вот максимум упрека, который я слышал от В. И. по адресу Л. Б.»³²

Когда же вернулся в строй старый, бывалый солдат партии? Это произошло в дни тяжелых испытаний, перед которыми стояла молодая республика в начале восемнадцатого года. Тогда-то Леонид Борисович Красин и выполнил первые поручения Советского правительства.

Летом того же восемнадцатого года Ленин так отозвался о нем в письме, адресованном Э. М. Складанскому, одному из видных военных работников (документ впервые опубликован в Полном собрании сочинений В. И. Ленина):

«Податель — тов. Леонид Борисович Красин, старый партиец, о котором Вы, вероятно, тоже наслышаны. Примите его, пожалуйста, *тогда* и окажите ему *полное* доверие. В деле о флоте *надо* дать ему все полномочия от Высшего военного совета»³³.

КАБИНЕТ РЕДАКТОРА «ПРАВДЫ»

Буква «П»... *Правда*. (Мойка, 32.)

Чуть ли не в день приезда в Петроград Ленин приступает к редактированию газеты. Ее создатель и главный идейный руководитель, первый публицист, он и здесь много времени уделяет беседам с партийными работниками, делегатами рабочих, крестьян, солдат.

«Я вспоминаю редакцию «Правды» на Мойке, — писала Александра Михайловна Коллонтай. — Крошечная темная комнатка, в которой всегда горело электричество, даже днем. Это и был «кабинет» Владимира Ильича до июльских дней»³⁴.

Ленин — редактор «Правды». Сколько волнующих воспоминаний осталось об этом у партийных работников, рабочих, солдат, матросов, приносивших весной и летом семнадцатого года свои письма, корреспонденции, статьи в редакцию газеты.

Приходит однажды сюда Я. М. Свердлов. С ним Георгий Соболевский — старый большевик, которому удалось попасть на Всероссийский продовольственный съезд, созданный в Москве буржуазным правительством.

Ленин с интересом выслушивает рассказ Соболевского о позиции, занятой на этом съезде большевист-

ской фракцией, и одобряет ее. При этом Владимир Ильич приглашает своего собеседника выступить со статьей об этом съезде на страницах «Правды».

Соболевский растерялся. И тут еще раз проявились замечательные черты основателя и редактора первой большевистской газеты — «Искры», мастерски умевшего втянуть человека в беседу, натолкнуть его на важную мысль и потом спросить: «А не напишете ли вы об этом в газету?»

Так было и на этот раз.

«Выслушав предложение товарища Ленина, я смутился, полагая, что не смогу написать требуемую статью, — вспоминал Георгий Соболевский. — Владимир Ильич, продолжая улыбаться и делая вид, что он не замечает моего смущения, ободрил меня, изложил план статьи и примерное ее содержание».

И вот автор будущей статьи с волнением приступает к делу. Вначале оно не ладится. Первый листок бумаги испорчен. Но можно ли не выполнить поручения Ленина! Соболевский продумывает план статьи, предложенный Владимиром Ильичем, его рекомендации, и впервые в жизни из-под его пера выходит статья.

«А вдруг Ильич забракует ее? Не миновать ей редакционной корзины», — с ужасом думает автор.

Но нет, взяв статью и внимательно прочитав ее, Ленин чуть-чуть подправил рукопись, счел нужным добавить к фамилии автора, что он был делегатом съезда от Томского Совета рабочих депутатов, и собственноручно написал: «В набор».

Наутро вышел очередной номер «Правды». В нем была опубликована статья В. И. Ленина «Недемократично, гражданин Керенский», в которой ставился вопрос о необходимости перехода власти в руки Советов. В том же номере нашел свою статью Соболевский...

После опубликования Апрельских тезисов эсеры и меньшевики начали бешеные атаки на нашу партию. В одном из районов Петрограда они затеяли свое собрание. Подтягивались самые отборные кадры краснабаев.

Партийная организация района готовилась дать соглашателям встречный бой. И вот к Ленину в редакцию «Правды» приходит делегация — его приглашают выступить на большевистском митинге в вагонных мастер-

Фриц Платтен

Яков Станиславович
Ганецкий

Sozialdemokr.
Bürgerschaftsvereinigung

N° 21

Platz N^o

Fritz Platten

Посадочный талон пассажира «запломбированного»
вагона, подписанный Ф. Платтенем

Вацлав Вацлавович
Воровский

В. И. Ленин среди русских эмигрантов, возвращающихся
в Россию. Стокгольм, 31 марта 1917 г.

Борьба (Борьба) Литература
Классика
Борьба Мех. Наг.
Сав. Савсга Кертенга
Борьба Борьба

Мещинский. Ленин: 1238(2-6).

Помощь Кав. Зубов 654-17.
Коса Моринская 33.

Правда 100.23(100) 32 (1192) 11. 100.210.00.
Родович 410.48.

Помощь Евг. Александр 608 Родович 11.12.
(20.11) 210.12 случай 121.50(100)

Помощь 1-28

Первый 29.87 (слова) Евг. Р. Дале
Уч. М. Полевик 100.23(100) 11.12.
(К. М. М.) интервью 100.23(100) 5.

П
Р
С
Т
У
Ф
Х
И
Ч
М

Красная площадь, 25 мая 1919 года.
В. И. Ленин, В. М. Загорский, М. Ю. Козловский
на параде частей Всевобуча

В. И. Ленин в Разливе. С карт. худ. Кукрыниксов

Эйно Абрамович
Рахья
и
Лидия Петровна
Парвиайнен

Партийный билет № 294332

Подробное название организации, выдавшей билет. Московской Домодековской Района
Фамилия Ульянов (Ленин)
Имя Владимир
Отчество Ильич
Год рождения 1870

Место для фотографической карточки.

Личная подпись владельца билета

Место печати.

Личность и подпись удостоверены

Член комитета

В. И. Ленин

1921

Выполнение и временным должностям (штат, военн. и др.) Председатель
Свердловской и Галицкой
Исполнение партийных обязанностей (отр. особ. назн., субботники, собрания, митинги и проч.)

по поручению Ц. К. РКП

Секретарь Ц. К. РКП
Месячный заработок 13500

Членский взнос.

Губ.	Коп.
1/10	-

Подпись секретаря

В. И. Ленин

Секретарь В. И. Ленин

Какой язык знает русский
Бразование высшее
Какие языки знает литератор
Военная подготовка не проходила
На каких языках говорит по-французски, немецки, английски, руски
Какие местности России знает хорошо Товарищ

Был ли за границей и где в Швейцарии, Берне, Франк., Англ., Голланд.
Семейное положение (число чл. семьи на иждивении) знает
3 человека на иждивении
вступил в партию 1893

Какой организацией принят основатель Р. К. П.
Пресса за парт. работу, когда, какие 1907 - арест и высылка из Катани,
1908 - арест и высылка в Вост. Сибирь
там ли, в других партиях, каких, где

зачисления в организацию
в списках состоял до выдачи

Елена Федоровна
Розмирович

Т. Н. Столбов, бывший
председатель Чрезвычайкома
в г. Родники, рассказывает
молодежи историю реквизиции
библиотеки П. И. Суркова

В. И. Ленин и М. И. Ульянова направляются
на заседание V Всероссийского съезда Советов.
Москва, июль 1918 г.

Добаш Иштван — телеграфист, передавший первую радиogramму о революции в Венгрии, и его русский коллега Максим Скибин, принявший эту радиogramму в Москве

По этому телеграфному аппарату было передано из Будапешта в Москву сообщение о победе венгерской революции 1919 года.

Опросный листъ

Passagera Russiska pöddannaga, prybysyaga ызъ за гранны чрезы пограничный пунктъ Торнео.

Kyselykaavake

Venäjän alamaisselle matkustajalle, joka on saapunut ulkomailta/Torinea, joka on ollut kaapissa.

Frågeformulär

För resande som är Rykt undersäte och ämnar begifva sig utrikes genom Torneå gränspoststation.

2 *апреля* 1917 г.

Имя, Отчество, Фамилия в Женск. Kuntok. Isän- ja Sukunimi sekä Sääty. För-, Faders- och Tillnamn och Stånd.	Владимиръ Ильичъ Ульяновъ
Откуда бѣдетъ—породно указати. Mistä matkustusta tulkon mainittava. Uppgif omgerort, svarifrån resandes hemort.	Изъ Стокгольма (Швеция) (Hotel Regina—Стокгольма)
Въетъ. Национальность в Вѣроекосекъ. Iåk. Kansallisuus ja Uskonto. Älder. Nationalitet och Trobektännelse.	Родился 10 августа 1876 г. В Сибирск. русскій, прав. славянинъ
Съ какою целью бѣдетъ за границу. Millä asiolla kävi ulkomaille. Ändamålet med resan utrikes.	Коммунистическій эмигрантъ, работа за границу в Канадѣ
Отдѣляется ли въ Финляндии, указати городъ и адресъ в предъ оставленіи. Frilätsytte Suomessa, mainittava kaupunki, osoite ja julkistumisen syy. Ämnar resandes stanna i Finland, uppgif staden och adressen, äfvenstom ändamålet.	Не предполагается останавливаться
Въ какой городъ бѣдетъ, указати адресъ. Mistä kaupunkiin matkustaa, mainittava osoite. Resans mål, uppgif fullständig adress.	Петрозаводскъ, адресъ сестры Маріи Ильиничны Ульяновны: Широкая ул., д. 48/9 кв. 24
Чемъ занимается, профессія. Mistä toimi eli ammatti. Stånd eller yrke.	Журналистъ
Присѣзаніе. Mästus. Anmärkning.	_____ _____ _____
Пассажиръ Matkustaja Resande	Владимиръ Ульяновъ

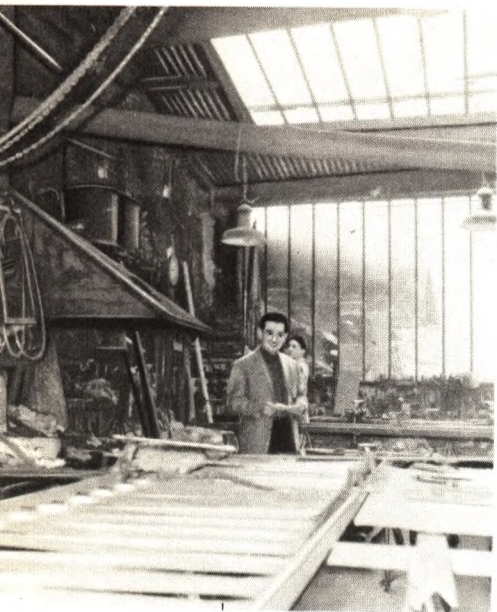
Опросный лист, заполненный В. И. Лениным на пограничном пункте в Торнео

Иван Степанович
Белостоцкий

Иван Вонифатьевич
Присягин

Мастерская в Лонжюмо,
где помещалась ленин-
ская партийная школа
в 1911 году.

Лонжюмо. На втором эта-
же этого здания в семье
рабочего кожевенного за-
вода жил В. И. Ленин с
женой Надеждой Констан-
тиновной и матерью Ма-
рией Александровной

По 34 ст. Полож. о Государ. охранѣ.

Д Ъ Л О

**КАНЦЕЛЯРИИ АРХАНГЕЛЬСКАГО
Губернатора**

о состоящемъ подъ гласнымъ надзоромъ полиціи

*Артемьяна Псковской губернии, Островскаго
уезда Ивановой Ефимовны, урожд Ивановой*

Высланъ за ~~нелегальный~~ выездъ

изъ Россіи за границу и вступленіе
въ число ученицъ Парижской школы

*Найдена 18 Дек 1912 г. армейскими войсками
Россійской сою. - демокр. рабочей партіи*

на 2 года, считая срокъ съ

17 января 1902 года

18 декабря 1904 г.

Кончено: *Землягородъ* 1905 г.

На 47 листахъ.

*Срокъ сокращенъ на одинъ годъ
подлинникомъ 17 ноября 1913 г.*

«Дело» А. И. Ивановой с надписью: «Выслан за нелегальный выезд из России за границу и вступление в число учениц парижской школы»

В. И. Ленин на заседании Совнаркома

В. И. Ленин, Д. Бедный и делегат VIII съезда РКП(б)
от Украины Ф. Панфилов, март 1919 г.

ских завода Речкина в тот самый час, когда было назначено эсеровское собрание.

— Хорошо. Послезавтра я свободен. Скажите у себя в райкоме, что я выступлю, — сразу согласился Владимир Ильич.

И эсеровские вожаки оказались перед пустой аудиторией. Рабочие предпочли слушать Ленина.

Неутомимый глашатай ленинских идей, «Правда» приобрела огромную популярность в самых широких массах трудового народа. Это приводило врагов грядущей социалистической революции в бешенство.

Какая-то банда прощелыг, именующая себя «лигой борьбы с большевизмом и анархией», рассматривает на своем сборище два «дела». И вот уже готовы два смертных приговора:

«1. Ульянова, именующего себя Лениным, лишить жизни.

2. Типографию газеты «Правда» взорвать»³⁵.

Но коротки у бандитов руки. Желая хоть чем-нибудь досадить ленинской «Правде», они организуют провокационные телефонные звонки в редакцию, собирают вблизи нее митинги черносотенцев.

Об одном из походов черной сотни рассказывала в своих воспоминаниях Александра Михайловна Коллонтай. Приближаясь к редакции, Александра Михайловна обратила внимание на толпу, собравшуюся недалеко от «Правды». Типичный крикун, демагог из меньшевиков, поносил большевиков. Вдруг из толпы раздался возглас возбужденного спиртными парами хулигана:

— Чего болтать... Идем громить их большевистскую газету! Чего ждать? Идем скорее!

Легко понять состояние Александры Михайловны, услышавшей эти «речи». Обгоняя толпу, она, взволнованная, вбежала в помещение редакции. Первой увидела Марию Ильиничну и спросила ее, здесь ли сейчас Ленин. Оказалось, что Владимир Ильич занят срочной работой по завтрашнему номеру «Правды» и просил не отвлекать его. Однако чрезвычайные обстоятельства вынудили Александру Михайловну нарушить эти указания. Войдя в редакционную комнату, освещенную только настольной лампой, она застала Владимира Ильича, склонившегося над гранками. Рядом с ним сидел другой сотрудник «Правды».

— Зачем вы, что случилось? — спросил Владимир Ильич, успев заметить, что Александра Михайловна чем-то встревожена.

— Владимир Ильич, нельзя терять времени. Сюда по Невскому идет пьяная толпа громить «Правду».

— А толпа еще далеко от Полицейского моста?

— Прошла Конюшенную.

— Ну значит успеем поправить передовую...

Крайне встревоженная сообщением Коллонтай, на немедленном уходе Ленина из редакции стала настаивать Мария Ильинична.

— Это же несерьезное мальчишество, Володя...

— Какая там толпа, — спокойно отвечает Владимир Ильич. — Маша, расспроси Коллонтай, организованная она или случайная.

Работа над передовой продолжается. Убедить Ленина в том, что он должен немедленно покинуть редакцию, не удается.

Больше того, открыв дверь редакционной комнаты, Владимир Ильич выпроваживает из нее Марию Ильиничну и Александру Михайловну...

Угроза чудовищной расправы была слишком реальной, и обе опять напомнили Владимиру Ильичу о ней.

— Так, по-вашему, товарищ Коллонтай, толпа разъяренная и пьяная, — сказал Ленин, успевший уже испещрить гранки своими пометками на полях.

«Высунувшись из открытого окна, я прислушалась и уловила крики и гул толпы», — рассказывала Александра Михайловна.

— Владимир Ильич, уже слышно, что она заворачивает на Мойку.

Владимир Ильич быстро дописал кое-что и, вычеркнув карандашом целый абзац, отстранил от себя гранки и нетерпеливо сказал:

— Работать не даете! Вместо того чтобы ко мне приставать, вы лучше бы позвонили в военку, пусть немедленно вышлют сюда охрану.

Оказалось, что Мария Ильинична об этом позаботилась и охрана была уже в пути. Но рисковать было нельзя.

В этот вечер Александра Михайловна по поручению Ленина уезжала с важным партийным заданием в Гельсингфорс. До отхода поезда оставался один час. А Вла-

дмир Ильич должен был ознакомиться с очень серьезным документом принципиального характера, который Александра Михайловна везла с собой. Это и был тот решающий довод, которым удалось убедить Ленина покинуть редакцию.

— Да, вот в чем дело... То-то вы ко мне пристали,— засмеялся Владимир Ильич,— вспоминала Александра Михайловна.

Сотруднику «Правды», которому предстояло еще поработать над статьей, оставаться одному в редакции Ленин не разрешил и предложил ему перебраться в типографию.

— А где же ваши погромщики? — лукаво улыбаясь, спросил Ленин Коллонтай, уходя из редакции³⁶.

Громилы были уже у самого дома на Мойке, где помещалась редакция, когда сюда подъехал грузовик, доставивший революционных солдат. Налет был сорван...

«ЧТОБ Я НЕ БИЛ ПО ДИЧИ МЕЛКОЙ...»

Под буквой «П» в адресной книжечке Ленина читаем также: «Придворов Ефим Алексеич» — это известный партийный литератор, поэт и баснописец «Правды» Демьян Бедный.

Кроме адреса поэта здесь значатся и номера двух его телефонов: домашнего и служебного. Когда можно застать Демьяна Бедного дома — известно. После же второго, должно быть редакционного, телефона Ленин делает пометку: «(на ура)». Не так просто было застать Демьяна Бедного на месте!

Личное знакомство Ленина с Демьяном Бедным произошло после возвращения Владимира Ильича из эмиграции в Россию. Но дарование поэта он заметил и высоко оценил гораздо раньше.

7 апреля 1912 года по поручению Ленина Н. К. Крупская запрашивает петербургских большевиков: «Кто у вас Демьян Бедный? Очень талантливо пишет. Не может ли на ликвидаторов басню написать? Хорошо бы...»

Демьян Бедный не заставил себя долго ждать. Вскоре на страницах «Невской звезды» появилась его басня «Кашевары»³⁷.

...Ох, ликвидаторы! Что долго говорить!
Нам с вами каши не сварить!

Не раз в критические моменты жизни Демьяна Бедного его согревала и поддерживала исключительная чуткость Ленина.

«Не придирайтесь, друзья, к человеческим слабостям! — писал Владимир Ильич в мае 1913 года из Поронина правдистам. — Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать. Грех будет на вашей душе, большой грех (во сто раз больше «грехов» личных разных, буде есть таковые...) перед рабочей демократией, если вы талантливому сотруднику не притянете, *не поможете* ему. Конфликты были мелкие, а дело серьезное. Подумайте об этом!»³⁸

Временный уход Демьяна Бедного из «Правды» очень огорчил Ленина. Он писал позднее поэту о том, как был обрадован его возвращением в газету. Не раз басни Демьяна Бедного перед публикацией их на страницах «Правды» посылались для Ленина в Польшу. Одобрял ли Владимир Ильич или сурово критиковал иные из них — это была настоящая школа, в которой воспитывался большевистский литератор.

Как хотелось Демьяну Бедному ближе узнать Ленина!

«...Наверное, вы простой, сердечный, общительный», — писал Владимиру Ильичу поэт 23 апреля 1913 года.

...Наступил апрель 1917 года. Ленин вернулся из Швейцарии в Россию. Когда он посетил издательство «Жизнь и знание» и познакомился с его работой, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, стоявший во главе этого издательства, показал ему только что выпущенные, хорошо иллюстрированные четыре книги Демьяна Бедного.

Владимир Ильич сейчас же схватил их и тут же стал просматривать. И, читая, все более и более смеялся, вспоминал Владимир Дмитриевич. Смех его даже переходил в раскатистый хохот. Владимир Ильич смеялся и приговаривал:

— Прекрасно! Как хорошо сказано! Метко! Очень хорошо!

Искренне радуясь творческим удачам поэта, Владимир Ильич без обиняков указывал ему на его срывы,

ошибки. «А зачем печатался в «Мире божием»?» — спросил Ленин Демьяна Бедного, встретив его в «Правде».

Демьян Бедный высоко ценил ту помощь, которую Ильич ему неизменно оказывал. Он прекрасно понимал, что именно благодаря этой ленинской помощи стал поэтом-бойцом.

...Чтоб я не бил по дичи мелкой...
Моею басенной пристрелкой
Руководил нередко Ленин сам³⁹, —

писал поэт.

В конце июня 1917 года Ленин прервал на несколько дней работу, чтобы отдохнуть в Финляндии на даче Бонч-Бруевича. Вблизи этой дачи, в деревне Нейвола, жили Максим Горький и Демьян Бедный. По дороге к Бонч-Бруевичам Ленин навестил Демьяна Бедного.

После установления Советской власти у Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича было намерение привлечь поэта на работу в аппарат Управления делами Совнаркома. Он видел в Демьяне Бедном не только талантливого поэта, но и незаурядного организатора.

«Оставьте его в покое, — сказал в связи с этим Ленин Бонч-Бруевичу. — Если он работал до революции по административному делу, то ведь это его беда. Обстоятельства заставили его поступить на службу, а теперь он больше всего будет служить огромную службу Советской власти и партии своим пером. Смотрите, какое он поместил прекрасное стихотворение в «Правде». Демьян Бедный — писатель, поэт, — не надо мешать ему в развитии его творчества»⁴⁰.

* * *

В свою алфавитную книжку Ленин вносил не только адреса и телефоны. Чрезвычайно интересны его заметки для памяти.

Вот, к примеру, поручение Евгению Порфирьевичу Первухину — врачу Елисаветинской общины на Охте в Петрограде. Его специальностью было лечение туберкулеза. Но чахотка была не единственным врагом, против которого всю свою сознательную жизнь боролся в царской России этот человек.

Мне удалось разыскать в Москве дочь покойного старого большевика, научную сотрудницу одного из

московских институтов. Она и познакомила меня с биографией своего отца...

Еще студентом Петербургского университета он печатает у себя в комнате на гектографе листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Потом уезжает в Женеву, вступает там в партию, ведет корректуру в ленинской «Искре».

...Пятый год начинается в России мощными раскатами революционного грома. Будет битва. Битва пролетариата против своего лютейшего врага — царизма, озверевшего, опьяненного кровью невинных жертв.

Первухин спешит из Швейцарии на родину. Его место на огневых позициях. Напутствует Евгения Порфирьевича Ленин. Позднее Первухин писал:

«Перед отъездом в Россию, я помню, Ильич, когда я приехал к нему прощаться, прямо задал мне вопрос:

— А сколько раз ты прочел протоколы Второго партийного съезда?

Я говорю: — Полтора раза.

— Нет,— говорит он,— этого мало. Надо раза три прочитать, потому что протоколы Второго партийного съезда целиком выявляют линию большевиков и линию меньшевиков».

В дни декабрьского вооруженного восстания в Москве Первухин — один из активнейших организаторов революционной борьбы. Затем по поручению партии жена Евгения Порфирьевича открывает в Петербурге на свое имя книжный магазин, в котором продается литература, выпускаемая большевистским издательством «Вперед». Сам он в этом книжном магазине выполняет скромную роль кассира.

Ко времени возвращения Ленина из эмиграции Евгений Порфирьевич ведет руководящую партийную работу в Выборгском районе и на Охте.

«Сказать, чтобы доктор Первухин позвонил по телефону № 59», — записано в книжечке Владимира Ильича. Указано и время звонка — около часа.

Теперь, зная, что за доктор был Первухин, нетрудно предположить: у Ленина его ожидало поручение отнюдь не медицинского свойства...

РАБОТНИК ОЧЕНЬ КРУПНЫЙ И ЦЕННЫЙ

Среди бойцов старой большевистской гвардии, встретивших Владимира Ильича на перроне Финляндского вокзала, была и Елена Федоровна *Розмирович*. Не исключена возможность, что ее имя он тоже внес в свою записную книжку одним из первых.

Елене Федоровне неоднократно приходилось приезжать к Ленину за границу и непосредственно у него получать ответственные партийные поручения.

В марте 1915 года Розмирович входила в делегацию нашей партии на Международной женской конференции. «Мы проводили линию Ильича, который нас непосредственно инструктировал, как нам держаться,— писала Надежда Константиновна Крупская в одном из документов, хранящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— Летом 1915 г. Владимир Ильич направил Елену Федоровну в Россию на работу.

Перед отъездом за границу она заезжала к нам, чтобы договориться с Ильичем о том, как вести работу».

На этот раз Елена Федоровна направлялась доверенным лицом Центрального Комитета партии в Москву. Предстояли большие трудности: перейти границу, уйти в подполье...

Человек такого революционного закала, выдержки и самообладания, как Розмирович, был вполне к этому готов. Владимир Ильич знал, что Елена Федоровна сохранит спокойствие даже в самых рискованных обстоятельствах, чувство страха ей было незнакомо.

«Все время у Ильича было хорошее очень отношение к Елене Федоровне»⁴¹,— свидетельствовала Надежда Константиновна в том же документе.

Через несколько месяцев после приезда Розмирович из-за границы в Москву на след доверенного лица Центрального Комитета партии напала царская охранка. Елену Федоровну сослали на пять лет в Сибирь. Лишь после Февральской революции она вышла на свободу и вернулась в Петроград.

Член Бюро военных организаций партии Елена Федоровна Розмирович была одним из близких помощ-

ников Ленина в первые часы и дни установления Советской власти.

...Телеграмма, отправленная Лениным четыре дня спустя после штурма Зимнего дворца, начальнику второй бригады крейсеров Балтийского флота Иванову. Владимир Ильич просит его немедленно прибыть в Петроград. Есть на этом документе пометка — поручение Ильича Елене Федоровне Розмирович: «Пошлите это через заведующего радиостанцией Центрофлота. Послано ли?»

Много волнующих страниц Октябрьской эпопеи содержит трехтомник документов Петроградского военнореволюционного комитета. Там я встретил и имя Елены Федоровны Розмирович.

...25 октября семнадцатого года военная организация при ЦК РСДРП(б) революционным путем заняла типографию черносотенной газеты «Новое время». Теперь должны были здесь печататься «Солдатская правда» и «Деревенская беднота», издаваемые военной организацией партии. Случилось так, что Петроградский военнореволюционный комитет не был еще информирован об этом обстоятельстве и передал типографию газете «Новая жизнь». Создалась угроза срыва выпуска очередных номеров «Солдатской правды» и «Деревенской бедноты» в разгар октябрьских событий. Этим и было вызвано заявление, с которым обратилась военная организация партии в Петроградский военнореволюционный комитет. Одна из подписей под этим документом принадлежит члену редакций «Солдатской правды» и «Деревенской бедноты» Е. Розмирович. Необходимые меры были приняты...

В дни подавления контрреволюционного мятежа Керенского — Краснова под Петроградом Розмирович находилась на переднем крае. Несомненно, что с оперативным заданием, выполнявшимся Еленой Федоровной, связан документ, датированный 28 октября, предписывающий экстренно выдать тов. Розмирович автомобиль.

«Свидетельствую, по опыту лично моему и ЦК 1912—13 годов, что работник это очень крупный и ценный для партии», — говорится о Розмирович во впервые опубликованной в Полном собрании сочинений В. И. Ленина записке Владимира Ильича. Там же, в

другом ленинском документе мы находим и характерный пример трогательной заботы Владимира Ильича об этом ветеране большевистской гвардии, надорвавшем свое здоровье в царских тюрьмах и ссылках. Ленин считал необходимым направить Розмирович после перенесенной ею тяжелой болезни сердца на лечение за границу вместе с другими товарищами. Но Владимир Ильич, видно, был информирован о том, что на поездку за рубеж Елена Федоровна не согласится. Ей не хотелось расставаться на продолжительное время с детьми. «Попробуйте убедить ее,— пишет Владимир Ильич А. Д. Цюрупе.— Если сочтете полезным и удобным, перешлите ей и эту записочку.

По-моему, надо бы ее арестовать и по этапу выслать в Германию в санаторий»⁴².

НАПУТСТВИЕ «СОЛДАТСКОЙ ПРАВДЕ»

Плотно заполнены ленинским почерком многие страницы записной книжки, с которой мы знакомимся. На одну только букву «С» приходится девять записей.

Одна из них связана с именем *Стасовой*. Тут значится ее домашний адрес по Фурштадтской улице в Петрограде и номера телефонов: на квартире и служебного.

Старейшая большевичка, сподвижница Ленина, Стасова после Февральской революции явилась организатором секретариата Бюро Центрального Комитета партии.

Елена Дмитриевна охотно откликнулась на нашу просьбу прокомментировать некоторые записи, содержащиеся в ленинском документе.

— Возможно, что обновил книжку Владимир Ильич сразу же по приезде в Питер,— сказала она.— Я встретила Ильича на Финляндском вокзале. Могла там сказать ему свой адрес. Первое время после приезда Ленина на моей квартире собирались члены Центрального Комитета разных созывов...

Еще одна деталь, относящаяся к первым встречам Ленина со Стасовой после возвращения Владимира Ильича из эмиграции. 15 апреля он подписал удостове-

рение, подтверждающее членство Елены Дмитриевны в партии.

На фасаде дома, где жила в то время Стасова, висит мемориальная доска. Надпись на ней сообщает, что в двадцатых числах июня 1917 года В. И. Ленин прожил здесь два-три дня.

С Еленой Дмитриевной мы еще встретимся позднее. Теперь же прочтем следующую ленинскую запись на ту же букву.

«Солдатская правда», 4-10-48 (Подвойский).

...Это произошло вскоре после приезда Ленина из эмиграции. Однажды, когда Владимир Ильич был занят в редакции «Правды» просмотром гранок очередного номера газеты, к нему явился Подвойский. Николай Ильич пришел посоветоваться по поводу намерения Военной организации при Петроградском Комитете РСДРП(б) приступить к изданию популярной солдатско-крестьянской газеты. Владимир Ильич очень обрадовался прекрасной инициативе.

— Никакое другое средство пропаганды, заметьте, не будет иметь такой действенной силы, как хорошо поставленная популярная солдатская газета! — горячо поддержал он план, изложенный Подвойским.

Стал вопрос о материальной базе газеты. Создать ее могли только сами читатели. Ленин и в этой связи высказал свои пожелания будущему печатному органу.

«Если вы станете выпускать газету для солдат — ничего не выйдет, надо, чтобы это была солдатская газета, — сказал он. При этом на слове «солдатская» Владимир Ильич сделал ударение. — Вы поняли меня? — спросил он Подвойского и сразу же добавил. — Если писать в нее будут сами солдаты, тогда и читателей своих она заинтересует...»⁴³

Таким было ленинское напутствие «Солдатской правде», первый номер которой вышел в свет уже две недели спустя после приезда Владимира Ильича из эмиграции.

Газета, несшая в солдатские массы идеи большевистской партии, гневно обличавшая виновников разбойничьей войны, сразу же завоевала сердца своих читателей. Лучшим свидетельством ее огромной популярности среди солдат являлись их письма в редакцию.

Они как раз и показывают, за что полюбилась «Солдатская правда» своим читателям, ставшая выразительницей их заветных дум и чаяний.

«Гражданин редактор,— писал Степан Мельников из штаба 442-го Кашинского пехотного полка.— Настоящим просим вас, потрудитесь посылать к нам на фронт вашу уважаемую газету «Солдатская правда», которая льет к нам в сердца массу просвещения.

Мы не хотим читать газет капиталистов, как-то газеты «Новое время», «Биржевые ведомости» и т. п. Они только разочаровывают нас».

Вместе с письмом в редакцию пришел и денежный перевод. Однополчане Мельникова подписывались на три месяца на «Солдатскую правду».

««Солдатская правда» раскрыла свои объятия для всех трудящихся и разоблачила все пороки зла и грязи капитала,— говорилось в письме солдата Давыдова.— Не имея средств помочь газете «Солдатская правда», я, солдат с фронта, жертвую тебе свой георгиевский крест. Живи, процветай, борись!»

Владимир Ильич повседневно направлял работу «Солдатской правды», на ее страницах напечатаны многие статьи и речи вождя партии.

Неоценимую услугу партии оказала газета в пропаганде решений VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). Трудно было рассчитывать на благосклонное отношение цензуры Временного правительства к таким программным документам, как резолюции конференции по национальному вопросу, о текущем моменте, «Введение к резолюциям Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б)».

Редакция «Солдатской правды» вызвалась издать эти материалы своими силами. Такое предложение и было высказано Ленину.

«Владимир Ильич нашел в нем лучшее решение насущнейшей боевой задачи партии,— рассказывал Подвойский.— Подставлять в то время «Правду» как ЦО партии под удар политически было рискованно. Найти же типографию, которая осмелилась бы выпустить резолюции отдельной брошюрой, было невозможно. Она была бы разгромлена. Поэтому-то Владимир Ильич без колебаний согласился с нами. Он обрадовался нашему предложению»⁴⁴.

Ленин был очень расположен к «Солдатской правде» и всячески помогал ей в работе.

Получив свежий номер газеты, Владимир Ильич уже через час делился своими впечатлениями о нем, высказывал свои замечания, предложения. Это делалось ежедневно. Ленин обычно указывал, что именно ему понравилось, какие статьи, заметки или отдельные места в них он считает неудачными либо неправильными, вспоминал редактор газеты Подвойский.

Нелегко и непросто было ему совмещать несколько весьма ответственных партийных должностей. Но обязанности редактора Николай Ильич нес с особым воодушевлением и своей неистощимой энергией увлекал редакционный коллектив, буквально забрасывал работников газеты животрепещущими темами, подсказывал интересные факты.

Кроме телефона в «Солдатской правде» Владимир Ильич еще записал также его номер в статистическом отделе Союза городов: 1-68-68. Нет ли своего подтекста в этом дополнении, что угадывается в нем?

Известно, что представлял собой печальной памяти Союз городов — эта крупнейшая организация городской буржуазии, ратовавшая за продолжение войны до победного конца, верой и правдой служившая Временному правительству.

И здесь служил Подвойский? Да, представьте! Нас не должно смущать и то обстоятельство, что сослуживцами Николая Ильича были такие хорошо известные в партии люди, как Савельев, Кедров, Еремеев и другие.

Тем и устраивала большевиков вывеска Союза городов, что за ней они смогли прочно обосноваться и вести большую партийную работу. После победы Февральской революции им удалось, правда неофициально, занять здесь комнату для Центрального Комитета партии.

Наведывался ли сюда Ленин? Да. Здесь в середине апреля семнадцатого года проходило конспиративное совещание Военной организации при ЦК РСДРП(б), в котором участвовал и Владимир Ильич.

Вопрос о содержании большевистской агитации среди солдат, которых Временное правительство всячески старалось восстановить против партии и ее вождя,

приобрел к тому времени первостепенное значение. Он и стоял в центре внимания собравшихся на конспиративное совещание. Глубокое впечатление оставила у них встреча с Лениным.

«Наше собрание продолжалось не больше часа, но за это время Ильич успел не только ознакомиться с настроением солдат, но и подробно проинструктировать всех нас, — вспоминал Константин Александрович Мехоношин, солдат гренадерского полка, принимавший активное участие в работе военной организации партии. — Следуя в нашей агитации советам Ленина, мы сломали лед недоверия, а затем и целиком привлекли на нашу сторону громадное большинство солдат»⁴⁵.

Работать приходилось в обстановке бешеного разгула контрреволюции. И тем не менее на Невском, 3, в статистическом отделе Союза городов Ленин появлялся почти ежедневно.

Проходить в комнату, где собирались члены Центрального Комитета партии, надо было через общее помещение отдела статистики. Обычно в проходной комнате за чаепитием среди сотрудников этого отдела разгорались яростные споры. Одни откровенно высказывали свое сочувствие большевикам, другие не скрывали своей неприязни к ним.

«Нередко проходил через этот «клуб» Владимир Ильич, которого рядовые сотрудники в лицо не знали и не узнавали, так как портреты товарища Ленина были мало распространены»⁴⁶, — вспоминал один из старых партийцев.

Однажды в разгар одной из таких дискуссий через «клуб», как обычно, прошел Ленин. Он лукаво улыбнулся и спокойно направился в комнату ЦК.

* * *

...Отдельные рабочие дни Ленина в первые годы Советской власти запечатлены в мемуарной литературе, в биографической хронике, в историко-партийных фильмах. Но посмотрите, что успел сделать Владимир Ильич 12 мая 1917 года:

побывал у рабочих Путиловского завода и выступил перед ними на многотысячном митинге с докладом о текущем моменте;

от путиловцев направился на Адмиралтейский судостроительный завод, где шел массовый митинг с участием рабочих соседних предприятий. Ленин снова на трибуне. И снова в ответ — безграничное доверие пролетариев, готовых идти за партией большевиков;

в тот же день, вернувшись с митингов, Ленин пишет письмо Инессе Арманд в Москву...

Теперь вернемся к адресной книжке, к букве «С». «Симановский (профессор)... (Был у него 12.V.1917) прийти в сентябре».

Если полистать огромный фолиант «Весь Петербург» за 1917 год, то из него можно узнать, что профессор, у которого побывал Ленин, — специалист по болезням уха, горла и носа. Выходит, 12 мая Владимир Ильич выступал на двух митингах больным. Повторно посетить профессора в сентябре его пациенту, вынужденному уйти в глубокое подполье, не удалось...

Встречается в записной книжечке Владимира Ильича и фамилия врача — специалиста по ушным болезням Катина-Ярцева. Не тот ли это Катин-Ярцев, который еще в 1895 году студентом Военно-медицинской академии примкнул к марксистскому движению и принял участие в знаменитой стачке петербургских ткачей 1896 года? Да, это был он, Виктор Николаевич Катин-Ярцев, вступивший в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», основанный Лениным.

«ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!»

Буква «С» ...«Съезд Советов» — читаем мы запись в книжечке Владимира Ильича.

...Июнь семнадцатого года. Васильевский остров в Петрограде. Здание Кадетского корпуса. Здесь проходят заседания I Всероссийского съезда Советов.

Только десятая часть делегатских мандатов принадлежит большевикам. Все остальные — меньшевикам, эсерам и их подголоскам. Зато чего стоит один из большевистских мандатов — ленинский!

С трибуны съезда разглагольствует Церетели. В его меньшевистской совести великолепно уживаются две несовместимые роли: члена исполкома Петроградского Совета и министра почт и телеграфов так

называемого коалиционного Временного правительства. Мудрено ли, что он не видит в России политической партии, которая могла бы взять власть целиком на себя.

— Есть такая партия! — бросает реплику Ленин. В своей речи на съезде Владимир Ильич наглядно показал, куда ведет соглашательство. Что изменилось от замены первого Временного правительства вторым — коалиционным с его «почти социалистическими министрами»? Ничего! Та же «война до победного конца». И те же голод, разруха.

Есть только одна партия, чья программа выражает подлинные чаяния и интересы народа. Партия, готовая в каждую минуту взять власть целиком. Это — большевики.

...Незадолго до открытия I Всероссийского съезда Советов Ленин обратил внимание на письмо одного крестьянина, которое было опубликовано в «Социал-Демократе» — газете московской организации нашей партии.

«Нужно побольше напирать на буржуазию, чтобы она лопалась по всем швам, — писал крестьянин. — Тогда война кончится. Но если не так сильно будем напирать на буржуазию, то скверно будет».

Кто натолкнул деревенского труженика на эти выводы?

«Я позволю себе свою речь закончить краткой цитатой из этого письма, выражающего, как крестьянин понял нашу программу»⁴⁷, — заявил Ленин. И под аплодисменты прочел знакомые уже нам строчки.

Живы многие люди, с которыми Ленин беседовал в кулуарах этого съезда. Делегатов Иваново-Вознесенска, Владимира, Кинешмы он навестил в их общезитии. Полчаса длилась беседа с Ильичем, а след в сердцах остался на всю жизнь.

Встречался тогда Ленин в Петрограде еще с одним делегатом I Всероссийского съезда Советов. Кто он и что о нем известно?

В записной книжке значится: «*Борьян* (Бограт) [можно и передачу Шаумяну]».

Сохранился более поздний документ, из которого видно, что Ленин знал Борьяна как члена Петроградского комитета партии в 1917 году. Владимир Ильич

указывает и на принадлежность Борьяна к большевистской партии с 1904 года. Приехал из Баку, имеет важное сообщение, писал Владимир Ильич. Прошу его принять, говорилось о Борьяне в этой записке летом 1918 года.

Каким же образом познакомился Ленин с Борьяном? Что означает пометка в записной книжке? Когда Владимир Ильич мог воспользоваться услугами Борьяна для «передачи» Степану Шаумяну, руководителю бакинского пролетариата?

Сам Борьян рассказывает в своих воспоминаниях о двух встречах с Лениным в 1917 году. Первая из них произошла в период подготовки партии к Апрельской конференции. Борьян был командирован в связи с этим в Баку и другие города Закавказья. Перед отъездом из Петрограда его принял и инструктировал Владимир Ильич.

Второй раз Борьян уехал представителем Центрального Комитета партии на Кавказ в конце июня. Ленин опять беседовал с ним перед отъездом. Но Степан Шаумян, который был делегатом I Всероссийского съезда Советов, с начала июня по 1 июля 1917 года находился в Петрограде. Остается предположить, что интересующая нас пометка о Шаумяне относится к первой встрече Ленина с Борьяном, когда Шаумяна еще не было в Питере.

Надежда Константиновна Крупская в своих воспоминаниях рассказывает, как рад был Владимир Ильич повидаться в те дни в Петрограде со Степаном Шаумяном. Запомнилась ей и прогулка с гостем из Баку по глухим улицам Петроградской стороны.

«Шаумян тогда передал Ильичу красные значки, которые его сыновья заказали ему передать Ленину,— пишет Надежда Константиновна.— Ильич улыбался».

Мне захотелось узнать: не помнит ли историю этих сувениров сын Шаумяна, Лев Степанович? Оказалось — помнит, и хорошо!

В то время нынешний заместитель главного редактора Большой Советской Энциклопедии был еще подростком. Лев Степанович рассказывает, что после Февральской революции предприимчивые бакинские дельцы выпустили два вида значков. На одном из них красовался Керенский, на другом был портрет Карла

Маркса. Какому значку отдавали предпочтение сыновья Шаумяна, догадаться нетрудно. «Передай Ленину», — попросил Лев отца перед его отъездом в Петроград и вручил ему значки с портретом основателя научного коммунизма.

— Где-то у брата сохранилось мое письмо отцу в Петроград, в котором я спрашивал, передал ли он Ленину эти значки, — говорит Лев Степанович. — Потом, когда отец вернулся в Баку, я узнал, что Ленин несколько дней носил один из наших значков.

...Не успели поезда развезти по домам делегатов I Всероссийского съезда Советов, как Временное правительство открыло огонь по рабочим и солдатам — участникам мирной демонстрации в Петрограде. За расстрелом демонстрантов — бандитский налет на «Правду», обыски, аресты.

«После июльских дней мне довелось, благодаря особенно заботливому вниманию, которым меня почтило правительство Керенского, уйти в подполье, — вспоминал этот период Владимир Ильич. — Прятал нашего брата, конечно, рабочий»⁴⁸.

СНОВА В ПОДПОЛЬЕ

...Сулимов. Эта фамилия напоминает о первой конспиративной квартире Ленина на набережной Карповки, куда в сопровождении Свердлова он пришел рано утром 5 июля семнадцатого года, преследуемый ищейками Временного правительства. Здесь Владимир Ильич написал статьи «Где власть и где контрреволюция?», «Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского», «Злословие и факты», «Близко к сути», «Новое дело Дрейфуса?», в которых гневно обличал врагов революции.

— Знаком вам этот адрес? — спрашиваю я старую большевичку Марию Леонтьевну Сулимову и показываю листок, где он записан.

— До известной степени знаком, — смеется Мария Леонтьевна.

Память у нее поразительная, и все, что связано с пребыванием в ее квартире Ленина, она помнит от первого до последнего мгновения.

Супруги Сулимовы — Сергей Николаевич и Мария Леонтьевна — имели самое непосредственное отношение к военной организации партии — военке. Мало того, хозяйка конспиративной квартиры являлась и секретарем по созыву незадолго до этого состоявшейся в Петрограде конференции фронтовых и тыловых военных организаций партии.

Находясь еще в квартире Сулимовых, Владимир Ильич получил первую информацию о набегах погромных банд Временного правительства на организации и учреждения партии. Были захвачены важные материалы, в том числе некоторые документы конференции фронтовых и тыловых организаций партии. А что если налетчики обнаружат в них фамилию хозяйки квартиры в доме № 25 по набережной Карповки? Недолго тогда придется ждать их визита!

Обеспокоенные этим обстоятельством, члены Центрального Комитета партии сочли необходимым подыскать для Владимира Ильича другое убежище. Утром 6 июля Ленин и Надежда Константиновна перебрались на квартиру рабочего В. Н. Каюрова, жившего на Выборгской стороне.

...Нет уже в живых Сергея Николаевича Сулимова, одного из замечательных представителей старой большевистской гвардии. Но Мария Леонтьевна сумела в идеальном порядке сохранить архив мужа: документы, фотоснимки, мемуары, опубликованные и неопубликованные. Читаю последнюю рукопись его воспоминаний.

Вот один из эпизодов, относящихся ко второй половине июня семнадцатого года, когда в Петрограде проходила Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций партии.

Как раз в те дни Керенский бросил лозунг о новом наступлении на фронте.

Перед работниками военной организации партии встал вопрос: где взять докладчиков, чтобы рассказать о работе конференции, разоблачить новую авантюру Временного правительства. Их ждали на заводах, фабриках да и в солдатских казармах.

Увидев Ленина, Сулимов останавливает его, просит совета. Вокруг солдаты — участники конференции — со вниманием ждут, что скажет Ленин.

— А это разве не докладчики? — указывая на солдат, говорит он. — Солдаты расскажут о войне лучше, чем кто-либо.

И действительно, кому еще была так ненавистна империалистическая бойня, как не тем, кто испил до дна ее горькую чашу в окопах!

...Разгромив 5 июля семнадцатого года редакцию «Правды» и типографию, в которой печаталась газета, Временное правительство было убеждено, что ему удалось задуть голос большевиков. Но на другой день вышел «Листок «Правды»», в котором и содержались пять ленинских статей, написанных Владимиром Ильичем в квартире Сулимовых. Как и где его удалось напечатать?

Найти ответ на этот вопрос поможет нам адрес, записанный в ленинской книжке вслед за фамилией Сулимова. Вот он: «Типография «Труд». Кавалергардская, 40.

4-8-34. 41-87 (или 77?)».

Апрель 1917 года. Масштабы печатной пропаганды партии растут не по дням, а по часам. Две ежедневные большевистские газеты в одном Питере. Не успевает с исполнением заказов партийное издательство «Прибой». Они приходят сюда со всех уголков России. Спрашивают книги и брошюры Маркса, Энгельса, Ленина, просят выслать сборники стихов и басен Демьяна Бедного. Требуют песни, зовущие в последний и решительный бой с капиталом.

Много новых подписчиков и почитателей приобрели журналы «Вопросы страхования» и «Работница». И при всем этом у партии не было еще своей собственной типографии. Создание ее стало неотложной задачей дня.

Сведущие партийные товарищи присмотрели подходящую полиграфическую базу на Кавалергардской, 40. Ее можно было приобрести у акционерного общества печатного и издательского дела «Труд». Хозяева продавали типографию за 150 тысяч рублей.

Одну половину требуемой суммы партия могла покрыть из своих средств. За другой было решено обратиться к тем, для кого правдивое большевистское слово стало насущной потребностью. И стоило бросить со страниц «Правды» клич к рабочим, солдатам, матро-

сам, как трудовые копейки буквально в несколько дней сложились в десятки тысяч рублей, которых не хватало, чтобы расплатиться с акционерами. Так партия получила свою собственную типографию.

Если вам придется перелистывать комплекты «Правды» за семнадцатый год, непременно задержите свое внимание на 65-ом номере газеты, вышедшем 7 июня (25 мая по старому стилю). Здесь вы найдете очень характерное обращение «От партийной типографии», адресованное полиграфистам.

«Начинает действовать типография Центрального Комитета нашей партии,— говорилось в этом обращении.— Нужны работники на платные должности... На службе у нашей партии должны быть только люди, преданные делу пролетариата. Предлагаем всем товарищам — наборщикам (ручным и машинным), печатникам, конторщикам и конторщицам, корректорам и т. д., желающим променять работу на службу у пролетариата, сообщить свои адреса, указывать свою профессию, специальность, размер желательного заработка по адресу: Типография ЦК РСД Партии. Кавалергардская, 40»⁴⁹.

Итак, начало июня (конец мая по старому стилю) — вот время появления у партии еще одного важнейшего опорного пункта на идеологическом участке работы. Не тогда ли его координаты появились в записной книжке Ленина?

Такая возможность не исключена. Партия перебазировала сюда печатание «Солдатской правды», разнообразной партийной литературы. Открытым по-прежнему оставался лишь вопрос о том, как печатать «Правду». Ей нужна была мощная газетная ротация.

Купить машину, представляющую собой по тому времени последнее слово техники, удастся в Финляндии.

Тут мы предоставим слово Александру Васильевичу Шотману, подоспевшему к тому времени в Петроград из Томска, где его застала Февральская революция.

«На второй или третий день по приезде в Петроград я встретился с Владимиром Ильичем в помещении нашей типографии на Кавалергардской улице,— рассказывает он.— В этой типографии в это время монтировалась ротационная типографская машина, купленная

нашей партией у Финской социал-демократической партии. Владимир Ильич интересовался монтажом этой машины и очень торопил ведавших этим делом товарищей во главе с К. М. Шведчиковым. Вспомнив, что я механик, Владимир Ильич предложил и мне заняться этим делом»⁵⁰.

Одна из комнат типографии «Труд», видимо, была специально приспособлена для встреч и совещаний руководящих партийных работников, такое впечатление, по крайней мере, осталось у Шотмана. Александр Васильевич запомнил, что в день его первого посещения типографии он увидел Ленина среди группы членов Центрального Комитета партии, которых он знал лично.

«Владимир Ильич был в хорошем настроении, много шутил и весело смеялся над шутками других,— вспоминал Шотман.— Очень весело смеялся моей шутке, когда я, дотрагиваясь до его несколько потертого пиджака, с серьезным видом сказал, что, как мне помнится, Владимир Ильич был в этом костюме на II съезде партии...»⁵¹

Теперь мы знаем, что газетная ротация для «Правды» монтировалась на глазах у Ленина. Ему нетерпелось увидеть ее в строю, на полном ходу.

Справлять бы «Правде» новоселье в партийной типографии, да тут разразились июльские события, превратившие мирный ход революции. Распоясавшиеся временщики обагрили улицы и площади Петрограда кровью участников мирной демонстрации. Типографии «Труд» предстояло принять боевое крещение...

Это в ее стенах и был напечатан легендарный «Листок «Правды»». Смертью героя пал от рук палачей Керенского за распространение газеты рабочий корреспондент поэт Иван Воинов.

Тяжелые удары обрушило Временное правительство на типографию «Труд», рассчитывая расправиться с ней раз и навсегда. Здесь действовали громылы, набившие себе руку на подобных делах. С ротацией они сняли ремни — добыча могла пойти на подошвы, машины пустили на задний ход. Зубья у шестерен были сломаны.

Подробности этой «демократической» акции Временного правительства осветила позже газета «Рабочий и солдат».

«Типография бездействует, — писала она. — Убытки колоссальные. Много десятков тысяч рабочих денег пропало. Над детищем петербургского пролетариата надругалась шайка бандитов».

«Приближался выход первого номера газеты «Пролетарий», — вспоминал о днях восстановления «Труда» Б. З. Шумяцкий. — Все работавшие в типографии и я, представлявший в своем лице походную редакцию этой газеты, хотели устроить ЦК подарок — выпустить газету не в малом формате, как выпускалась до разгрома «Правда», а в формате «большой» газеты, благо запас рулонной бумаги в типографии имелся значительный. Прибывший незадолго до этого вместе с финляндским монтером Шотман какими-то героическими усилиями и при значительной помощи рабочих петроградских машиностроительных заводов вчерне уже отремонтировал одну из наших ротаций»⁵².

Но вот, наконец, типография оправилась от тяжелых ран, нанесенных ей карателями Временного правительства. 13 августа в ее стенах был впервые отпечатан «Пролетарий». Центральный орган партии продолжал жить («Рабочий и солдат» был закрыт душителями правдивого большевистского слова).

Страницы «Пролетария» дышали неукротимым ленинским духом, непоколебимой верой в торжество грядущей социалистической революции.

Приходили ленинские материалы из Разлива и затем из Финляндии, где Ленин находился в подполье, к Марии Ильиничне Ульяновой. От нее они попадали в редакцию «Пролетария» и в типографию «Труд».

Еще одному, на этот раз последнему нападению контрреволюции детище петербургского пролетариата подверглось в часы предсмертной агонии Временного правительства. Это произошло рано утром 24 октября.

Печатался «Рабочий путь» — центральный орган нашей партии. Часть тиража была уже готова. В этот момент отряд юнкеров ворвался в типографию. Разговор был коротким: командующий Петроградским военным округом предписал закрыть газеты «Рабочий путь», «Солдат» и типографию «Труд», в которой они печатаются. Вот распоряжение...

Да, мандат был составлен по всем правилам. Но дежурный редактор заявил, что признает только приказы

военно-революционного комитета. Его дружно поддерживали и рабочие.

Приостановить печатание «Рабочего пути» при- служникам буржуазии удалось лишь грубой силой. Они испортили стереотипы, изрубили матрицы. На из- готовленную часть тиража газеты был наложен арест. Помещение типографии опечатали и у входа в нее вы- ставили охрану.

Центральный Комитет партии собрался на экстрен- ное заседание. «Немедленно же отправить в типогра- фию охрану и озаботиться своевременным выпуском очередного № газеты»⁵³ — гласило принятое решение. Проведение его в жизнь было возложено на военно-ре- волюционный комитет.

И вот уже на Кавалергардскую, 40 следуют солдаты Литовского полка. Они гонят прочь стражников Вре- менного правительства. Типография «Труд» вновь от- крыта. Печатание «Рабочего пути» продолжается.

ЛЕНИНСКАЯ ДАЛЬНОВИДНОСТЬ

Нам уже приходилось, рассказы- вая о людях, упоминаемых в записной книжке Ленина, называть и *М. А. Савельева*. Это был один из старей- ших партийных литераторов: редактировал журнал «Просвещение», входил в состав редакции «Прав- ды». Ленин высоко ценил деятельность этого прав- диста.

Кроме «позывных» Савельева в Союзе городов в за- писной книжке можно найти и его домашний адрес. Максимилиан Александрович мог понадобиться Ленину и во внеурочные часы. Да и жили они в одном районе — на Петроградской стороне. Случалось и возвращаться домой вместе...

«Я помню, что уже очень скоро после приезда Владимира Ильича обстановка так накалилась, стра- сти политические настолько разгорались, что мы стали бояться всякого рода эксцессов и никогда не отпускали Владимира Ильича одного, — вспоминал Савельев. — Помню, как мне пришлось один раз — он засиделся очень поздно в «Правде» — провожать его на Петро-

градскую сторону, на Широкую улицу. Ехать пришлось трамваем».

Во второй половине мая Ленин отправил письмо одному из членов Заграничного бюро ЦК РСДРП(б) в Стокгольм. «Извините, что пишу редко: некогда чертовски»⁵⁴, — писал Владимир Ильич.

Колоссальная нагрузка, которую нес вождь партии, начала резко сказываться на состоянии его здоровья. «По болезни я не мог следить последние дни за телеграммами... — писал он тому же адресату в середине июня. — Извините за краткость: болен»⁵⁵.

Уступая настояниям близких и товарищей, тревожившихся за состояние его здоровья, Владимир Ильич согласился наконец провести несколько дней на лоне природы. Но отдых был непродолжительным.

«В июльские дни меня послали за Владимиром Ильичем, который страшно переутомился и на несколько дней поехал на станцию Райвола по Финляндской дороге, где была дача Бонч-Бруевича, — вспоминал М. А. Савельев. — Во втором часу ночи я поехал туда. Пока добрался, было утро.

Разбудил Ильича. Помню, как он встрепнулся, как он затем забеспокоился, что без него могут сделать какие-нибудь неверные шаги. Помню, в семь утра мы уже двинулись обратно, в Петроград».

Самым тесным образом был связан Савельев с Лениным и в решающие моменты социалистической революции.

«В Октябре сказалась дальновидность Владимира Ильича, его умение смотреть вглубь, в корень, предугадать чуть ли не на месяц, на два вперед, как будут развиваться события, и давать гениальные директивы, — подчеркивал Савельев. — Владимир Ильич убедил и сплотил всю ленинскую гвардию, добился единодушия и в угрожающих внешних условиях сумел повести партию в самый ответственный момент по правильному пути»⁵⁶.

Прямое отношение Савельев имел и к организации штаба по руководству народным хозяйством, который создавался по предложению петроградских фабзавкомов.

«Сим удостоверяется, что товарищ Максимилиан Александрович Савельев уполномочивается вести ра-

боты по организации Высшего экономического совещания и потому имеет право на получение из всех учреждений, как общественных, так и правительственных, справок, материалов и документов по вопросам народного хозяйства и мер к его организации», — говорится в удостоверении, подписанном Лениным 11 ноября 1917 года.

Позднее на базе новой организации был создан Высший Совет Народного Хозяйства.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Партия не знала недостатка в людях, готовых даже ценой собственной жизни уберечь Ленина, спасти от расправы, которую готовило ему Временное правительство. Самым верным, самым надежным из них поручила она укрыть Владимира Ильича в глубоком подполье.

В ленинской записной книжке есть имена тех, кто активно участвовал в этом деле.

Среди них Николай Гурьевич *Полетаев*, бывший член большевистской фракции III Государственной думы. Он встречался с Лениным еще в начале 1912 года в Лейпциге, вернулся в Петроград с его исчерпывающими указаниями о постановке ежедневной легальной массовой газеты партии и стал первым издателем «Правды».

С выходом «Правды» ее предшественница «Звезда» стала называться «Невской Звездой», сделалась, так сказать, «большой сестрой» новорожденной газеты. Полетаев отечески опекал родных «сестер». Потом «Невская Звезда» прекратила свое существование. Как-то остыло сердце Полетаева и к «Правде».

«...Скажу, что Ваше отсутствие очень и очень горестно, — писал Ленин Полетаеву в феврале 1913 года. — Не скрою от Вас, что постановку этого дела Вами я считаю исторической заслугой, а закрытие Вами «большой сестры» и Ваше «полуотсутствие» летом считаю великой ошибкой»⁵⁷.

Упрек Ленина Полетаев воспринял правильно и с новой энергией принялся за работу.

Сын Полетаева — Михаил Николаевич, инженер-энергетик — живет в Москве. От него я узнал неко-

торые подробности, связанные с квартирой его покойного отца, адрес которой записал Ленин.

Был Владимир Ильич у Полетаевых по меньшей мере дважды. Впервые это произошло вечером 9 мая 1917 года. Справляли день рождения главы семьи. Стол был накрыт по-праздничному. Хозяйка дома, Анастасия Степановна, по такому торжественному случаю блеснула своим кулинарным мастерством.

Владимир Ильич, неимоверно усталый, забежал ненадолго.

— Ох, какая же у вас тут роскошная жизнь идет, — присев к столу, сказал он. — Даже не поверишь, что война... Мы и в Швейцарии такого не видели.

Михаил Николаевич отчетливо запомнил, что голос у Владимира Ильича в тот вечер был хриплый. И не удивительно: после Апрельской конференции Ленину приходилось часто выступать на собраниях и митингах.

...Шло время. 5 июля Владимиру Ильичу, преследуемому целой сворой ищеек Керенского, пришлось покинуть квартиру сестры и уйти в подполье. Утром следующего дня Полетаев отправил сына по неотложному делу к Николаю Ильичу Подвойскому. Юноша вернулся с сообщением, что вечером Ленин переберется к Полетаевым. Потянулись часы напряженного ожидания.

Сумерки уже окутали город, когда у дома № 33 по Мытнинской остановилась машина. Из нее вышел Ленин.

Вечер он провел в оживленном разговоре с Николаем Гурьевичем. За чаем шутил, высмеивал борзописцев из продажных газет, объявивших большевиков германскими шпионами.

— Я жадно прислушивался, — рассказывает Михаил Николаевич. — Но отец не любил, чтобы ребята крутились рядом. «Ты, Миша, ступай. Когда нужно будет, я позову», — сказал он.

Утром Миша действительно понадобился. Владимир Ильич попросил его сбегать за свежими газетами — купить все, какие только есть.

Квартира Полетаевых не была достаточно хорошо изолирована. Более безопасной оказалась квартира Аллилуевых на 10-й Рождественской улице. Туда и пере-

ехал Ленин тем же утром 7 июля. Михаил Полетаев и здесь оставался «связным» Владимира Ильича.

Поручения доставались ему различные. Но особенно интересовало Ленина, что происходит на улицах Петрограда, взбудораженного последними событиями, как воспринимает народ антибольшевистскую авантюру господ керенских.

— Молодой товарищ, походите, послушайте, что толкует публика, — просил Владимир Ильич.

И едва Михаил возвращался из города, как Владимир Ильич буквально забрасывал его вопросами. Расспрашивал он самым доскональным образом. Когда Миша рассказывал о тех, кто не верил гнусной клевете на Ленина, Ильич выяснял, каков их внешний облик, одежда.

— Это рабочие, — удовлетворенно констатировал он и просил: — Еще походите, вы такой ловкий парень... Вы просто слушайте, что говорят, но ни в какие комментарии не вдавайтесь.

...Следующий этап ленинского подполья — Разлив. Николай Александрович Емельянов, рабочий Сестрорецкого завода, прячет Ильича сначала на чердаке сарая в своем дворе, потом находит более безопасное место — шалаш на болотистых лугах, вблизи озера. Из Разлива Ленин не только идейно, но и организационно руководил подготовкой к VI съезду РСДРП(б) и работой съезда.

Но пришло время, когда Владимиру Ильичу надо было опять — уже в который раз! — менять свою «квартиру». Было решено, что на время Ленину следует перебраться в Финляндию. Кому же партия доверила эту исключительно сложную и опасную экспедицию? И тут мы опять заглянем в алфавитную книжку Владимира Ильича.

Шотман Александр Васильевич...

ИЗ РАЗЛИВА — В ГЕЛЬСИНГФОРС

Вряд ли кто-либо мог его охарактеризовать лучше и лаконичнее, чем это сделал сам Ленин. «Податель — тов. Шотман, старый партийный товарищ, лично мне превосходно известный и заслужи-

вающий абсолютного доверия», — писал Владимир Ильич спустя несколько месяцев после установления Советской власти. Очень характерен ленинский постскрипtum: «Это письмо должно служить пропуском товарищу Шотману».

Он был одним из участников славной Обуховской обороны 1901 года. Когда обуховцы, собравшиеся на заводском дворе, выдвинули требование убрать с предприятия одного из наиболее глумившихся над ними мастеров, помощник начальника заявил:

— Вы скоро, пожалуй, потребуете увольнения и министров.

— Не только министров, но и самого царя потребуем уволить, — услышался в ответ голос Шотмана, громкий, смелый, уверенный.

Прежде чем продолжить рассказ о товарище, которого так высоко ценил Ленин, познакомимся еще с одним старым партийцем, чье имя тоже названо в записной книжке. Дело, порученное партией, тесно связало их.

«Лещенко Дм. Ил.», — записывает Владимир Ильич и добавляет адрес: «Лахтинская улица» — и номер домашнего телефона.

Д. И. Лещенко посвящено несколько строк в воспоминаниях Н. К. Крупской. Надежда Константиновна называет его старым партийным товарищем, рассказывает, что он был секретарем большевистских газет в годы первой русской революции. На квартире Лещенко Ленину приходилось трудиться над подготовкой отдельных номеров газет «Волна», «Вперед», «Эхо», совещаться с партийными журналистами.

Хозяин квартиры Дмитрий Ильич располагал солидной библиотекой. Особое пристрастие питал он к книгам, рассказывающим о выдающихся мастерах кисти многих стран мира. Заинтересовался ими и Ленин.

«Какая увлекательная область история искусства, — сказал Владимир Ильич Луначарскому, находясь под свежим впечатлением от библиотеки Лещенко. — Сколько здесь работы для марксиста. Вчера до утра не мог заснуть, все рассматривал одну книгу за другой. И досадно мне стало, что у меня не было и не будет времени заняться искусством»⁵⁸.

Ограничимся пока этими беглыми деталями, относящимися к знакомству Ленина с Дмитрием Ильичем Лещенко, и вернемся к адресу Шотмана в алфавите Ленина. Рядом с этим адресом Владимир Ильич сделал пометку: «до 3.VII». Пометка объясняется, видимо, тем, что позже Шотман по командировке Центрального Комитета партии уехал в Гельсингфорс, чтобы ознакомить моряков с политической обстановкой в Петрограде.

Когда Александр Васильевич вернулся обратно, ему сразу пришлось заняться приготовлениями к переезду Ленина из Разлива в Финляндию.

Из нескольких предложенных вариантов остановиться надо было на одном, предварительно проверив тщательной разведкой его надежность. Благодаря находчивости Николая Александровича Емельянова Ленин получил паспорт на имя рабочего Сестрорецкого завода Константина Петровича Иванова. Понадобился парик. Купить его у парикмахеров, запуганных охранкой, без документа было нельзя. Но Шотман нашелся. Он обзавелся нужной бумагой в театральном кружке финских железнодорожников с Выборгской стороны и в парикмахерской на Бассейной улице достал сразу два парика. Узнать Ленина, после того как он надел парик, сбрил усы и бороду, могли с трудом даже те, кто был посвящен в тайну этого перевоплощения. Теперь дело было, казалось, за небольшим: в паспорте Константина Петровича Иванова не хватало фотокарточки.

На Выборгской стороне работал в те дни VI съезд партии. Дмитрий Ильич Лещенко был одним из секретарей съезда. Перед началом одного вечернего заседания к нему подошел Шотман.

— Вы можете сейчас же поехать и снять Владимира Ильича? — спросил Александр Васильевич.

— Конечно, могу, надо только захватить аппарат. Но ведь скоро стемнеет! А куда надо ехать?

— По направлению к Сестрорецку. Поедем вместе.

И вот поздно вечером, услышав вблизи шалаша шаги, Владимир Ильич выходит навстречу приближающимся людям. Один из них — сын Емельянова, другой — Дмитрий Ильич Лещенко.

— Уж вы извините, пожалуйста, что у нас нет никаких культурных приспособлений для сидения, вроде

стульев, — пошутил Владимир Ильич, радушно встречая старого товарища.

Не ложились всю ночь. Лещенко рассказал Ленину, как за несколько дней до этой встречи к нему на квартиру ночью нагрянули молодчики Керенского. Арестовали его «жилца» — Луначарского, учинили обыск, напомилавший скорее погром.

...Чуть забрезжил рассвет, Владимир Ильич стал торопить Лещенко с фотосъемкой и отъездом. Приспособиться Дмитрию Ильичу удалось не сразу. Вокруг не было даже камня. Найти удобную позицию помог фотографу сам Владимир Ильич.

— Если я стану на колени, мое лицо будет находиться как раз на уровне с объективом, — сказал он Лещенко.

А вскоре появилась на свет та фотокарточка, которой не хватало в паспорте Константина Петровича Иванова...

Шотман — главный организатор переезда Ленина из Разлива в Финляндию — смог головой поручиться за благополучный исход всего предприятия, как только ему пришла счастливая мысль опереться на Эйно Рахью. Что же собой представлял первый помощник Шотмана?

«Настоящим удостоверяю, что податель сего, товарищ Эйно Рахья, лично мне давно известен и заслуживает, как старый, надежнейший партийный товарищ, *полнейшего доверия*», — говорится в документе, подписанном Председателем Совета Народных Комиссаров летом восемнадцатого года. Имя этого «старого, надежного партийного товарища» тоже имеется в записной книжке.

Какие же события, обстоятельства особенно сблизили их — вождя революции и одного из бойцов партийной гвардии?

Впервые Эйно Рахья увидел Ленина в 1905 году, на I конференции РСДРП в Таммерфорсе.

После Февральской революции он стал помощником начальника финской красной милиции в Петрограде. Радиусом ее действий был район Финляндского вокзала. Здесь и застала Эйно Рахью весть о предстоящем приезде Ленина.

«За некоторое время до прихода поезда с Ильичем

нам дали знать, чтобы мы со своей милицией приняли необходимые меры к охране нашего вождя от возможных на него политических покушений,— вспоминал он.— Конечно, мы сделали все, что надо было сделать, но нашу заботливость во много раз перекрыл петроградский пролетариат»⁵⁹.

Однажды — это было недели две спустя после возвращения Владимира Ильича на родину — Эйно Рахья узнал, что контрреволюционная свора идет черносотенным походом на типографию «Правды». «Я,— пишет он,— тотчас же приказал своим ребятам забрать винтовки, насыпать в карманы патронов, и мы бегом помчались через Литейный мост в Волынский переулок, где помещалась редакция «Правды»».

Рабочие типографии, успевшие уже узнать о диверсии, к которой готовятся громилы, обрадовались появлению красногвардейцев. Командир отряда выставил надежные прикрытия, а группу бойцов послал в разведку на соседние улицы. Затем Эйно стал обходить здание типографии. Его внимание привлекла ротационная машина, которая то и дело останавливалась.

Рахья подошел к печатнику, поинтересовался причинами перебоев. Тот сослался на поломку болта. А почему бы его не сменить? Где там! Пришлось бы, дескать, провозиться до самого утра.

Рахья сбросил пальто, взял инструмент, сменил болт, и ротационка заработала.

Через некоторое время ему сообщили о новой поломке машины. «Я,— вспоминает Рахья,— опять спустился к машинисту и опять спрашиваю: «В чем дело?» — «Смазки,— говорит,— нет, поэтому надо машину остудить». У меня в кармане был револьвер «кольт». Я его вынул, подошел к саботажнику и говорю: «Я вот тебя смажу этой штукой, так у тебя живо машина пойдет». Старик побледнел, засуетился и ротационка загудела... «Смотри,— говорю,— чтобы машина не останавливалась, не то я приду и тогда уж обязательно «смажу»». После этого все пошло, как по маслу».

«...Утром в редакцию пришел Владимир Ильич и любопытствовал, сколько в эту ночь вышло экземпляров газеты,— вспоминал Эйно Рахья.— Ему ответили, что 6 тысяч, но что, мол, печатанье еще продолжается.

«Как же это так? Почему до сих пор печатали 500—600 экземпляров в ночь, а теперь сразу прыгнули до 6 тысяч?» Кто-то ответил ему, что машина потому сейчас так хорошо работает, что ее «смазал» Рахья. И тут же рассказали, как я «разговаривал» с машинистом. Владимир Ильич засмеялся — остался очень доволен. «Такие смазчики, — говорил он, — нам нужны, при них работа уж наверное хорошо пойдет...»

Вот какого рода партнера подобрал себе Шотман для осуществления нелегального переезда Ленина из Разлива в Финляндию...

В поисках наиболее безопасного пути для переезда Ленина из Разлива в Финляндию Шотман и Рахья решили «пощупать» границу. Им как финским гражданам удалось выхлопотать себе в генеральном штабе Керенского специальные разрешения для беспрепятственного перехода границы «туда и обратно». Но, столкнувшись лицом к лицу с пограничниками, Шотман и Рахья пришли к выводу, что их не проведешь. Тогда и родилась идея, которую в конечном счете удалось осуществить: от шалаша Владимир Ильич, сопровождаемый товарищами, вначале доберется до квартиры рабочего завода «Айваз» Эмиля Георгиевича Кальске, переночует здесь, а на следующий вечер, когда состав, идущий в Финляндию, придет на станцию Удельная, Владимир Ильич поднимется в будку паровоза как кочегар и таким образом пересечет границу.

Близ станции Териоки ему подготовили первое надежное убежище.

...Летом по субботам Эйно Рахья вместе с женой Лидией Петровной Парвиейнен обычно уезжал на весь воскресный день погостить к ее родителям в финскую деревушку Ялкала, расположенную в нескольких километрах от станции Териоки.

— Лида, поговори с родителями, — попросил Шотман в одну из таких суббот, — мог бы Ильич побыть несколько дней у них?

Петр Федорович Парвиейнен сразу согласился.

— А нельзя ли ему отдельную комнату? — уточнила Лидия Петровна. — Ведь он писатель. Будет много писать.

— Поместим в пристройке. Отнесем туда стол, стул, кровать. Пусть пишет сколько ему надо...

Такого ответа и ожидали с нетерпением в Петрограде Эйно Рахья и Александр Шотман.

Нерешенным оставался лишь один вопрос. Эмиль Георгиевич Кальске работал в ночной смене. Жена его была прикована туберкулезом к постели. Кто же открывает Ленину двери? Задерживаться на площадке ему нельзя ни минуты: рядом еще две квартиры.

Выход из положения был найден и здесь. Эмиль Георгиевич и Петр Федорович Парвиайнен были двоюродными братьями. Раньше и отец Лидии Петровны работал литейщиком на том же заводе «Айваз». Лидии Петровне вполне удобно было несколько дней побыть у родственников. Ей и было поручено дежурство в квартире Кальске. Точного дня и часа, когда придет Ильич, ей никто назвать не мог.

...Он явился лишь на третью ночь тревожного и беспокойного ожидания. Все, казалось, было предусмотрено, обговорено, учтено. И все-таки в пути не обошлось без происшествий и тревожных волнений. Юнкерский патруль остановил Емельянова и стал проверять у него документы. Ленин и Рахья спрятались в придорожных кустах. Емельянов отвлек патруль на себя — юнкера задержали его и увели. К Кальске Ленин добрался вдвоем с Рахьей. Шотману удалось попасть в дом Кальске только в три часа ночи.

Выглядел Владимир Ильич очень усталым. Ботинки его насквозь промокли в топях и болотах.

— Константин Петрович, раздевайтесь, я дам вам чистые носки и туфли хозяина, — предложила Лидия Петровна.

Он согласился. От приготовленной же постели Ленин категорически отказался:

— Ни в коем случае.

Он попросил постелить ему на полу газеты. Не удалось убедить его воспользоваться и подушкой. В изголовье ему положили журналы. Рядом с Лениным расположился и Эйно Рахья.

...Благополучно доехав на паровозе до станции Териоки, Владимир Ильич вышел и в сопровождении своих верных друзей направился туда, где ждали «писателя Константина Петровича из Петрограда».

Вдова Эйно Рахьи и ныне живет в Ленинграде. Мне удалось повидаться с ней и узнать любопытные

подробности, относящиеся к тем дням, когда Владимир Ильич гостил в доме Парвизайненов. Держал он себя и здесь с первых минут просто и непосредственно.

Петр Федорович Парвизайнен расспрашивал «писателя из Петрограда», как теперь там живут рабочие.

— Работать очень трудно... Им достается,— ответил гость.

Чем оживленнее становилась беседа и чем пристальнее всматривался в черты лица собеседника Петр Федорович, тем больше убеждался в своей догадке.

— А я ведь знаю, кто вы,— неожиданно сказал он.— Вы Ленин. Но вы не беспокойтесь, здесь никто вас не найдет. Вы — Константин Петрович Иванов.

Владимир Ильич продолжал работу над книгой «Государство и революция». А отдыха после бессонной ночи он искал в физическом труде.

— Мне нужно выпрямиться... Ведь еще много надо писать,— объяснил он.

Наступила пора осенней пахоты. Распахивал клочок своей земли вблизи дома и отец Лидии Петровны. Уступая просьбе Владимира Ильича, он как-то дал ему пройти одну борозду.

Лидия Петровна и сегодня ясно видит перед собой эту картину. Владимир Ильич идет за сохой, которую волочит лошадь. Соха то глубоко врезается в землю, то делает зигзаги. И заправского пахаря прошибет пот от такой дьявольской работы! А ведь Владимир Ильич к тому же еще в парике и кепке. Он не может освободиться от этого «наряда», даже когда идет купаться на озеро Красавица. Ему и плавать приходится в парике и кепке...

— Вот видите, вы устали,— говорит Ильичу Петр Федорович, когда они встречаются дома после пахоты.

— А вы знаете, у нас так не будет,— отвечает ему Ленин.— У нас будут только машины, только техника.

...Лидия Петровна отвозит Надежде Константиновне в Петроград письма Ленина, записки, доставляет ему из Питера почту.

Приближается время отъезда Владимира Ильича в столицу Финляндии. Приехать за ним должны люди, подобранные Шотманом в Гельсингфорсе.

И вот однажды Лидия Петровна возвращается домой из очередной командировки в Петроград. Во дворе

ее встречает незнакомый человек с усами и бородой, в золотых очках и синей фетровой шляпе. И вдруг он здоровается с Лидией Петровной. Какой знакомый голос!

— Константин Петрович, это вы?! А я вас совсем не узнала.

— Вот и хорошо... Значит, я могу ехать поездом.

— Да, можете, но вам нельзя разговаривать...

— Да, знаю,— досадливо отвечает Ильич,— мне никогда не дают разговаривать.

Перед тем как покинуть Ялкала, Ленин попросил Лидию Петровну передать Надежде Константиновне от начала до конца исписанную простую школьную тетрадь в клетку.

— Константин Петрович, мне свернуть ее в трубочку или положить в газету?

— Вы же учащаяся. Вот у вас книжка, в книжку кладите тетрадку, записку. Никаких подозрений не будет...

Тетрадь Ленина, переданная Лидией Петровной в Петрограде Крупской, содержала очередные главы «Государства и революции».

А как же удалось Владимиру Ильичу благополучно перебраться из дома родителей Лидии Петровны в Гельсингфорс? Помогли два финских товарища, специально посланные Шотманом. Оба они были актерами-любителями Народного дома в Гельсингфорсе.

Кто бы полнее их мог передать эпизод, в котором так ярко отразились огромная сила воли, выдержка и величие духа Ленина! Однако их воспоминания нигде не публиковались. Неужели же эти финские товарищи никогда ими не делились?

Оказывается, делились. В народном архиве Хельсинкского дома культуры обнаружен очень любопытный документ. Финские друзья прислали Лидии Петровне его копию. Это — рукопись, принадлежащая перу Каарло Куусела, одного из актеров-любителей, которым было доверено «переселение» Ленина из деревушки вблизи Териоки в столицу Финляндии.

Автор мемуаров подробно описывает первую встречу с Лениным в доме родителей Лидии Петровны Парвиайнен.

«— Я не знаю, кто вы, и вы не называйтесь,— обра-

тился Каарло Куусела к Владимиру Ильичу.— Для нашего общего дела лучше, чтобы я не знал вашего имени. Но тем не менее я ваш друг, и я сделаю все, чтобы выручить вас и увести в надежное место. Разрешите представиться...»

Куусела рассказывает о том, что новый знакомый сразу ему понравился. Из откровенного разговора Каарло узнал и о том, что составляло главную цель жизни его собеседника. «Какой удивительный человек,— пишет Куусела.— И этого человека буржуазные газеты обвиняют в том, что он немецкий шпион!..»

Отъезд назначили на вечер. Задержка была за Лидией Петровной, которая должна была привезти из Петрограда деньги на дорогу.

«За время ожидания мы изготовили грим, который удался настолько хорошо, что Ленин смеялся до упаду над своим новым обликом»,— вспоминает Каарло Куусела.

...Было уже довольно поздно, когда в причаленную к берегу озера лодку спрыгнули трое мужчин. Переправившись на другую сторону, они в энергичном темпе зашагали по пыльной дороге к станции Териоки. Пройти предстояло девять километров, и они добрались до станции как раз к тому моменту, когда подошел скорый поезд. В вагон уже на ходу вскочили два пассажира. Один из них — Ленин. Другой — Каарло Куусела. А третий? К нему мы еще вернемся.

Владимир Ильич устраивается на верхней полке вагона.

...Шестой час утра. Куусела умывается, приводит себя в порядок и будит Ленина. Владимир Ильич сразу же подымается. Каарло взглядывает на него и... приходит в ужас. За ночь грим расползся. Следы его были заметны на подбородке и шее. Борода местами отклеилась.

Что делать? Кое-как поправить грим еще можно было. А как вернуть более или менее приличный вид бороде?! Пузырек с клеем оставался у партнера Каарло Куусела. Успел ли тот сесть в поезд — неизвестно.

— Единственный выход вовсе снять грим,— предложил Каарло.

— Но тогда меня узнают,— возразил Ильич.

— В Петрограде — возможно, но не здесь. Мы ведь

далеко, в Финляндии. Кроме того, увидеть Ленина вместе с Куусела — это совершенно невероятно! Никто не поверит. Могут предположить, что вы кто-нибудь из наших старых артистов.

— А вы считаете, что я сойду за артиста? — усомнился Владимир Ильич.

— Я убежден!

Ни о вазелине, ни о теплой воде в вагоне нечего было и думать. К тому же поезд уже приближался к станции Лахти, где Владимир Ильич должен был выйти, прежде чем продолжить путь до Гельсингфорса.

Нетрудно вообразить, что представляла собой операция снятия грима, которой пришлось подвергнуть себя Владимиру Ильичу!

Но вот наконец и Лахти. Из вагона выходят Ленин и его попутчик. Они прогуливаются по платформе. Каарло Куусела передает Владимиру Ильичу свое пальто.

— Подержи-ка это, Костя, а я пойду посмотрю, приехал ли Густав, — обращается он к Ленину по-фински.

Владимир Ильич одобрительно кивает, делая вид, что понял фразу, — так было условлено заранее.

И вот у последнего вагона поезда показывается Густав.

Теперь все трое вместе. Из Лахти Каарло Куусела звонит кому-то в Гельсингфорс, докладывает, что все обошлось благополучно, и просит дальнейших инструкций.

— Кому вы телефонировали? — интересуется Ленин.

— Полицмейстеру.

Владимир Ильич принял это за шутку, хотя момент для шуток был явно неподходящий. Но Куусела и не думал шутить. О предстоящем приезде Ленина в Гельсингфорс действительно заранее поставили в известность полицмейстера. Причем сделал это не кто иной, как Александр Васильевич Шотман. Больше того! Было решено, что и жить Владимир Ильич будет в квартире начальника полиции...

Дело в том, что большинство голосов на коммунальных выборах при буржуазном правительстве получили социал-демократы, и обязанности полицмейстера были

возложены на Густава Ровио, в прошлом петербургского рабочего, близкого друга Шотмана. Александр Васильевич мог за него поручиться, как за самого себя. Вот каков был шеф гельсингфорсской полиции!..

В Гельсингфорсе Владимир Ильич завершил «Государство и революцию». Затем он перебирается поближе к Петрограду — в Выборг и ждет не дождется момента, когда Центральный Комитет партии разрешит ему вернуться в Питер...

Но вот наконец приезжает специально посланный за ним человек. Кто?

Эйно Рахья.

В путь, в дорогу! На этот раз Владимир Ильич принимает облик лютеранского пастора и в сопровождении Рахьи добирается поездом до станции Райвола. Тут «пастор» поднимается в будку паровоза, вновь становится кочегаром и встречается со своим старым напарником — машинистом Гуго Ялавой. Поезд трогается.

Через два часа Ленин в Петрограде.

...Далеко за полночь расходились по домам участники исторического заседания Центрального Комитета партии, на котором было принято решение начать в ближайшие дни вооруженное восстание. Шел сильный дождь. Ленин намеревался вернуться на свою конспиративную квартиру, но Эйно Рахья уговорил его провести остаток ночи у него дома.

Лидия Петровна рассказывает, что и на этот раз, боясь причинить кому-либо малейшие неудобства, Ильич наотрез отказался от постели.

Утром брат Лидии Петровны, Володя, собирался на работу на завод «Арсенал». Вместе с ним вышли на улицу и влились в массу рабочих, торопившихся на свои заводы и фабрики, Ильич и Эйно Рахья.

Плащ Дзержинского, в котором пришел Ленин, остался у Лидии Петровны.

Поздно вечером 24 октября Владимир Ильич покинул свою последнюю конспиративную квартиру на Выборгской стороне. «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич», — гласила записка, оставленная Лениным хозяйке квартиры Маргарите Васильевне Фофановой. Сопровождал Ленина в Смольный опять Эйно Рахья, не раз бывавший у него и на квартире Фофановой.

В книжечке Владимира Ильича против фамилии *Рахья* помечено: «(ж.-д. телефон: 41) (через централь Финляндской ж. д.)».

Какое отношение имел Рахья к железной дороге? А вот какое. На третий день после Октябрьского переворота Ленин беседовал с Рахьей и назначил его комиссаром Финляндской железной дороги. Уж кто-кто, а человек, переправлявший Ленина в Финляндию и провожавший его обратно из Выборга в Петроград, отлично знал эту магистраль!

Между тем ставленники Керенского на Финляндской железной дороге не собирались покидать насиженных мест. Вот почему только что назначенный Советским правительством комиссар явился к месту своего назначения не один, а, так сказать, с «сопровождающими лицами». Ими были красногвардейцы, которых выборжцы вооружили ружьями.

Войдя в кабинет комиссара Временного правительства на Финляндской железной дороге, Эйно Рахья предъявил ему свой мандат.

Все дальнейшее мало чем походило на обычную процедуру передачи дел.

«Ну,— говорю,— твое дело швах, конечно,— не без юмора рассказывал Эйно Рахья.— Уступай мне свое место. Он было на дыбки, а я в ответ только показал ему через окно на свою «реальную силу». Он встал и вышел из-за стола в одну сторону, а я кругом стола зашел с другой стороны, сел в кресло и говорю: «Что вам надо, гражданин?» Если вы недовольны, можете обжаловать свое дело. Он взял портфель и смылся, а я остался комиссарствовать»⁶⁰.

Звонил ли Ленин по телефону комиссара Финляндской железной дороги, записанному в его книжечке? Да, приходилось.

«Однажды меня вызвал к телефону Владимир Ильич и срочно потребовал к себе,— вспоминал Эйно Рахья.— У меня была верховая лошадь, на которой я скоро и доехал до Смольного».

Владимир Ильич поинтересовался у комиссара Финляндской железной дороги, каким количеством вооруженных людей он располагает. Эйно Рахья ответил, что их насчитывается до ста пятидесяти. И за всех он готов поручиться.

Владимир Ильич предупредил комиссара, что красногвардейцы, находящиеся в его подчинении, могут понадобиться для охраны Смольного...

Позже Эйно Рахья стал комиссаром финской Красной гвардии.

РАБОЧИЙ ПАРЛАМЕНТ

На одной из страниц ленинской адресной книжки упоминается Бюро Центрального совета фабрично-заводских комитетов. Указан номер телефона. Есть и адрес: Фурштатская, 40.

Каково происхождение этой записи? Нельзя ли хотя бы примерно определить время, к которому она относится? Тогда, быть может, перед нами приоткроется еще одно маленькое окошечко в далекий семнадцатый год.

Сергей Герасимович Уралов, член КПСС с 1914 года, рассказывает, что путевку партии на работу в Центральный Совет фабрично-заводских комитетов он получил в конце июля семнадцатого года. Помещался тогда Совет в Смольном. Там же, в штабе Великого Октября, находился центр фабрично-заводских комитетов и в дни штурма Зимнего дворца.

— А, фабзавкомы! — встретив Уралова, приветствовал его Подвойский. — Вот и отлично. Для вас тоже есть дело...

И Сергей Герасимович был назначен комиссаром военно-революционного комитета, уполномоченным для занятия типографии газеты «Русская воля».

Откроем книгу Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир».

На одной из ее страниц говорится о рабочих и солдатских организациях, расположившихся в многочисленных помещениях Смольного (раньше здесь был знаменитый монастырь — институт для дочерей русской знати). Опекала его сама царица.

Рассказывая о новых хозяевах Смольного, Джон Рид как бы читает вслух надписи на дверях революционных учреждений.

...Центральный совет всероссийских профессиональных союзов... Фабрично-заводские комитеты...

Джон Рид был свидетелем того, как в Смольном

Центральный совет фабрично-заводских комитетов вооружал петроградских рабочих — участников битвы за власть Советов.

«Он подписывал ордера на казенный арсенал — по полтора ста винтовок каждому заводу... — пишет Джон Рид об одном из работников Центрального совета фабзавкомов. — Перед ним выстроились в очередь сорок делегатов»⁶¹.

Как видим, и в эту страдную пору истории Центральный совет фабрично-заводских комитетов помещается в Смольном. Там же застают его и события Великой Октябрьской социалистической революции.

Но тогда возникает вопрос: когда же он находился на Фурштатской, 40? Ведь именно этот адрес записан у Владимира Ильича. Следовательно, это могло быть либо до июля, либо уже после установления Советской власти. А когда вообще в Петрограде появился Центральный совет фабрично-заводских комитетов?

После долгих поисков удается наконец получить ответ сразу на два вопроса: о дне его рождения и о первом адресе.

Перед нами номер «Правды», вышедший 17 июня (4 июня старого стиля) 1917 года. Здесь можно найти объявление, озаглавленное «Центр заводских комитетов». Прочтем его:

«Заседание Центра, избранного на конференции заводских комитетов, состоится в понедельник, 5 июня в 3 часа дня на Фурштатской, № 40».

Отлично! Стало быть, происходила конференция заводских комитетов. Она избрала центр, который собирается на свое первое заседание в понедельник, 5 июня, в 3 часа дня. И как раз на Фурштатской, 40.

Открытие конференции состоялось 30 мая в Большом зале Таврического дворца. «Это был настоящий рабочий парламент, собравшийся как раз в том самом зале, где только три месяца тому назад заседал буржуазно-помещичий парламент» — можно прочесть в предисловии к брошюре «Первая рабочая конференция фабрично-заводских комитетов», вышедшей в Петрограде в 1917 году.

Да, форум был, действительно, представительным. Почти шестьсот посланцев заводов и фабрик Питера

пришли в Таврический дворец, чтобы сказать свое слово по одному из самых животрепещущих вопросов дня: пора на деле осуществить рабочий контроль. Пришло и время создать центр фабрично-заводских комитетов Петрограда.

...Первый день конференции. В президиуме члены Организационного бюро. Среди них Яков Михайлович Свердлов.

Председательствует металлист Григорий Федоров, член Петроградского исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов (имя Григория Федоровича Федорова и его адрес в пригороде Петрограда — Парголово, деревня Ивановка, дача Карпенко № 4 — также значатся в записной книжке В. И. Ленина).

— Господа фабриканты и заводчики не по доброту своей ввели у себя на заводах восьмичасовой рабочий день и ряд других улучшений, а под напором революционного выступления рабочих,— говорит в своем вступительном слове Федоров...— Поручить охранять законы о труде капиталистам — это значит доверить козлу огород...

Но у господ фабрикантов и заводчиков оказываются и здесь свои адвокаты — меньшевики, пытающиеся столкнуть конференцию в соглашательское болото. Чего хочет, например, Б. Авиллов, порвавший с нашей партией и сотрудничающий в полуменьшевистской газете «Новая жизнь»? Он силится протащить свою резолюцию, под которой с радостью подпишется любой заводчик, любой фабрикант: пусть контроль над промышленностью осуществляет государственная власть. Он, правда, добавляет, «при участии широких слоев демократии». Но кого может ввести в заблуждение такая оговорка?

Наступает следующий день работы конференции — 31 мая. В разделе «Даты жизни и деятельности В. И. Ленина» 32 тома Полного собрания его сочинений читаем:

«Май, 31
(июнь, 13)

...Ленин выступает с речью на I Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов по вопросу о рабочем контроле над промышленностью. Резолюция Ленина о мерах борьбы с разрухой принимается конференцией».

Теперь мы знаем, что на второй день работы конференции в ней принял участие Ленин.

«Ораторствовал кто-то из меньшевиков, когда вошел Владимир Ильич Ленин,— вспоминал Матвей Назарович Животов, член КПСС с 1904 года.— Тотчас же весь зал поднялся и бурно заплодировал. Послышались возгласы: «Да здравствует Ильич!»

Ленин взял слово. Впервые услышал я, как говорит Ильич на собрании рабочих. Это был не доклад, не выступление, а простая задушевная беседа, и казалось, что беседует он не со всеми вместе, а с каждым в отдельности. В самую гущу западали слова Владимира Ильича».

Краткий газетный отчет, вошедший в Полное собрание сочинений В. И. Ленина, позволяет судить о глубоком содержании ленинского выступления.

Питать иллюзии насчет того, что коалиционное правительство, в которое вошли и «социалисты», способно защищать интересы трудящихся, дело бесполезное. «Добивайтесь, товарищи рабочие, действительного контроля, а не фиктивного, и все резолюции и предложения такого фиктивного бумажного контроля самым решительным образом отметайте»⁶²,— призвал Владимир Ильич делегатов.

Сохранилась и более подробная запись выступления Владимира Ильича. Ее вел один из активных участников конференции, тов. Кактынь.

«Контроль теперь стал уже реальным жизненным требованием, не фразой, а общепризнанной вещью,— писал Кактынь в свой блокнот.— Капиталисты и их сторонники стараются свести эту меру к пустому звуку... В стране господствуют вакханалия и мародерство. Новое правительство повысило ставки мародедам — южным углепромышленникам... Не быть на побегушках у капиталистов. Не такой должен быть контроль. Нам нужен контроль действительный, контроль рабочих»⁶³.

Всеякими правдами и неправдами оказался в эти дни в зале Таврического дворца репортер «Биржевых ведомостей», славившихся своими бульварными нравами. Он поспешил в первом же вечернем выпуске «Биржевки» пожаловаться ее читателям на... Ленина.

«Ленин кончил свою речь,— говорилось в репортаже,— и занял место около трибуны... Совершенно неожиданно какой-то человек сходит с председательской трибуны, подходит к Ленину, о чем-то с ним совещается. Речь идет, видимо, о моей скромной персоне, так как оба смотрят на меня...»⁶⁴

Короче говоря, выясняется, какого рода «свободную печать» представляет собой «скромная персона», и ее просят удалиться из зала...

День 31 мая, о котором идет речь, у Ленина переполнен до краев. Он пишет статью «Мелкобуржуазная позиция в вопросе о разрухе», которая содержит критику резолюции Авилова, предложенной им на конференции фабрично-заводских комитетов. Свои страницы для авиловской резолюции предоставила «Новая жизнь».

«Побойтесь бога, тов. Авилон! — пишет Ленин в своей статье, которая будет опубликована на другой день в «Правде». — Неужели марксисту позволительно забыть, что государство есть орган классового господства? Не смешно ли против «хищничества капиталистов» апеллировать к *государству капиталистов*»⁶⁵.

Тогда же Владимир Ильич пишет письмо, адресованное районным комитетам петроградской организации РСДРП(б), выступает на заседании фракции большевиков I Всероссийского съезда Советов с речью о текущем моменте.

Может быть, у Ленина не остается времени на то, чтобы посидеть в зале конференции, послушать выступления делегатов? Нет, в этом он себе отказать не может.

На трибуне Матвей Назарович Животов. Он рассказывает о положении на электростанции, где сам работает. Настроение у рабочих боевое. Они готовы идти за партией, бороться за власть Советов.

«Когда я спустился с трибуны,— рассказывал Животов,— Владимир Ильич подошел ко мне, крепко пожал руку и принялся расспрашивать: сколько на станции рабочих, много ли большевиков, как проходили выборы завкома? Я сказал, что на электростанции работает около тысячи человек и все настроены по-большевистски. И завком у нас почти целиком большевистский. За большевистский список, по которому проходил и я, при тайном голосовании было подано свыше восьмисот голосов.

Владимир Ильич слушал с нескрываемым удовольствием: «Большевицкая электростанция — это очень нам пригодится», — сказал он»⁶⁶.

...Закончилась конференция избранием руководящего центра, в который вошли 25 человек. Отсюда и ведет свою родословную Центральный совет фабрично-заводских комитетов Петрограда.

Первая его «резиденция», как мы уже знаем из объявления в «Правде», находилась на Фурштадтской, 40. Все это и позволяет предполагать, что адрес и номер телефона Бюро появились в записной книжке Владимира Ильича сразу после конференции, избравшей руководящий центр питерских фабзавкомов.

...Наступают дни рождения нового мира — начала новой эры в истории человечества. Центральный совет фабрично-заводских комитетов действует в Смольном. Рядом с военно-революционным комитетом, рядом с Центральным Комитетом партии.

Как-то раз в Совете раздается телефонный звонок. Представителя Центрального совета фабрично-заводских комитетов приглашают на заседание Центрального Комитета партии. Животов, возглавляющий в это время Центральный совет, тут же подымается на верхний этаж. Встреча с Лениным...

— Вы из Центрального совета?

— Да, товарищ Ленин!

— Позвольте, мы, кажется, знакомы? Вы с электростанции и выступали как-то на конференции. Как же, помню...

Ленин сразу же забрасывает Животова вопросами. Главный из них — позиция Центрального совета фабрично-заводских комитетов по поводу состава нового правительства: сформировать ли его из одних большевиков или допустить к участию меньшевиков и эсеров?

Животов отвечает, что Центральный совет за создание целиком большевицкого правительства — такова воля фабзавкомов.

...Бывший председатель Центрального совета фабрично-заводских комитетов до самой своей кончины жил в Москве. Я бывал у него дома. Матвей Назарович, аккуратный, подтянутый, бодрый человек, рассказывал мне о первых встречах Ленина с руководителями

Центрального совета фабрично-заводских комитетов, проходивших под сводами Смольного.

Ожил в памяти Матвея Назаровича Животова и день, когда Владимир Ильич появился в помещении Центрального совета фабрично-заводских комитетов в Смольном. Здесь проходило совещание, на котором обсуждался вопрос о рабочем контроле над производством.

Ленин внимательно выслушал различные проекты декрета о рабочем контроле и предложения, высказанные участниками совещания. Затем он огласил свой проект декрета, встретивший единодушную поддержку. Так появился на свет один из замечательных документов периода становления Советской власти.

Ленин и петроградские фабзавкомы! Еще один характерный штрих.

Неспроста, говоря о первом адресе Центрального совета фабрично-заводских комитетов, записанном Лениным, мы слово «резиденция» взяли в кавычки.

Центральный корпус этого дома, принадлежавший до Февральской революции губернскому жандармскому управлению, перешел к Главному управлению по делам милиции. Все профсоюзные организации получили приют во флигеле дома на Фурштадтской, 40. Там же, на птичьих правах, пристроился и Центральный совет фабрично-заводских комитетов.

Буквально через несколько дней после установления Советской власти Народный комиссариат труда обратился с просьбой к Наркомату внутренних дел о передаче профессиональным союзам Петрограда здания бывшего губернского жандармского управления. На документе появилась резолюция⁶⁷:

«Удовлетворить просьбу союзов.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Вл. Ульянов (Ленин)».

Вот о чем могут рассказать две строчки в записной книжке Ленина: «Бюро Центрального совета фабрично-заводских комитетов: 128-97 (Фурштадтская. 40)».

«С ПЕРВЫМ ДНЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ!»

Рассказывая о связях Ленина с книжным издательством «Жизнь и знание», мы уже упоминали имя его главного редактора — В. Д. Бонч-Бруевича. В записной книжечке Владимира Ильича значится и домашний адрес издателя, квартировавшего на Херсонской улице.

Наступил октябрь. Шли уже вторые сутки, как Ленин прибыл в Смольный и лично руководил вооруженным восстанием. Весть, доставленная самокатчиком от Подвойского, застала Владимира Ильича в комнате Военно-революционного комитета: «Зимний взят! Временное правительство арестовано!»

Владимир Ильич спешит на митинг в зал заседаний Смольного. Громкое «ура!» перекатывается по рядам при появлении вождя. Он говорит о великой победе.

Еще немного — и рассвет. Наконец-то Ленин собрался отдохнуть. Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич приглашает его к себе. И вот Ильич снова в доме на Херсонской.

Едва Владимир Дмитриевич стал засыпать, как в соседней комнате зажегся свет. Неужели Ленин не спит? Так и есть! Владимир Ильич встал с кровати, на цыпочках подошел к письменному столу, открыл чернильницу и принялся за работу. Он писал, перечеркивал, снова писал. И, только поставив последнюю точку, улегся в постель...

Утром, свежий, бодрый, как ни в чем не бывало, Ленин упругой походкой вошел в столовую.

— С первым днем социалистической революции! — поздравляет он Надежду Константиновну и друзей и тут же читает вслух только что созданный документ — Декрет о земле.

Вечером этот исторический декрет был принят II съездом Советов.

— Пускай попробуют теперь отнять у крестьян землю! — заявил Ленин.

Владимир Ильич придавал большое значение продвижению Декрета о земле в толщу крестьянских масс и не раз допытывался у Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, все ли для этого сделано.

— Довезет ли его до дому солдат? — беспокоился Ленин. — Ведь бумаги-то нет, а покурить надо. Вот беда! Сейчас и свернет из декрета «козью ножку», — высказывал он свои опасения. — Пока доедет до дому, так все декреты и раскурит с товарищами. Обязательно раскурит...

И Ильич нашел выход.

По его заданию управляющий делами Совнаркома закупил в магазине Сытина на Невском нераспроданные отрывные календари за 1917 год. Ими одаривали «на раскурку» солдат, приходивших в Смольный перед отъездом в деревню. «Солдаты были очень довольны, говоря, что это «даже очень способно», а Декрет о земле обещали беречь и обязательно раздать и прочитать крестьянам...»⁶⁸, — вспоминал Бонч-Бруевич.

* * *

Более пятидесяти имен насчитывает ленинская записная книжка. Были у Ленина в семнадцатом году до событий, разгоревшихся в дни подготовки Октябрьского вооруженного восстания, партийные дела и к членам Центрального Комитета Каменеву и Зиновьеву. Но каково же было негодование Владимира Ильича, когда он узнал об их неслыханном предательстве, — выдаче врагу на страницах полуменьшевицкой газеты «Новая жизнь» секретного решения Центрального Комитета о проведении восстания и намеченном сроке.

«Я бы считал позором для себя, если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их, — писал Ленин в письме к членам партии большевиков 18 октября 1917 года. — Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии»⁶⁹.

Пойманные с поличным, изменники стали ловчить, уваливать от ответственности. И тогда на другой день Владимир Ильич обратился с письмом в Центральный Комитет партии, в котором пункт за пунктом полностью разоблачил Каменева и Зиновьева.

У КАРТЫ ПЕТРОГРАДА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

В первые же дни Советской власти Ленину пришлось взять на себя руководство подавлением контрреволюционного мятежа Керенского, разгромом полчищ генерала Краснова, брошенных на Петроград. Владимир Ильич был непрерывно связан со штабом Петроградского военного округа, «координаты» которого мы также можем установить по записной книжке:

«Телефон: 13.40. Прямой провод с Выборгом и с Псковом».

Прибыв впервые в штаб 27 октября, Ленин принял ряд оперативных мер против контрреволюционных мятежников.

По его вызову в тот же день в штаб явился председатель Военно-морского революционного комитета И. И. Вахрамеев. Встреча произошла в кабинете командующего.

Войдя туда, Вахрамеев увидел Владимира Ильича в окружении Антонова-Овсенко, Крыленко, Дзержинского, Подвойского. Ленин рассматривал карту Петрограда и его окрестностей. Разговор шел о помощи, которую флот должен оказать Петрограду.

Председатель Военно-морского революционного комитета выдвинул предложение поставить в устье Морского канала линейный корабль и провести миноносцы вверх по Неве в район села Рыбацкого. Отсюда удобнее всего будет вести артиллерийский огонь по бандам Керенского.

«В. И. Ленин подробно расспросил меня, на какое расстояние стреляют корабли, возможно ли провести вверх по Неве миноносцы, — рассказывал И. И. Вахрамеев. — Проверив с циркулем в руках по карте расстояния, Владимир Ильич сказал, что предложение заслуживает внимания»⁷⁰.

Вторично Владимир Ильич прибыл в штаб округа на другой день. Он распорядился поставить в кабинете Подвойского стол и для себя.

«Ленин точно гвоздем вколачивал в каждую голову мысль о необходимости все сосредоточить на оборону, все построить для обороны, — вспоминал Николай

Ильич Подвойский.— Из этой мысли он далее разворачивал уже план, в котором, как в целом механизме, невольно каждый находил место для себя, для своего завода, для своей части».

Характерный пример. Один из красногвардейских отрядов получил приказ Военно-революционного комитета: разоружить Михайловское артиллерийское училище и захватить там орудия. Под документом стояла подпись Председателя Совета Народных Комиссаров. Владимир Ильич лично вписал в этот боевой приказ следующий пункт: «Приготовиться к выступлению орудий к 10 часам вечера 29 октября».

Приходил в те дни Владимир Ильич в штаб, чтобы ускорить оказание военной помощи восставшей Москве. По его указанию москвичей поддержали отряды моряков, прибывших из Петрограда. Памятна в истории Советского государства и та ночь, когда Ленин разговаривал по прямому проводу из штаба Петроградского округа со ставкой верховного главнокомандующего генерала Духонина. Глава правительства предложил верховному главнокомандующему немедленно вступить в переговоры о перемирии со всеми воюющими странами. Духонин отказался выполнить это распоряжение. Тогда Ленин из штаба округа направился на радиостанцию «Новая Голландия». Отсюда было передано обращение Председателя Совета Народных Комиссаров ко всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота, из которого они узнали, что генерал Духонин смещен с занимаемого им поста. Народным комиссаром по военным делам и верховным главнокомандующим был назначен Н. В. Крыленко.

Ленин обращался с призывом к солдатам сделать все для того, чтобы положить конец бессмысленному кровопролитию и через своих уполномоченных вступить в мирные переговоры с неприятелем.

* * *

Мы с читателем совершили путешествие по ленинской адресной книжке. С ее страниц встает образ великого вождя, несгибаемого борца, мудрого политика и простого дружелюбного человека — самого человеческого из людей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- ¹ См. Ленинский сборник XXI. М., 1933, стр. 83—87.
- ² А. Шляпников. К Октябрю. «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 23—24.
- ³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 384.
- ⁴ Павел Подляшук. Товарищ Инесса. Документальная повесть. Изд. 2. Политиздат, 1965, стр. 179—180.
- ⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 401.
- ⁶ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Госполитиздат, 1957, стр. 33, 34.
- ⁷ В. Д. Вонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. Изд-во «Наука», 1965, стр. 62.
- ⁸ Там же, стр. 455—456.
- ⁹ Там же, стр. 75.
- ¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 9.
- ¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 30.
- ¹² Я. Ганецкий. Воспоминания о Ленине. Партиздат, М., 1933, стр. 9.
- ¹³ Там же, стр. 27.
- ¹⁴ «Петроградский военно-революционный комитет». Документы и материалы в трех томах, т. I. Изд-во «Наука», 1966, стр. 201.
- ¹⁵ «Донесения комиссаров Петроградского ВРК». Госполитиздат, 1957, стр. 230.
- ¹⁶ Н. Глебов-Авилов. Друг рабочих. «Красная газета», 27 января 1924 г.
- ¹⁷ «Новая жизнь». Первая легальная с.-д. большевистская газета. Выпуск первый. Рабочее изд-во «Прибой». Л., 1925.
- ¹⁸ «Работница и крестьянка», 1927, № 18, стр. 6.
- ¹⁹ П. Ф. Куделли. Из дальних и ближних лет. Воспоминания о Ленине, т. 3. Госполитиздат, 1960, стр. 56.
- ²⁰ «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2. М., 1957, стр. 104.
- ²¹ «Известия», 14 декабря 1917 г.
- ²² «Биржевые ведомости», 10 марта 1917 г.
- ²³ «Пролетарская революция», 1923 г., № 1 (13).
- ²⁴ «Красная газета», 27 января 1924 г.
- ²⁵ А. Коллонтай. Ленин и работницы в 1917 году. «Работница», 1947, № 1.
- ²⁶ «Вопросы истории КПСС», 1966, № 8, стр. 49.
- ²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 108.
- ²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 13.
- ²⁹ Там же, стр. 16.
- ³⁰ Леонид Борисович Красин («Никитич»). Сборник воспоминаний, статей и документов. М., 1928, стр. 173.
- ³¹ «Ленин на хозяйственном фронте». Сборник воспоминаний. Партиздат, М., 1934.
- ³² Леонид Борисович Красин («Никитич»). Сборник воспоминаний, статей и документов, стр. 281.
- ³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 159.
- ³⁴ А. Коллонтай. В тюрьме Керенского. Изд-во всесоюзного общества политкаторжан и сс.-поселенцев. М., 1928, стр. 34.
- ³⁵ Сб. «Ленинской «Правде» — 50 лет». Изд. газеты «Правда», 1962, стр. 44.

- 36 А. М. Коллонтай. Дом на Мойке. «Красноармеец», 1946, № 9.
- 37 Демьян Бедный. Собр. соч., т. I, 1953. «Кашевары», стр. 84.
- 38 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 182.
- 39 Демьян Бедный. Собр. соч., т. 4, 1954. «В защиту басни», стр. 284.
- 40 «В. И. Ленин о литературе и искусстве». Гос. изд-во художеств. лит-ры, 1957, стр. 612.
- 41 ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 221.
- 42 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 132.
- 43 Н. И. Подвойский. Год 1917. Госполитиздат, 1958, стр. 40.
- 44 Там же, стр. 44.
- 45 «Ленин — вождь Октября». Воспоминания петроградских рабочих. Лениздат, 1957, стр. 190.
- 46 «Голос текстилей», 21 января 1928 г.
- 47 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 291.
- 48 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 322.
- 49 «Правда», 7 июня 1917 г.
- 50 А. Шотман. Как из искры возгорелось пламя. М., «Молодая гвардия», 1935, стр. 235.
- 51 Там же.
- 52 «Правда», 4 ноября 1927 г.
- 53 «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918». Госполитиздат, М., 1958, стр. 119.
- 54 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 441.
- 55 Там же, стр. 443, 444.
- 56 «Неделя», 1964, № 16, стр. 7.
- 57 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 167.
- 58 «Ленин в Петербурге». Лениздат, 1957, стр. 109.
- 59 «Новый мир». 1934, № 1, стр. 24—39.
- 60 Там же.
- 61 Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. Госполитиздат, 1957, стр. 70.
- 62 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 240.
- 63 «Октябрьская революция и фабзавкомы», ч. I. М., 1927, стр. 92—93.
- 64 «Биржевые ведомости», Вечерний выпуск, 31 мая 1917 г.
- 65 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 248.
- 66 «Советские профсоюзы». 1958, № 4, стр. 25.
- 67 «Профессиональное движение в Петрограде в 1917 г.». Изд-во Ленинградского областного Совета профсоюзов, 1928, стр. 303.
- 68 В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. М., изд-во «Наука», 1965, стр. 115.
- 69 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 420.
- 70 «Ленин — вождь Октября». Воспоминания петроградских рабочих. Лениздат, 1957, стр. 235.

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

Люди, которым посчастливилось встречать Ленина на Финляндском вокзале в Петрограде в знаменательный день его возвращения из эмиграции, отчетливо сохранили в своей памяти один из самых волнующих эпизодов исторического события: Ильичу, горячо приветствуемому многочисленными делегациями рабочих, солдатами, матросами, вручают партийный билет Выборгской районной организации большевиков Петрограда — билет № 600. Честь вручить билет Ленину, как теперь установлено, выпала Ивану Дмитриевичу Чугурину — секретарю райкома.

— Владимир Ильич, — сказал он, — мне поручено в ознаменование вашего возвращения на родину вручить вам партийный билет. Большевики-выборжцы считают вас членом своей районной организации.

— Благодарю вас, — ответил Владимир Ильич. В секретаре Выборгского райкома он узнал своего старого знакомого. — Мы ведь с вами встречались в Лонжюмо?

— Да, я был одним из учеников школы в Лонжюмо¹, — подтвердил Иван Дмитриевич.

Что известно об истории шестисотого партийного билета, который был вручен Ленину на Финляндском вокзале в Петрограде. Чем объяснить, что именно этот номер достался Владимиру Ильичу?

В Ленинграде живет Николай Федорович Свешников, член КПСС с 1907 года. Персональный пенсионер, он был в семнадцатом году членом Выборгского райкома партии, его внештатным казначеем.

Более сведущего человека, знающего досконально все интересующие нас подробности, трудно найти. Не так давно я побывал у Свешникова в Ленинграде.

Активный участник Февральской революции, Николай Федорович начал свой рассказ о первых шагах,

предпринятых большевиками Выборгской стороны, после выхода питерской партийной организации из подполья.

— 28 февраля 1917 года мы с Мартыном Ивановичем Лацисом («Дядей») пошли искать помещение для райкома, — вспоминает Свешников. — По пути зашли в типографию «Практическая медицина». Сказали, что нам требуется напечатать партийные билеты для большевистской организации Выборгского района. Просили напечатать их на красной бумаге. Работники типографии нигде не нашли красную бумагу. Оказалась только зеленая. Плотная. Вроде альбомной. На ней и напечатали наши первые партийные билеты...

Петроградская партийная организация приступила к выдаче партийных билетов уже в марте 1917 года. Каждый райком давал им свою нумерацию. И вот, когда в Выборгском райкоме на очереди был партийный билет № 600, товарищей осенила счастливая мысль.

— Недолго уже осталось нам ждать возвращения из-за границы Ленина. Владимир Ильич там не засидится... Пусть партийный билет № 600 будет ленинским.

— Вы нас перехитрили, — позавидовали им партийные активисты Московского района, также собиравшиеся вручить партийный билет Ленину. — Вы нас обскакали...

— Ведь Финляндский вокзал на Выборгской стороне, — отвечали им. — Что же вы хотите?..

...Май семнадцатого года. Воскресный день. Но многих партийцев Выборгской стороны тянет в дом № 62 по Большому Сампсониевскому проспекту. Здесь помещается райком.

Человеку, интересующемуся жизнью своей партийной организации, найдется дело и в выходной день.

Пришел сюда и токарь с завода «Старый Лесснер», внештатный казначей Выборгского райкома партии Николай Федорович Свешников.

Между одиннадцатью и двенадцатью часами дня в райкоме появились Ленин и Крупская. Оказалось, что некоторых партийных активистов Владимир Ильич запомнил по предыдущим встречам.

— Вы мне по приезде вручили партийный билет выборгской организации,— обратился Ленин к одному из партийных руководителей района.— Я пришел уплатить партийные взносы.

Деньги от членов выборгской партийной организации принял казначей Свешников. А расписался в партийных билетах Ленина и Крупской Лацис.

Велика честь быть коммунистом. И глубокого смысла полна для члена партии скромная красная книжечка, что бережно хранит он у самого сердца. Красная книжечка, олицетворяющая одновременно и мудрость ленинских идей, и гигантский опыт, накопленный партией, и ее непреклонную волю — построить первое в мире коммунистическое общество. В ней сама душа коммуниста, его совесть и честь.

Взгляните на партийные билеты старейших коммунистов. Вы увидите на документах разные даты вступления в партию, но многие из них выданы в марте 1917 года. Тогда же получила его и Елена Дмитриевна Стасова, член партии с 1898 года. Она рассказывала нам, как в марте 1917 года получила свой партийный билет. По шутливому выражению Елены Дмитриевны, первые билеты, которые выдавались коммунистам сразу же после выхода партии из подполья, имели довольно «первобытный» вид.

...Вторая половина марта 1918 года. Приемная Ленина в Кремле. Владимир Ильич открывает дверь своего кабинета и выходит навстречу посетителям. Среди них члены делегации, приехавшие с Собинской текстильной фабрики Владимирской губернии. Он приглашает делегацию в кабинет. Завязывается беседа.

«— Вы члены партии? — интересуется Ленин, узнав, что текстильщики приехали к нему по поручению партийного собрания, на котором обсуждался вопрос об оказании помощи сиротам и инвалидам войны.

— Мы показали ему красненькие книжечки, на крышках которых значилось: РСДРП(б), — вспоминала работница Хорькова. — Владимир Ильич сказал:

— Скоро наша партия будет иметь сокращенное название РКП(б), — и пояснил: — Российская коммунистическая партия большевиков»².

Красная книжечка коммуниста... Она всегда была символом его готовности идти за партией в огонь и

в воду, не щадить своих сил в служении великому делу.

Характерная беседа произошла у Ленина с коммунистом-железнодорожником Борисом Борисовичем Кондуковым перед началом митинга в сокольническом клубе в Москве летом 1918 года. В то время на транспорте продолжали пакостить эсеры и меньшевики. Свили они свое гнездо и в мастерских на участке тяги Северной дороги.

Владимир Ильич поинтересовался у собеседника соотношением сил.

Большевиков вместе со вновь вступившими четырьмя рабочими оказалось семнадцать. Эсеров же и меньшевиков набиралось пятьдесят штук. Кондуков так и сказал: штук.

«Штук? — рассмеялся Ленин.— Это великолепно! Он эсеров и меньшевиков на штуки считает. Но я убежден, что пятидесяти штукам эсеров и меньшевиков не выстоять против семнадцати большевиков!»³

Так оно и вышло в действительности.

...Конец декабря 1921 года. Группа делегатов IX Всероссийского съезда Советов, собравшаяся в Кремле, горячо обсуждает животрепещущие земельные вопросы. Ленин, присутствующий в зале, внимательно слушает выступления делегатов, делает какие-то записи в своей книжечке. Крестьянин Гаврилов из Костромской губернии бросает реплику Михаилу Ивановичу Калинин, председательствующему на совещании:

— Уж больно ласково вы с нами обращаетесь. Не думаете ли и нас сделать коммунистами?

Владимир Ильич в то же мгновение отрывается от записной книжки. Реплика раздалась за его спиной. И обернувшись лицом к костромичу, сидящему позади него, он говорит ему:

«Не делайся, отец, не делайся коммунистом! Мы все время чистим партию от деланных коммунистов... Довольно и того, что являетесь все понимающими нас честными гражданами, и этого вполне достаточно для того, чтобы нам строить новую жизнь»⁴.

...Деланный коммунист. Против того, кто решил воспользоваться высоким доверием партии и народа в своих шкурных, корыстных целях, у Ленина находились еще и не такие гневные слова.

Коммунист всегда солдат партии, ее боец. Он всю жизнь на переднем крае.

На огромных просторах молодой Советской республики полыхало пламя гражданской войны. И первое боевое крещение молодой коммунист, как правило, получал в смертельной схватке с белогвардейцами и интервентами. Он знал, на что идет, принимая на себя высокое звание коммуниста.

«Членский билет нашей партии при таких условиях означал до известной степени кандидатуру на деникинскую виселицу»⁵, — говорилось в отчете ЦК партии, опубликованном в декабре 1919 года в партийной прессе.

Быть первым на линии огня, увлекать всех красноармейцев примером своего бесстрашия, мужества и призывали памятки, содержащиеся в партийных билетах коммунистов-фронтовиков.

«Товарищ коммунист, знаешь ли ты, для чего наша Коммунистическая рабочая партия посылает тебя на фронт?» — спрашивала одна из таких памяток и отвечала: «Для того, чтобы обеспечить для нашей армии победу».

Боец-кавалерист Красной Армии С. М. Кривошеин вступил в ряды Коммунистической партии в годы гражданской войны.

Только успели воины-коммунисты обсудить его заявление и проголосовать за прием, как раздался сигнал боевой тревоги. Партийное собрание было прервано.

Завязалась схватка с белогвардейцами.

Отважно сражались красные кавалеристы. Разгромив в конной атаке полк противника, захватив богатые военные трофеи, они двинулись вперед — на Ростов.

Прошло два дня. Проезжая мимо эскадрона, в котором воевал молодой коммунист, комиссар полка поздоровался с ним и попросил его вечером зайти к нему.

«Убрав коня на ночь, я пошел к Губанову, — вспоминает гвардии генерал-лейтенант запаса Герой Советского Союза С. М. Кривошеин. — Он усадил меня за стол и произнес:

— Ты знаешь, зачем я тебя вызвал? Нет, не знаешь! На, получай партийный билет! — и он протянул мне небольшую красную книжечку.

Я бережно взял ее.

— Помни, что у тебя теперь такой же партийный билет, как у Ленина. Смотри, через всю жизнь его надо пронести без единого пятнышка. Это самое дорогое из дорогих, что у тебя есть!»⁶

Именем Ленина, его рукой была освящена «Памятка коммунисту на фронте». История этого документа такова.

Конец 1918 года. На Южном фронте идут тяжелые бои. Партия шлет сюда все новые и новые пополнения. На коммуниста-фронтовика держат равнение все бойцы. И для того, чтобы он знал свое место в строю, всегда и во всем мог служить примером, политотдел решил разработать «Памятку коммунисту на фронте».

Когда документ был готов, возникла мысль ознакомить с ним Ленина и попросить его утвердить «Памятку». С этой целью в Москву был командирован делегат от коммунистов Южного фронта С. А. Спильниченко, ныне генерал-лейтенант запаса.

«Владимир Ильич принял меня 29 декабря 1918 года в Кремле, в своем кабинете,— рассказывает он.— При мне же прочитал «Памятку» (она имела всего две страницы) и, подчеркнув несколько строчек, размашистым почерком написал: «Ленин». После этого он возвратил мне «Памятку» обратно для передачи политотделу фронта. Впоследствии я увидел, что Владимир Ильич подчеркнул следующие слова:

«Завоюй внимание и уважение к себе не должно-стью, которую занимаешь, а своей работой». И на другой странице подчеркнуты были слова: «Ты должен в бой вступать первым, а выходить из боя последним»».

Прощаясь с представителем политотдела Южного фронта, Владимир Ильич успел обратить внимание на довольно своеобразную обувь, которая была на делегате. На сапоги Спильниченко были еще надеты и ботинки.

— Сапоги худые, а ботинки слишком велики, вот я и приспособил себе обувь,— объяснил он Ленину.

— Да, скверно быть плохо одетым и обутым,— сказал Владимир Ильич.

Спильниченко уже выходил из приемной Председателя Совнаркома, когда к нему обратилась секретарь Владимира Ильича:

— Перед отъездом на фронт зайдите к секретарю ВЦИК и получите там распоряжение об отпуске обуви... Это Ленин распорядился ⁷.

Тот, кто бывал в Музее В. И. Ленина в Москве или его филиалах, непременно обратил внимание на фотокопию партийного билета № 527, выданного Владимиру Ильичу уже в Москве.

Вплоть до сентября двадцатого года каждая местная организация выдавала коммунистам билеты установленной ею формы и образца. Один вид у билета, выданного коммунисту в Петрограде, другой — у москвича, третий — у новгородца, четвертый — у ковровца, пятый — у уральца. Бывало и так, что не походили друг на друга и партийные билеты, полученные в разных районах большого города. В войсковых частях были свои партийные билеты.

Обычно спрашивают: не было человека, вступившего в партию раньше Владимира Ильича, — Ленин был ее основателем, — чем же объяснить, что на этот раз партийный билет ему был выписан под номером 527?

В Киеве живет старый коммунист А. Пирогов, работавший в свое время секретарем партячейки ВЦИК. Он рассказывает о том, что в начале 1920 года Кремлевский подрайонный комитет партии дал ему очень ответственное поручение: заполнить бланки новых партийных билетов. Значит, и Владимиру Ильичу будет выписывать партийный билет он, Пирогов.

Бланк ленинского партбилета Пирогов заполнял в присутствии других коммунистов, находившихся в это время в Кремлевском подрайкоме. Это еще больше обязывало его к предельной четкости каждой буквы, к безупречной аккуратности. Но вот бланк партийного билета на имя Ленина заполнен. Остается проставить номер. Какой же?

Поскольку бланк партийного билета Владимира Ильича Пирогов заполнял первым, сомнения в том, каким должен быть номер документа, у него не было. Каким же, кроме первого, может быть номер партийного билета у того, кто стоял у истоков партии? Но тут слышались голоса людей, знавших, как щепетилен Ленин во всем, что касается его личности. Нет, нарушение общего порядка только огорчит Ильича, настаивали они.

— Я послушался и вписал тот порядковый номер, который следовало поставить по списку. Он оказался 527,— рассказывает Пирогов.

Со второй половины 1920 года по решению IX съезда партии был введен новый партийный билет единого образца. Система единого партийного билета преследовала задачу «правильно распределить и поставить на партийную работу все 600 тысяч членов партии, входящих в ее ряды»⁸.

Огромный интерес представляет и поныне «Инструкция организациям РКП (большевиков) о едином партийном билете», разработанная Центральным Комитетом. «Удостоверением действительного состояния членом Российской коммунистической партии служит партийный билет»⁹,— говорилось в первом пункте этого документа.

Партии крайне важно было тогда всесторонне использовать каждого из 600 тысяч коммунистов, все его знания, умение, практический опыт для восстановления народного хозяйства.

— Ты по профессии учитель, но не знаком ли с садоводством и бухгалтерией? — интересовало ее.— Не приходилось ли тебе, токарю по металлу, заниматься маслоделием и коневодством?.. Техник-строитель знает канцелярское дело — это надо учесть. На таких простых жизненных примерах и строилась инструкция.

Предельная деловитость требовалась при заполнении каждой ее графы, в том числе и относящейся к прошлой подпольной деятельности коммуниста.

«Краткие сведения о прежней революционной деятельности до выдачи билета,— говорилось в инструкции,— должны характеризовать товарища как работника и революционера, но графа отнюдь не должна быть заполнена личными переживаниями...»

17 сентября 1920 года в связи с получением единого партийного билета Владимир Ильич заполнил анкету для перерегистрации членов московской организации РКП(б).

На вопрос о политических репрессиях Ленин отвечает, сокращая каждое слово: «Серед. 1887 (неск. дней); серед. 1895—1897 (14 мес.) и высылке на 3 г. в Сибирь. В 1900 (неск. дней)»¹⁰.

Как еще более скромно, сдержанно можно было сказать о революционной деятельности вождя, чем это сделал Ленин, подорвавший свое здоровье в царских тюрьмах и ссылках?

«В чем выражалось ваше участие в Февральской революции?» — спрашивалось в анкете.

«Кроме общепартийной работы, ни в чем», — ответил основатель партии.

Всему миру известна историческая роль Ленина в решающем штурме твердынь капитализма. На вопрос же анкеты об участии в Октябрьской революции Ильич коротко ответил: «Член ЦК».

В анкете, заполненной Лениным перед получением им нового партийного билета единого образца, содержался и такой вопрос: «Подвергались ли партийному суду, когда и за что?» Владимир Ильич, неустанно разоблачавший предательство меньшевиков, отстаивавший единство партии, ответил следующими словами: «Меньшевиками в РСДРП при расколах».

Анкета была довольно пространный. Только основных вопросов в ней насчитывалось сорок пять. Но Ленин и на этот раз, как всегда, не делал для себя никаких исключений и давал на все вопросы лаконичные и в то же время исчерпывающие ответы.

«На какие темы вам приходилось выступать перед рабочими и крестьянами или читать лекции?»

«Большей частью на политические», — отвечает Ленин.

«Пишете ли вы статьи в газетах, где и на какие темы?»

«Редко, на политические темы», — гласит ответ Владимира Ильича.

Был в анкете вопрос, который ставился, что называется, в лоб: «Какие документы или удостоверения имеются у вас, указывающие на ваше пребывание в нашей нелегальной партийной организации?»

«История партии — документ», — ответил Ленин, имевший все основания сослаться на общеизвестные факты его партийной биографии.

Еще один вопрос: «На каких языках, кроме русского, говорите, читаете, пишете?»

«Французский, немецкий, английский, плохо все три», — отвечает Ленин.

Но кто же, как не Владимир Ильич, выступал на конгрессах Коминтерна и беседовал с делегатами на немецком, английском и французском языках, читал по-польски и по-итальянски, понимал чешский и шведский языки. Остается только добавить, что среди замечательных произведений Ленина есть и написанные им на французском, немецком и английском языках.

Итак, анкета заполнена. Владимир Ильич пришел в Замоскворецкий райком партии, помещавшийся на Пятницкой улице в Москве, и получил там свой партийный билет единого образца. И как же досадовали потом на себя те работники райкома, которые не были в тот момент на месте!

К слову сказать, на учете в партийной организации Замоскворецкого района Москвы Владимир Ильич состоял до последних дней своей жизни. 16 марта 1927 года Замоскворецкий райком выписал на имя Владимира Ильича Ленина посмертно партийный билет № 1.

В партийном билете единого образца насчитывалось тридцать три страницы. На них велся учет служебной и общественно полезной деятельности коммуниста, практического участия в партийной жизни. По истечении месяца каждый коммунист являлся к секретарю районного или городского комитета со своим партийным билетом для отметок в нем. Тут же проверялись соответствующие графы: исполнение коммунистами их обязанностей, в частности посетили ли субботники, общие собрания,— и, как того требовала инструкция, руководители партийных организаций делали «соответствующие замечания об уважительных или неуважительных причинах манкировок».

...Перед нами партийный билет Николая Ильича Подвойского — одного из ветеранов большевистской партии и руководителей вооруженного восстания в Петрограде в исторические дни штурма Зимнего дворца. Вот они университеты борца-революционера.

«Социальное положение? — Солдат революции.

— Какие специальности знаете? — Военную, педагогическую, литература, статистика.

— Военная подготовка? — Военная организация РКП, Красная гвардия, Красная Армия и Всевобуч...»

Весьма любопытные сведения содержат страницы партийного билета единого образца Рубена Ивановича Абгарова, ныне персонального пенсионера союзного значения, выданного ему политотделом Первой конной армии 25 ноября 1920 года (№ 759165).

Вот записи, сделанные в этом билете.

Декабрь 1920 года: «Отряд особого назначения... Субботники... Проведено собрание красноармейцев полевого штаба Первой конной армии. Делегат на VIII съезд Советов... Делегат на Первую конференцию красноармейцев Первой конной армии».

Март 1921 года. В графе «Партийные обязанности» записано: «Непрерывные бои на фронте, не было возможности устраивать субботники и митинги... Проведено несколько собраний в ротах».

...Партийный билет № 224332. Билет Владимира Ильича Ленина.

Отчетливо читается подпись А. И. Широкова, расписавшегося в приеме партийных взносов у Владимира Ильича. Алексей Иванович, работавший в ту пору казначеем Кремлевского подрайкома партии, рассказал нам, как однажды, находясь в подрайкоме, услышал доносившийся из передней комнаты знакомый голос Ильича:

— Скажите, пожалуйста, кто здесь принимает членские взносы?

— Это меня касается,— отозвался Широков и поднялся со стула.

Владимир Ильич поздоровался с казначеем и протянул ему свой партийный билет, в который уже заранее были вложены деньги.

Обязанности казначея Кремлевского подрайкома партии в Москве нес одно время и старый коммунист, ветеран Советской Армии Григорий Степанович Антонов. И ему приходилось не раз держать в руках ленинский партийный билет, принимать взносы у Владимира Ильича.

Для Ленина уплата партийных взносов не была технической процедурой. Владимир Ильич придавал выполнению партийного долга принципиальное значение.

— Товарищ Ленин, вы очень заняты,— пытался однажды посочувствовать Владимиру Ильичу Антонов.— Зачем вы ходите платить партийные взносы. Вы могли бы прислать с деньгами своего секретаря.

— Свой партийный билет я никому не доверяю,— ответил Владимир Ильич.

Почетных обязанностей Ленин не признавал. Известен документ, в котором Владимир Ильич писал о том, что он не сумеет уделять необходимого внимания работе члена Кремлевского подрайкома партии в Москве и считает неудобным только формально числиться в его составе. Вместе с тем при всей своей огромной загруженности работой партийные собрания Владимир Ильич посещал регулярно.

Летом 1921 года Кремлевский подрайком обратился с просьбой к Ленину выступить на очередном партийном собрании. Коммунистам хотелось от самого Владимира Ильича получить разъяснение ряда вопросов новой экономической политики.

Несмотря на огромную перегруженность работой, усталость, Ленин принял эту просьбу как партийное поручение и охотно выполнил его.

Поучительный пример участия Ленина в одном из партийных собраний сотрудников Совнаркома приводит в своих воспоминаниях член КПСС с 1918 года, персональный пенсионер, бывший работник хозяйственной части Управления делами Совета Народных Комиссаров СССР Николай Николаевич Шумов.

«Помню такой случай,— рассказывает он.— Однажды сотрудники меня предупредили:

— Тебе, наверное, скоро влетит от Владимира Ильича за плохую уборку помещений. Владимир Ильич заметил мятую бумагу в коридоре, поднял ее, посмотрел, разгладил и положил в карман.

Вскоре на общем очередном партийном собрании Владимир Ильич попросил внести в повестку дня вопрос о режиме экономии. По его просьбе этот вопрос был рассмотрен последним. Владимир Ильич попросил на выступление 15 минут и за эти 15 минут ярко, красочно обрисовал экономическое положение нашей страны в 1921 году.

В заключение Владимир Ильич рассказал, сколько в стране расходуется бумаги, сколько эшелонов сырья

и топлива требуется для ее изготовления, сколько эшелонов необходимо для доставки готовой бумаги. Названные им цифры были по тому времени грандиозными.

— Наша страна сейчас буквально нищая, — сказал он, — а мы, как богачи, бросаем в корзинки и на пол чистую бумагу, то есть фактически являемся расхитителями.

И для доказательства он показал три листа чистой бумаги, поднятые им с пола. Владимир Ильич призвал к решительной борьбе с расточительностью. Затем он указал, что такое же положение и с карандашами.

— Карандашные фабрики у нас почти отсутствуют. Нам приходится тратить золото на бумагу и карандаши. А между тем многие товарищи половинки карандашей выбрасывают.

Он посоветовал приобрести для карандашей наколочки»¹¹.

На живых наглядных примерах великий Ленин умел воспитывать у каждого коммуниста и беспартийного товарища бережливое отношение к народному достоянию.

Воля партии — непреклонный закон для коммуниста, и ничем нельзя было оправдать малейшее отступление от него в глазах Ленина.

Характерный эпизод сохранила в своей памяти старая питерская большевичка Агриппина Ильинична Круглова.

Петроград был ее родным городом. Молодой работницей Груша Круглова вступила в революционное движение и по поручению партии вела большую подпольную работу на Охте в Петрограде. Часто бывала она в семье старого большевика Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича. Там ей и посчастливилось впервые увидеть Владимира Ильича. Летом 1918 года она была вызвана в Москву. Речь шла о ее переезде из Петрограда на новую работу.

Покинуть Петроград? Нет, Круглова себе этого просто не представляла.

— А если ЦК все-таки вынесет решение о вашем переводе на другую работу? Как вы поступите? — спросил ее Владимир Дмитриевич, когда они дружески беседовали в его московской квартире.

— ЦК не вынесет такого решения помимо моей воли.

Как раз в то мгновение, когда прозвучала последняя фраза, дверь комнаты, в которой происходил разговор, отворилась и вошел Владимир Ильич.

Дотоле горячо убежденная в своей правоте, Круглова вдруг почувствовала себя ужасно сконфуженной.

— Ну, а все-таки, как вы поступите, если ЦК вынесет такое решение? — уловив суть дела, спросил Ленин.

— Я выполню решение Центрального Комитета, — ответила она.

— Вот это правильно. Иначе большевик и не может поступить, — сказал Ленин ¹².

Партии всегда виднее, чем тому или иному коммунисту, где он более нужен и полезен. Никогда не сомневалась в этом и Мария Михайловна Костеловская, прошедшая суровую школу большевистского подполья. Но в апреле 1919 года она испытала недоумение. В это время ее назначили начальником политотдела 2-й армии. Меньше всего она, человек невоенный, чувствовала себя готовой к новой роли, да еще столь ответственной. «Как это понять?» — волновалась она. «Понимать так, как есть: решение ЦК. *Времена военные. Все на наиболее трудное*» ¹³, — ответил ей Ленин.

Железную дисциплину Ленин считал одинаково обязательной для рядового коммуниста и руководящего работника. Рассчитывать на поблажки с его стороны не мог никто.

«От Вас неоднократно требовали, чтобы Вы тотчас выехали сюда, — телеграфировал Владимир Ильич в Астрахань одному из старых партийных работников. — Свердлов посылал Вам лично много телеграмм. Если не выедете тотчас, то будете исключены из партии» ¹⁴.

Однажды Владимир Ильич обнаружил непорядки в работе Управления делами Совнаркома. Картотека, в которой Ленин рассчитывал получить ответы на интересующие его вопросы, оказалась в хаотичном состоянии. Владимир Ильич был возмущен. Он тут же написал письмо, в котором, в частности, говорилось: «Нарком за неаккуратность должен быть караем выговором, простым и со внесением в партбилет» ¹⁵.

...Выговор с занесением в партийный билет. Владимир Ильич подчеркнул особую тяжесть этой кары для

наркома, допустившего формальное отношение к проверке исполнения решений, принятых правительством.

Вместе с тем Ленин решительно пресекал попытки с чьей бы то ни было стороны бросить тень на доброе имя человека, преданного партии, честного коммуниста. При решении судьбы партийца он требовал исключительной внимательности и осторожности. В конце ноября 1917 года Владимир Ильич предлагал:

«ЦК устанавливает принцип:

по всем склочным делам и личным обвинениям те, кто выдвигает такие обвинения, не предъявляя точных обвинений перед судом, считается клеветником;

— те, кто считает себя задетым подобными обвинениями, приглашается обращаться в суд»¹⁶.

В начале марта 1921 года Ленин обратился с письмом в Московский комитет партии. В нем Владимир Ильич писал о том, что необходим циркуляр МК «против клеветников, не идущих в Контрольную комиссию и бросающих клеветнические обвинения под видом «критики»»¹⁷.

Известны письма Ленина, адресованные им в декабре 1921 года в Центральную комиссию по проверке личного состава партии. Одно из них было вызвано исключением из партии Надежды Сергеевны Аллилуевой. Владимир Ильич писал, что он лично наблюдал ее работу как секретаря Управления делами СНК. Владимир Ильич хорошо знал всю семью Аллилуевых еще в дореволюционное время. В июльские дни 1917 года, когда жизнь Ильича была в опасности, семья Аллилуевых прятала его у себя. Ленин обращал внимание Центрпроверкома и на то, что отец Аллилуевой оказывал серьезные услуги большевикам еще при царизме.

Комиссия пересмотрела свое решение, и Н. С. Аллилуева была восстановлена в партии.

Тогда же Владимир Ильич написал письмо по поводу исключения из партии Каспаровой-Поповой.

«Она пишет, что находится в совершенном отчаянии по поводу исключения ее из партии и просит меня ходатайствовать перед Центральной комиссией по очистке партии об основательной проверке ее дела, ссылаясь на своего брата Славу Каспарова и на своего мужа Попова, который был направлен т. Свердловым на Дальний Восток и там погиб», — говорилось в этом письме.

Самой Каспаровой-Поповой Ленин не знал, но брата ее, большевика, умершего в эмиграции, помнил хорошо. Ленин просил Центральную комиссию по очистке партии проверить дело об исключении Каспаровой из партии. «Я постараюсь собрать сведения о том, кто мог знать ближе сестру Каспарова»¹⁸, — писал он.

Каспарова была восстановлена в партии.

Теперь, после завершения издания Полного собрания сочинений В. И. Ленина, стали известны многие новые замечательные ленинские документы, связанные с партийным строительством. Они содержат и волнующие примеры ленинского подхода к соблюдению уставных норм партийной жизни, к решению судьбы члена партии.

Весьма поучительным в этом отношении является письмо Ленина «В Московскую губернскую комиссию по проверке и очистке партии» (декабрь 1921 г.). Вызвано оно было тем, что одна из районных комиссий, не дав себе труда глубоко и объективно проверить справедливость тяжелых обвинений, выдвинутых против весьма добросовестного работника Наркомпроса, исключила его из рядов партии.

Высшая мера партийного наказания была применена к этому человеку вопреки единогласному доверию, выраженному ему ячейкой Главполитпросвета, близко знавшей своего коммуниста. Как же можно было пренебречь мнением партийной ячейки, ежедневно наблюдавшей работу этого члена партии, его поведение, не посчитаться с голосом той организации, в которой он состоит на учете? Не был принят во внимание и положительный отзыв о нем члена партии с 1898 года Енукидзе. Так честный человек стал жертвой интриги кое-каких чиновников, которым не пришлась по вкусу его требовательность по работе.

«Невольно является мысль, что чей-нибудь далеко не беспристрастный отзыв (из сослуживцев, например) вроде того, будто это человек «не свой» или «чужой», мог сыграть при этом роль»¹⁹, — писал Ленин.

Московская губернская комиссия по проверке, пересмотру и очистке личного состава РКП(б) восстановила исключенного в рядах партии.

Так непримиримость Ленина к малейшим послаблениям партийной дисциплины, отклонениям от норм партийной этики неизменно сочеталась с исключительной чуткостью к человеку.

* * *

Октябрь двадцатого года. Ленин принимает делегацию александровской уездной партийной организации. Делегаты рисуют Владимиру Ильичу неприглядную картину бесхозяйственности на одном из местных заводов. Не так-то просто удалось им добраться до Москвы. Видимо, люди, которые боялись того, что члены партии вынесут сор из избы, чинили им всяческие препятствия в обращении к центру.

И вот Ленин пишет письмо во Владимирский губком партии.

«...Прошу сообщить мне, какой общий порядок установлен у вас для обращения членов уездпарторганизаций в Москву вообще и в Цека РКП в частности»²⁰, — предлагает Ленин.

По тому же поводу Ленин обращается в Контрольную комиссию РКП(б). Он просит принять делегатов. Излагая кратко суть дела, Владимир Ильич и здесь упоминает об одном из важных вопросов, поднятых делегацией: «...особенно о трудностях для членов партии довести дело до центра и добиться хотя бы даже *партийного* быстрого разбора дела»²¹.

Законом, по которому строится и живет могучая ленинская партия, является ее Устав. Он говорит и о праве каждого коммуниста обращаться в вышестоящие партийные органы вплоть до Центрального Комитета и съезда партии включительно.

Вступил ли человек в ряды ленинской партии еще на рубеже нашего века или только совсем недавно стал ее бойцом — этот день на всю жизнь сохраняется в его памяти. Безмерно дорогим остается у коммуниста воспоминание о получении партийного билета. О многом, очень многом говорит сердцу коммуниста эта скромная красная книжечка. О героическом пути, пройденном славной ленинской партией. Ее великих свершениях и еще более смелых замыслах. О монолитном единстве партии и ее огромном авторитете.

«Примечателен состав КПСС по стажу пребывания в ее рядах, — говорил в отчетном докладе Центрального Комитета партии XXIII съезду Л. И. Брежнев. — Здесь мы видим ветеранов партии, прошедших три революции, коммунистов, закаленных в борьбе за индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства, за великие социалистические преобразования Родины; мы видим здесь и тех, кто связал свою жизнь с партией в тяжелые годы Великой Отечественной войны и кто поднимал Советскую Родину после войны из руин и пепла. Все они в единой армии политических борцов ныне активно строят коммунистическое общество».

Хочешь стать коммунистом — сверяй все свои помыслы с Лениным, живи и трудись по-ленински. Знай, что место в рядах партии лишь достойнейшим из достойных сынов и дочерей нашей Отчизны.

Такого тщательного отбора всегда требовал Ленин. Ленинским духом высокой требовательности к каждому вступающему в ряды партии и к коммунисту проникнуты указания XXIII съезда КПСС.

Дважды за последние годы мне пришлось побывать в партийном комитете московского завода «Серп и молот» в день вручения партийных билетов вновь принятым коммунистам.

Помню, какой прилив светлых, радостных чувств испытывал Анатолий Илларионович Денисов, замечательный прокатчик, подлинный виртуоз своего дела.

Я спросил его о том, когда он впервые в своей жизни увидел партийный билет. Анатолий Илларионович рассказал любопытную историю.

Он был еще школьником, и случилось это в год, когда отец его, Илларион Гаврилович, председательствовал в одном из первых колхозов под Липецком. Както переодеваясь, Илларион Гаврилович вынул из кармана и положил на стол небольшую красную книжечку.

— Она очень заинтересовала меня, — вспоминал Денисов. — Я подошел поближе к столу и хотел ее взять в руки. «Ты еще мал в таких вещах разбираться, — сказал отец. — Когда вырастешь большой, тогда посмотрим, достоин ли ты иметь такую книжечку или нет...»

Анатолий рос. Питомец ремесленного училища столичного металлургического завода стал прокатчиком. Примерным отношением к делу, удорством в труде заслужил уважение товарищей по цеху. После службы в парашютных частях Советской Армии он вернулся на завод еще более зрелым, волевым человеком. Здесь прокатчика из первого на заводе коллектива коммунистического труда, комсомольского вожака приняли в кандидаты партии. Тут он и держал экзамен на свою политическую зрелость, способность оправдать высокое доверие. И вот заветная красная книжечка коммуниста в его руках...

Надежному человеку вручили ее. Движимые такими же благородными чувствами, как Денисов, идут в партию замечательные люди — цвет рабочего класса, крестьянства, советской интеллигенции.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

- ¹ «Вопросы истории КПСС», 1963, № 8, стр. 97.
- ² «Рабочие и крестьяне России о Ленине». Воспоминания. «Советская Россия», 1958, стр. 108.
- ³ «Встречи с Лениным». Воспоминания железнодорожников. Гострансжелдориздат, 1958, стр. 87.
- ⁴ «Рабочие и крестьяне России о Ленине», стр. 287.
- ⁵ «Известия ЦК РКП(б)», 1919, № 8, стр. 1.
- ⁶ «Советский воин», 1958, № 20, стр. 11.
- ⁷ «Советский воин», 1958, № 7, стр. 4.
- ⁸ «Девятый съезд РКП(б)». Протоколы. Госполитиздат, 1960, стр. 424.
- ⁹ «Инструкция организациям РКП(большевиков) о едином партийном билете». «Справочник партийного работника». Госиздат, 1921, стр. 70.
- ¹⁰ «Личное дело члена РКП(б) В. И. Ульянова (Ленина)». М.—Л., «Московский рабочий», 1926.
- ¹¹ «Они встречались с Ильичем». «Московский рабочий», 1960, стр. 147.
- ¹² А. И. Круглова. Моим юным друзьям. Лениздат, 1958, стр. 63.
- ¹³ Ленинский сборник XXXVI, стр. 75.
- ¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 239—240.
- ¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 259.
- ¹⁶ Ленинский сборник XXXV, стр. 9.
- ¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 91.
- ¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 83.
- ¹⁹ Там же, стр. 54.
- ²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 317.
- ²¹ Там же, стр. 318.

ГОРЯЧИЙ ДЕНЬ

Письмо из Стокгольма Ленин получил в Петрограде 21 апреля 1917 года и в тот же день написал ответ своему корреспонденту, члену Заграничного бюро ЦК Якову Станиславовичу Ганецкому.

Ленинское письмо сообщало о внутрипартийных делах, о политической обстановке в столице России, о предстоящем 22 апреля начале работы Всероссийской конференции партии.

«В Питере, — писал Ленин, — все кипит; по поводу ноты правительства со вчерашнего дня идут митинги и демонстрации. Организоваться среди всего этого кипения крайне трудно. Все заняты по горло»¹.

Есть в ленинском письме и такие строчки:

«Сегодня такой горячий день, что написать подробного письма и резолюций по поводу конференции и пр. не можем. Все узнаете из «Правды», которую посылаем».

Горячий день... Какие же события разыгрались в Петрограде 21 апреля? Чем был занят тогда Владимир Ильич?

...18 апреля (1 мая по новому стилю) трудовой Питер впервые свободно праздновал Первомай. На Марсовом поле проходили массовые митинги. Вместе с рабочими Выборгского района здесь в полдень появился Ленин. Он поднялся на импровизированную трибуну и поздравил с праздником рабочих и солдат.

Вечером того же дня Ленин держал речь перед участниками многолюдного митинга — рабочими Охтинских пороховых заводов, солдатами, матросами Морского полигона.

«Когда Ильич вернулся, меня поразило его взволнованное лицо, — вспоминала Надежда Константинов-

на.— Живя за границей, мы обычно ходили на маевки, но одно дело — маевка с разрешения полиции, другое дело — маевка революционного народа, народа, победившего царизм»².

По-своему озаменовало этот весенний день Временное правительство. В своей ноте оно принесло клятву верности союзникам: дескать, не волнуйтесь — не поведем, война до победного конца, за пушечным мясом дело не станет...

Утром 19 апреля нота министра иностранных дел Милюкова была опубликована всеми петроградскими газетами. Она «произвела впечатление разорвавшейся бомбы»³, — писал Владимир Ильич в «Правде» 20 апреля.

«Карты раскрыты. Мы имеем все основания благодарить господ Гучкова и Милюкова за их ноту, напечатанную сегодня во всех газетах»⁴ — так начиналась другая ленинская статья в «Правде».

Петроград бурлил. Полк за полком — 25 тысяч солдат — вышли с оружием из казарм для того, чтобы перед Мариинским дворцом заявить Временному правительству: «Нет!» На заводах и фабриках вспыхивали митинги. Но поспешные и необдуманные действия могли повредить революции, и нужна была ленинская прозорливость, чтобы предостеречь массы от преждевременных шагов. Партия звала к мирным демонстрациям под лозунгом: «Вся власть Советам!»

Более 100 тысяч человек вышло на улицы Петрограда 20 и 21 апреля. Это была мощная демонстрация против антинародной политики Временного правительства, против империалистической войны. Самая внушительная демонстрация состоялась 21 апреля.

Рано утром Центральный Комитет партии обсудил положение, создавшееся в Петрограде. Была принята ленинская резолюция о задачах партии в связи с кризисом Временного правительства. Через несколько часов о ней уже знали на заводах и фабриках, в солдатских казармах, флотских экипажах.

Ровно в 12 часов дня послов Англии, Франции и Италии принял Милюков. Министр иностранных дел еще раз заверял представителей союзников в том, что Россия будет продолжать грабительскую войну до последнего солдата...

«Доверие Временному правительству», — призывала 21 апреля газета «Вечернее время». Там же содержались «аргументы» в пользу доверия Временному правительству. Не оно ли заботится об инвалидах. Стал человек на войне калекой — не беда. Вот на выбор «Места для инвалидов»: целых четыре предложения только в одном номере «Вечернего времени»! Временное правительство денно и нощно «печется» о продовольственных нуждах народа. Есть и тому неоспоримые доказательства: «С 3 часов утра у городских мясных лавок хвосты, выросшие в 7 часов до 500—600 человек, к этому нужно еще причислить отдельные солдатские хвосты».

Газета вынуждена была признать, что полное разочарование ожидает людей, часами выстаивающих в очередях и за другими продуктами...

Наступила вторая половина дня 21 апреля. Колонны демонстрантов пошли от рабочих окраин к центру. Впереди — отряды Красной гвардии.

О событиях горячего дня рассказывает Н. К. Крупская:

«21 апреля я должна была встретиться с Ильичем у Данского. Мне был дан адрес: Старо-Невский, 3, и я прошла пешком весь Невский. Из-за Невской заставы шла большая рабочая демонстрация. Ее приветствовала рабочая публика, заполнявшая тротуары. «Идем!» — кричала молодая работница другой работнице, стоявшей на тротуаре. — «Идем, всю ночь будем ходить!» Навстречу рабочей демонстрации двигалась другая толпа, в котелках и шляпках; их приветствовали котелки и шляпки с тротуара. Ближе к Невской заставе преобладали рабочие, ближе к Морской, около Полицейского моста, было засилье котелков... «Перебить бы всех этих мерзавцев», — кипятился какой-то котелок. Класс против класса! Рабочий класс был за Ленина»⁵.

На Невском проспекте собрался весь черносотенный сброд. Еще днем у Екатерининского канала было совершено нападение на одну из колонн демонстрантов. Офицер с обнаженной саблей бросился на рабочих. Вечером юнкера пытались вырвать знамя, которое несли путловцы. Не получилось. Но сторонники Временного правительства продолжали бесчинствовать.

«Эти последние и не подозревали, — вспоминал Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, возглавлявший колонну Песковского района, — что по личной инициативе Владимира Ильича, прекрасно изучившего природу уличного боя, при разработке плана демонстрации, «на всякий случай», как выразился тогда Владимир Ильич, контрдемонстранты были взяты в тройные клещи пролетарских отрядов и колонн «мирной вооруженной демонстрации» рабочих Петрограда. Они, очевидно, об этом сообразили после, когда пытались удирать с Невского и все время сталкивались лицом к лицу со стоявшими рабочими Песковского, Невского и других районов или с демонстрирующими колоннами, шедшими по всем улицам, перпендикулярным Невскому, готовыми замкнуть в мышеловку представителей буржуазии и всех друзей Временного правительства и таким образом разделить силы контрдемонстрантов в любой момент, если бы потребовалось, и раздавить насмерть любую их часть, приперши к домам левой стороны Невского»⁶.

Главкомандующий Петроградским военным округом генерал Корнилов попытался заговорить с рабочими языком пушек. Двум батареям Михайловского артиллерийского училища было приказано занять огневые позиции на Дворцовой площади. Тоже не вышло. Почему? Генерал объяснял потом в махровой черносотенной газете «Вечернее время», что, дескать, через пять минут он одумался и отменил свой приказ. Не в том, разумеется, дело. Большевики действовали и среди артиллеристов.

Солдатам гренадерского полка приказали занять исходные позиции у дворца Кшесинской. Гренадеры должны были атаковать «штаб-квартиру ленинцев». Но у солдат были другие планы.

«Через полчаса после этого распоряжения последовало новое распоряжение, по которому было приказано солдатам гренадерского полка оставаться в казармах», — гласило опровержение главнокомандующего, появившееся на страницах «Русской воли» — одной из наиболее гнусных буржуазных газет.

Особое задание получили «шляпки» с телефонной станции: не давать Ленину связаться из редакции «Правды» с руководящими партийными центрами.

Весьма интересный документ появился в этой связи шестью днями позже на страницах «Правды»: постановление центрального комитета городских служащих по поводу некоторых телефонисток, которые 21 апреля «отказались соединять телефон т. Ленина и дворец Кшесинской». За совершенно недопустимое их поведение им было объявлено строгое порицание...

Накануне горячего дня на страницах «Правды» появилось несколько извещений исполнительной комиссии Центрального Комитета партии. Все они были связаны с подготовкой к открытию Всероссийской конференции партии.

Со всех концов России съезжались делегаты. Места в гостиницах, естественно, им были недоступны, и исполнительная комиссия обращалась к петроградским товарищам с просьбой «оказать содействие по приисканию квартир и ночлегов для приезжающих на конференцию 22 апреля».

Делегатам сообщались координаты дежурных во дворце Кшесинской, принимавших гостей. И в том же номере «Правды» можно найти такое приглашение:

«Просим товарищей, умеющих стенографировать, помочь записывать прения и речи на Всероссийской Конференции, созываемой ЦК РСДРП на 22 апреля. С заявлениями обращаться по адресу: Дворянская, 2, от 9 до 9 час. вечера».

Поиски участников событий горячего дня привели меня к члену КПСС с 1914 года В. Ф. Алексеевой. Валентина Федоровна работала в то время в Бюро печати Центрального Комитета партии. Оказалось, что она посвящена во все детали приглашения стенографисток на конференцию.

Дело было так. В Таврический дворец к думским стенографисткам явился Глеб Иванович Бокий, принимавший деятельное участие в подготовке конференции.

— Не будем с немецкими шпионами работать, — заявили истеричные дамы...

Поручение пригласить стенографисток получила и Валентина Федоровна Алексеева. Она приехала на Петроградскую сторону, нашла нужный дом, позвонила в квартиру, спросила, здесь ли живет стенографистка.

— Это как раз я, — отозвалась женщина, открывшая дверь.

— Я приехала к вам переговорить, не можете ли вы вести стенограмму Всероссийской конференции большевиков, — сказала Алексеева.

— Больше-ви-ков? — ужаснулась парламентская стенографистка.

— Она сразу вытянулась, приняла агрессивную позу, — вспоминает Валентина Федоровна. — Нет, с большевиками я не работаю. И со всей силой захлопнула за мной дверь...

Тем и кончилась попытка пригласить на конференцию квалифицированных стенографисток.

События горячего дня нашли свое отражение на страницах «Правды». Ленин написал в тот день статью, редактировал материалы. Телефонный инцидент — лишь маленькая иллюстрация, показывающая, в каких условиях приходилось работать Ильичу.

«На грех, «Правда» помещалась на Мойке, у самого Невского, где жила такая публика, что на ее симпатии к большевикам нечего было рассчитывать, — рассказывала Мария Ильинична Ульянова. — Когда страсти особенно разгорались, как это было, например, во время демонстрации 20—21 апреля, в редакцию и типографию «Правды» вызывалась охрана. Однажды вечером, когда Ильич был в редакции, прибежал кто-то из товарищей и убедил его уехать оттуда: враждебная манифестация была у самой редакции. На извозчике в сопровождении солдата с винтовкой Владимир Ильич уехал из редакции на квартиру одного знакомого на Невском, 3».

На что была способна русская бульварная печать, хорошо известно. Верная своим нравам, «Биржевка» сообщила 22 апреля: «Поздно ночью по городу разнесся слух о том, что В. И. Ленин покинул Петроград».

Другой пасквильантский листок называл и место, где находился Ленин, — Москва. А где же был в действительности Ильич в тот день, когда продажная пресса распространяла этот вздор? Он вел последнее (четвертое) заседание Петроградской общегородской партийной конференции.

«Ленин нашелся», — оповестило читателей «Вечернее время» 24 апреля. И где же, вы думаете? В Иваново-Вознесенске. Там он, оказывается, «ведет усиленную агитацию в духе ленинских идей». Это «достовер-

ное» сообщение редакция получила по телефону от своего московского корреспондента.

Владимир Ильич действительно вел в этот день агитацию «в духе ленинских идей». Но происходило это в Петрограде, в здании Женского медицинского института. Там вступительной речью Ленина в 10 часов утра открылась историческая Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция нашей партии...

В силу ряда обстоятельств открыть конференцию в объявленный день не удалось. Началась она на два дня позже.

Быстро бегали перья и карандаши в руках секретарей, которым поручили вести протоколы конференции. Это были преимущественно студенты-большевики. Место одной из стенографисток заняла Валя, как тогда звали партийные товарищи В. Ф. Алексееву.

День 21 апреля в Питере Ленин назвал «горячим». Но какой из последующих дней не был заполнен у него до края, не отмечен типичным ленинским горением?

...Идет Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция нашей партии. Ленин руководит всей ее работой. И все же выкраивает время, чтобы побывать на открытии рабочего политического клуба «Искра» и выступить там с речью.

В один из дней конференции Владимир Ильич произносит речь на митинге, в другой пишет предисловие к книге «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Какая поистине титаническая работоспособность!

Работа исторического форума партии подходила к концу, когда Владимир Ильич получил приглашение выступить на фронтовом съезде делегатов из действующей армии. Воспользоваться им, однако, он не смог. Ответ, посланный Владимиром Ильичем президиуму этого съезда, позволяет нам представить себе обстановку еще одного горячего ленинского дня в апреле 1917 года.

«Дорогие товарищи! — писал Ленин. — Я получил Ваше приглашение и от всей души благодарю за него. Очень прошу извинить меня, что я абсолютно лишен возможности быть сегодня у Вас ввиду принятых мною обязательств перед Всероссийской конференцией нашей партии.

Конференция задержалась, просидит, вероятно, всю ночь, и я не могу стлучиться ни на минуту.

С товарищеским приветом.

*Н. Ленин»*⁷

Для счастья народа жил, боролся и творил великий Ленин. О нем он думал до последнего своего мгновения.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

- ¹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 439.
- ² *Н. К. Крупская*. Воспоминания о Ленине. Госполитиздат, 1957, стр. 285.
- ³ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 290.
- ⁴ Там же, стр. 297.
- ⁵ *Н. К. Крупская*. Воспоминания о Ленине, стр. 285—286.
- ⁶ *В. Д. Бонч-Бруевич*. Воспоминания о Ленине. М., изд-во «Наука», 1965, стр. 79.
- ⁷ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 439—440.

ДОКЛАДЧИК МК

ПО СЛЕДАМ ЛЕНИНСКОЙ ТЕЛЕФОНОГРАММЫ

13 мая 1922 г.

Тов. Розмирович!

В ответ на Ваше отношение № 96/сек. от 8/V сообщаю:

Я не помню. Может быть, проверка возможна 1) через тогдашние газеты, 2) через комитет того района или того завода, про который Вы спрашиваете, 3) через агитаторов и пропагандистов, которые тогда выступали в Москве, ибо я с кем-либо из них почти всегда сталкивался.

Ленин

(Телефонограмма В. И. Ленина
в Верховный трибунал.

Полн. собр. соч., т. 54, стр. 257—258).

Весна двадцать второго года. Начиналась новая знаменательная пора в жизни молодой Советской республики. Пришло долгожданное время созидания.

«Первый год мы имеем возможность посвятить свои силы настоящим, главным, основным задачам социалистического строительства», — говорил В. И. Ленин, открывая XI съезд партии.

Чем же занят Ленин в те дни? Его рекомендации и советы определяют программу выступления советской делегации на Генуэзской конференции. Владимир Ильич неослабно следит за работами по строительству Каширской электростанции и за переговорами о поставках из Америки в Советскую Россию сельскохозяйственных машин. Он занимается делами Волховстроя и проявляет живой интерес к организации Нижегородской ярмарки. Заботится о нуждах публичной библиотеки и хлопочет о выделении средств для группы артистов Московского Художественного театра, возвращающейся из-за границы на Родину...

То немного, что мы знаем о делах Владимира Ильича 13 мая, также в какой-то мере позволяет войти

в курс его напряженной партийной и государственной деятельности.

...Строится в Москве радиотелефонная станция. Ленин разговаривает по телефону с инженером Павловым, расспрашивает его о стройке, делает для себя заметки на память. Выяснить, не задерживают ли академика Лазарева, руководителя работ по исследованию Курской магнитной аномалии, перебои, заминки в финансировании — такова сущность поручения, которое Ленин возлагает на одного из ответственных работников Совнаркома...

Наше внимание привлекла датированная этим днем телефонограмма Владимира Ильича в Верховный трибунал ВЦИК.

В связи с подготовкой судебного процесса эсеров возникла надобность уточнить некоторые обстоятельства, связанные со злодейским покушением на Ленина 30 августа 1918 года.

С просьбой ответить на вопрос, состоялось ли его выступление в тот день на Хлебной бирже, в Басманном районе, до поездки на завод б. Михельсона, было решено обратиться непосредственно к Владимиру Ильичу.

«Я не помню», — ответил телефонограммой Ленин и порекомендовал три источника, по которым проверка этого факта могла быть возможна.

Первым из них он назвал «тогдашние газеты»...

Перед нами номер «Правды», вышедший в пятницу 30 августа восемнадцатого года. Бросается в глаза крупное объявление, которым открывается этот номер газеты:

«Московский комитет Российской Коммунистической партии устраивает в пятницу 30 августа большие митинги на тему «Две власти» (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии)».

Имя Ленина и на этот раз названо первым в ряду докладчиков. Будут выступать на митингах также Свердлов, Луначарский, Стеклов, Петровский.

Здесь же сообщаются и адреса: ...Для Басманного района — здание Хлебной биржи, Гаврикова площадь. Для Замоскворецкого района — Щипок, завод Михельсона. Оба эти адреса вписаны в путевку Ленина, посланную ему Московским комитетом партии,

...Старожилы-москвичи помнят массовые митинги, проводившиеся с весны восемнадцатого года в столице по пятницам. Перед рабочими, крестьянами, бойцами Красной Армии выступали члены Центрального Комитета партии и правительства, народные комиссары, руководители московской партийной организации, Московского Совета, профсоюзные работники.

«Кому где выступать, решал обычно Московский комитет партии и агитотдел ВЦИК,— вспоминала Клавдия Тимофеевна Новгородцева (Свердлова).— Участвовал в распределении докладчиков и Секретариат ЦК. Мне неоднократно приходилось звонить Владимиру Ильичу и ставить его в известность, где ему в очередную пятницу предстоит выступить. Владимир Ильич внимательно выслушивал и неизменно говорил: «Хорошо, хорошо, спасибо, что предупредили, обязательно буду».

Не было случая, чтобы Владимир Ильич сослался на занятость, чтобы уклонился от выступления перед рабочими. Ни разу Ленин не пропустил собрания, никогда не опаздывал и не заставлял себя ждать»¹.

...Самые жгучие, самые животрепещущие вопросы дня находят отклик в речах, докладах Владимира Ильича на «пятничных» митингах.

«Советская республика в опасности» — тема его речей на митингах в Варшавском революционном полку, в Замоскворецком, Бутырском районах и на митинге красноармейцев на Ходынке в первую из августовских «пятниц» восемнадцатого года. В тот же день он успевает напутствовать московских агитаторов, отправляемых на Восточный фронт.

Наступает следующая пятница. Многолюдно вечером на Сокольническом кругу. Огромное воодушевление трудящихся Сокольнического района, собравшихся на свой митинг, вызывает появление Ленина. Владимир Ильич говорит о том, что у всех наболело на душе: «Пятый год мировой бойни».

Два выступления приходится на его долю в пятницу 23 августа 1918 г.

— Товарищи, сегодня наша партия устраивает митинги на тему о том, за что боремся мы — коммунисты,— начинается свою речь Владимир Ильич на одном из митингов в алексеевском Народном доме.

«Вчера митинг прошел так, как давно уже не проходили митинги. Весь зал Политехнического музея был переполнен,— говорилось в сообщении Городского райкома партии в Московский комитет РКП(б) по поводу выступления Ленина в тот же день на митинге.— ...Как будто бы чутьем угадали, что будет выступать Ленин, и нахлынули»².

Хорошо была знакома Ленину дорога на завод б. Михельсона. Не одну «пятницу» провел он здесь. Каждое выступление Ленина еще больше укрепляло веру в рабочем коллективе в конечную победу Советской власти, пресбуждало в нем творческие силы.

Могли послушать выступления Владимира Ильича на этом предприятии и жители соседних улиц. Но вместе с настоящими патриотами Родины среди гостей нет да и оказывался демагог, шкурник. Об одном таком случае рассказывает член КПСС с 1905 года Раиса Андреевна Сковно.

«Когда Ленин начал свою речь, стали раздаваться недружелюбные голоса,— вспоминает она.— «Хлеба! Дайте хлеба!»

Владимир Ильич очень спокойно посмотрел в сторону кричавших. А там сидело несколько толстых румяных женщин, похожих на замоскворецких купчих.

Владимир Ильич им ответил:

— Да, хлеба у нас сейчас нет. Это правда. Но он у нас будет. Обязательно будет. Мы общими силами этого добьемся. А кто вам обещает немедленно хлеб? Враги, враги Советской власти. Но смотрите в оба: обещают хлеб, а дадут камень.

Рабочие с одобрением встретили слова Ленина. Зашикали на обывательниц и заставили их замолчать»³.

Большое оживление царило по «пятницам» и в клубе Главных вагонных мастерских Московско-Курской железной дороги.

Почувяв живой интерес железнодорожников к важнейшим политическим событиям, местные эсеры и меньшевики пытались захватить инициативу на митингах.

Дадут коммунисты бой прихвостням буржуазии, а к ним на выручку спешат более маститые демагоги и крикуны.

— Как бы Ленина в докладчики заполучить? — стали помышлять коммунисты мастерских. — Пусть попробуют тогда заявиться эсеровские вожаки!

Пригласить Ленина на митинг партийная ячейка поручила одному из своих активистов — Иосифу Даниловичу Панферову. С ним отправился и секретарь завкома Иван Михайлович Алешин. Да вот беда: застать Ленина в Кремле им не удалось. Хотели дожидаться Владимира Ильича, но, когда он вернется, не было известно. Поручиться за то, что Ленин сумеет выступить на митинге, дежуривший в приемной секретарь не мог. Передать же Владимиру Ильичу просьбу железнодорожников обещал тотчас, как он появится. И еще уверил, что хорошего докладчика найдут и на митинг в мастерские пришлют.

Другого решения ожидать нельзя было. Тем не менее, возвращаясь из Кремля, оба делегата журили друг друга за то, что послушались секретаря и не стали дожидаться Владимира Ильича.

Настал и день митинга. Перед самым его началом Панферов оказался на территории станции Москва-II. Тут-то судьба и свела его с Лениным, искавшим клуб Главных вагонных мастерских.

На машине Владимир Ильич доехал до Рогожской заставы. Дальше пошел пешком. Идти надо было напрямик, по старой Владимирской дороге. Отклонившись, Ленин оказался на станции Москва-II.

День был погожий, и перед тем как войти в клуб, железнодорожники коротали время в своем скверике. Пожалуй, здесь, под открытым небом, и начинался клуб. Люди говорили, спорили о том, что больше всего их волновало. На одну из скамеечек подсел Владимир Ильич.

«Ленин был в кепке, осеннее пальто расстегнуто, под ним виднелся темно-коричневый костюм, — вспоминает И. М. Алешин. — По своему внешнему виду Владимир Ильич не выделялся из окружающих и походил на опрятно одетого квалифицированного рабочего. Его не узнали».

Между тем молва о том, что Ленин может появиться на митинге, шла по мастерским. Панферов и Алешин беседовали с Владимиром Ильичем, когда к ним подошел один из рабочих.

«Тут слух прошел, что Ленин приедет, и я вот домой из-за этого не ушел...— сказал железнодорожник. При этом он показал на свои выдавшие виды башмаки, которые собирался в этот день отдать в починку.— Так как? Будет Ленин или нет?..

— У Владимира Ильича мелькнули веселые искорки в глазах, но он ничего не сказал,— вспоминает далее Алешин.— Молчал и Панферов. А я в ответ неопределенно пожал плечами...»⁴

Между тем зал клуба оказался до того переполнен, что протиснуться к сцене было невозможно. Владимира Ильича проводили через запасный ход, со двора. Ожидая открытия митинга, он расспрашивал железнодорожников о жите-быте их товарищей. Был очень обрадован тем, что из Самарской губернии прибыл поезд, доставивший для рабочих мастерских пшеницу.

Восторженно встреченный участниками митинга, Ленин начал свою речь.

Тяжелые времена переживала тогда страна. Но каждый, кто слушал выступление Владимира Ильича, думал про себя: «Никогда не повернуть капиталистам вспять колеса истории. Мы за себя постоять сумеем».

Многое зависело и от транспортников. И на эту сторону дела Ленин обратил особое внимание. Он звал рабочих Главных вагонных мастерских крепить трудовую дисциплину. Затронул и одно нездоровое явление, о котором ему стало известно.

«К сожалению, и среди честных рабочих встречаются такие, которые вместо того, чтобы ремонтировать вагоны, делают зажигалки и сковородки, не выходят на работу,— вспоминает слова Владимира Ильича участник митинга Алешин.— Надо разъяснять этим товарищам, что они поступают неправильно, что они рубят сук, на котором сидят. Ведь в кармане никто хлеба не перевезет — нужны тысячи и тысячи вагонов и следует по-настоящему взяться за их ремонт...»

Великолепное пропагандистское мастерство, умение влить в массы революционную энергию, будить в них новые, свежие силы отличали все выступления Ленина.

Уже позднее, в сентябре двадцатого года, перед получением единого партийного билета, Ленин отвечал на вопросы анкеты, заполнявшейся при перерегистрации членов московской организации РКП(б).

«На какие темы Вам приходилось выступать перед рабочими и крестьянами или читать лекции?» — гласил один из них.

«Большей частью на политические»⁵, — ответил Ленин.

Ленинские «пятницы» служат тому ярким примером. Если же говорить об общем количестве выступлений Ленина со времени переезда Советского правительства в Москву, то оно превышает двести пятьдесят. Слышали выступления Владимира Ильича и крестьяне двадцати подмосковных деревень. «...В списке агитаторов и пропагандистов Московского комитета товарищ Ленин считался самым исправным и, разумеется, наиболее ценным оратором»⁶, — рассказывал один из секретарей Московского комитета партии.

Своя примечательная история и у ленинской путевки, выписанной МК РКП(б) 30 августа 1918 года. Однажды, в том же восемнадцатом году, быть может, незадолго до интересующих нас событий, к Ленину обратился за советом по одному важному делу старый партийный работник Александр Яковлевич Аросев, известный в более поздние годы как советский дипломат, председатель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, писатель. Беседа коснулась и так называемых социалистов-революционеров.

— Да ведь эсеры делаются заговорщиками против Советской власти... Они просто стрелять в нас будут⁷, — сказал Ленин.

События подтвердили ленинские слова. Один за другим раздавались выстрелы из-за угла. У всех еще свежо было в памяти злодейское убийство Володарского. Утром 30 августа в Москву пришла еще одна тяжкая весть: в Петрограде убит Урицкий.

В тот же день состоялось расширенное заседание бюро Московского комитета партии, на котором присутствовали секретари районных комитетов. Проверялась подготовка к митингам.

Проводил совещание секретарь Московского комитета В. М. Загорский. В числе других на нем присутствовала и Татьяна Федоровна Людвинская, тогда секретарь Сущевско-Марьинского райкома РКП(б) Москвы, член Московского комитета партии. Я побывал у Татьяны Федоровны, чтобы с ее помощью восстановить не-

которые подробности, относящиеся к «пятничным» митингам и выступлениям на них Ленина.

— Давайте начнем,— предложил Загорский, когда все приглашенные на совещание были в сборе,— рассказывает Татьяна Федоровна.

Первым поднял руку представитель Замоскворецкого района.

— У нас выступает Ленин. Он дал согласие.

Загорский возразил:

— Ночью заседало бюро МК. Мы решили просить Владимира Ильича, чтобы он завтра не выступал. Есть сведения, что в ряде городов были террористические акты.

Сидела Татьяна Федоровна на том совещании вблизи стола, на котором стоял телефон.

— Товарищ Таня, соедините меня с Владимиром Ильичем,— попросил ее Загорский.

— Я взяла трубку,— продолжает свой рассказ Татьяна Федоровна.— Попробовала один раз соединиться — телефон Владимира Ильича занят. Другой раз — никто не отвечает. А Загорский в это время вышел в другую комнату. Как раз через минуту, когда он вышел, и Ленин оказался у телефона.

— Владимир Ильич, я звоню по просьбе товарища Загорского,— обратилась к нему Людвинская.— Он вышел. Чтобы не отнимать у вас лишнего времени, я вам скажу, по какому поводу. У нас сейчас происходит заседание Московского комитета. Мы решили вас просить, чтобы вы сегодня нигде не выступали, хотя и послали вам путевку. Сегодня ситуация изменилась...

И Татьяна Федоровна, знавшая Ленина еще со времени конференции петербургской организации РСДРП в Териоках в октябре 1907 года, стала всячески отговаривать его от выступлений на митингах.

— Хорошо, хорошо. Все это известно,— возразил Ленин.

Тут подоспел к разговору Загорский. Не помогли и его уговоры.

— Вы член московской организации,— прибег к последнему своему доводу секретарь МК.— Вы считаете, вероятно, что дисциплина для вас обязательна так же, как и для нас...

— Да, да! Для меня, конечно, обязательна дисциплина, как для каждого члена партии,— ответил Ленин.— Но в данном случае каждый из нас обязан быть с массой, с ней советоваться. Это будет не нарушение, а мой долг,— сказал в заключение Владимир Ильич.

Все возможное, чтобы отговорить Ленина от выступлений на митингах в этот день, предпринимала и Мария Ильинична Ульянова.

— Посмотрю, как выйдет,— отвечал он.

Вышло же так, что из рабочего кабинета в квартиру Владимир Ильич пришел уже в пальто и тут же уехал...

Раскроем вновь комплект «Правды». Вот и номер газеты, вышедший на следующий день, в субботу 31 августа.

На первой странице леденящие душу слова извещения Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов: «...Ленин ранен... Предательски, из-за угла, двумя выстрелами... при выходе с митинга на заводе Михельсона...»

Над всей полосой шапка:

«Урицкий убит, Ленин ранен,— гласит она.— Руками правых эсеров русские и союзные капиталисты хотят снять голову с рабочей революции».

Выступал ли Владимир Ильич на Хлебной бирже, в Басманном районе? Да, конечно. Ведь первым в его путевке был обозначен именно этот адрес. К назначенному времени, в 6 часов 30 минут вечера, он и прибыл туда.

По газетному отчету, появившемуся в «Правде» 31 августа 1918 года, мы имеем возможность ознакомиться с содержанием речи Ленина. Она помещена и в собрании его Сочинений.

Но обращение к номеру «Правды», о котором идет речь, позволяет узнать и некоторые подробности, связанные с выступлением Владимира Ильича на первом митинге.

«В большом зале Хлебной биржи среди других выступил тов. Ленин, встреченный оживленными приветствиями рабочих и крестьян,— говорится во вступительной части газетного отчета.— В краткой сильной речи тов. Ленин провел на ряде ярких примеров параллель между властью буржуазии и властью трудящихся...»

Вторым источником в упомянутой выше телефонограмме В. И. Ленин назвал партийный комитет района или завода, где должно было проходить выступление.

Найти кого-либо из бывших партийных работников Басманного (теперь Бауманского) района мне показалось заманчивым. Какими подробностями сумеют они дополнить газетный отчет о выступлении Ленина на Хлебной бирже?

На одном из вечеров, посвященных памяти Марии Ильиничны Ульяновой, меня познакомили со старой партийной журналисткой Екатериной Михайловной Ямпольской. Она прошла замечательную школу в газете московских большевиков «Социал-демократ», а после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву стала работать в «Правде». Была помощником Марии Ильиничны Ульяновой — в то время секретаря редакции газеты. Выполняя поручения «Правды», Екатерина Михайловна не раз присутствовала на выступлениях Ленина, некоторые из них записывала.

Оказалось, что Е. М. Ямпольская и была как раз осенью 1918 года секретарем Басманного райкома партии.

— Какая тяга была у Ленина к массам! — первое, что сказала она, вспоминая историю выступления Владимира Ильича на Хлебной бирже. — Что значит вождь нового типа! Митинг у меня отпечатался в памяти. Есть вещи, которые запоминаются на всю жизнь...

И Екатерина Михайловна воспроизводит в своем рассказе волнующие подробности, связанные с событиями того дня, 30 августа восемнадцатого года.

...Выступит Ленин. Надо ли говорить о том, как был обрадован этой вестью партийный актив Басманного района, принимавший участие в подготовке очередного «пятничного» митинга на Хлебной бирже!

Но в самые последние часы перед его началом секретарей райкомов партии уже второй раз в течение этого дня вызвали в Московский комитет партии. Их поставили в известность о последних террористических актах эсеров. Московский комитет предложил Ленину сегодня не выступать. И как ни хотелось товарищам из Басманного района увидеть и услышать у себя Владимира Ильича, они целиком разделяли предосторожность, проявленную Московским комитетом партии.

В назначенный час митинг начался. На трибуну поднялась Александра Михайловна Коллонтай. Ее соби-рался сменить Емельян Ярославский.

У одного из окон зала Хлебной биржи, выходявшего на Гаврикову площадь, примостилась Ямпольская. В какое-то мгновение она заметила на улице необыч-ное оживление. И вот уже народ устремился к зда-нию...

Что же произошло? Ведь митинг уже начался.

Екатерина Михайловна тут же направилась к вы-ходу, чтобы узнать, в чем дело. И в тот же момент спу-стился с трибуны и энергичным шагом пошел кому-то навстречу Ярославский. В зал вошел Ленин.

Е. М. Ямпольская сохранила в своей памяти еще один эпизод, относящийся к поездке Ленина на ми-тинги 30 августа.

— Дня через два-три после ранения Владимира Ильича я шла в Московский комитет партии, — расска-зывает она. — У входа в гостиницу «Дрезден» я встре-тила Марию Ильиничну. Она выглядела похудевшей, осунувшейся. Разговор сразу зашел о страшном горе. И тут выяснилась новая подробность.

Хотя Ленин пришел из рабочего кабинета домой уже одетый, в пальто, чтобы поехать на митинг, Мария Ильинична и тут попыталась еще раз его отговорить. Тогда он попросил ее принести из рабочего кабинета какой-то справочник. Пока она искала книгу, Влади-мир Ильич ушел.

Мы обратились уже к двум источникам, по которым работники Верховного трибунала могли в свое время проверить, состоялось ли выступление Ленина в день 30 августа восемнадцатого года на Хлебной бирже. Но есть еще и третий.

«Через агитаторов и пропагандистов, которые тогда выступали в Москве, ибо я с кем-либо из них почти всегда сталкивался», — ответил Ленин на адресованный ему вопрос.

Через агитаторов и пропагандистов... Это Коллон-тай, Ярославский, выступавшие на митинге. Это и Александр Яковлевич Аросев, имя которого мы уже упоминали. Он хорошо помнит день митинга на Хлеб-ной бирже, когда с большим трудом протискивался к трибуне, чтобы лучше слышать Ленина.

— На сцене сидел Емельян Ярославский в ожидании слова, — вспоминал Аросев, — а Владимир Ильич, то отступая, то наступая, говорил с народом. При этом он, как всегда, был весел, прост, мятежен и, как всегда, какими-то невидимыми волнами связывался с публикой: казалось, она не слушает, а дышит его словами, и манера у него говорить не только со всеми, а с каждым. Этим он существенно отличался от многих из наших очень заслуженных ораторов.

Проводить Владимира Ильича в Замоскворечье имел поручение старый коммунист Федор Шабловский.

— Не беспокойтесь, мы хорошо знаем дорогу, — сказал ему Владимир Ильич, садясь в машину. — Спасибо, ничего не надо.

Вернувшись поздно вечером домой с митинга во введенском Народном доме, Аросев узнал о злодейском покушении на Ленина.

— Огнями задрожали в моем воспоминании Ильичевы слова: «Они просто стрелять будут в нас», — рассказывает Аросев.

Отчего же перед началом судебного процесса над эсерами летом двадцать второго года Верховный трибунал, отлично знавший о месте ранения Ленина, интересовался и тем, состоялось ли его выступление перед этим на Хлебной бирже?

Выслеживая Ленина, убийцы, именовавшие себя социалистами-революционерами, не раз подстерегали его одновременно на нескольких митингах, где он мог появиться. Так было и в день 30 августа восемнадцатого года.

Эсерам удалось завербовать нескольких «боевиков» из рабочих, которым и было поручено произвести предательский выстрел.

Еще до 30 августа один из них явился на большой митинг, где выступал Ленин.

«Сочувствующих среди рабочих не нашлось — Ленина встретили восторженными криками и громом аплодисментов, — давал позже показания на суде «боевик»... — Я выслушал речь и ушел. Стрелять я не мог и не стал».

Бесилась верхушка эсеровской банды. Но от ставки на обманутых рабочих-«боевиков» не отказалась. Заслали «боевика» 30 августа и на Хлебную биржу.

Передо мной номер «Правды», вышедший 22 июля 1922 года. «Тридцать седьмой день суда» — озаглавлен отчет об утреннем заседании, происходившем накануне. Здесь и можно найти эпизод, имеющий прямое отношение к митингу на Хлебной бирже 30 августа 1918 года. Оказывается, в этот день «боевика» вызвали на явочную квартиру эсеровских убийц в Сыромятники. У него был при себе испанский браунинг. «Шеф» террористов надрезал пули для браунинга перочинным ножом и посыпал их каким-то порошком.

Когда митинг на Хлебной бирже окончился и «боевик» возвращался домой, его встретил другой сообщник.

— Не могу стрелять, — сказал «боевик».

— Правильно делаешь, — ответил тот. Сам он дежурил на митинге железнодорожников.

Рабочая рука не поднималась на Ленина. Нажать курок смогла лишь активная деятельница партии правых эсеров террористка Каплан.

Стреляя в Ленина, контрреволюция целилась в мозг партии и народа.

— На террор буржуазии ответим красным террором трудящихся масс, — таким было решение актива московской партийной организации, принятое на другой день после злодейского покушения на Владимира Ильича.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

- ¹ К. Т. Свердлова. Яков Михайлович Свердлов. «Молодая гвардия», 1960, стр. 408.
- ² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 569.
- ³ «Наш Ильич». Сборник воспоминаний старых большевиков Замоскворечья о встречах с В. И. Лениным. «Московский рабочий», 1960, стр. 23—24.
- ⁴ «Встречи с Лениным». Воспоминания железнодорожников. Изд. 2, доп., М., 1962, стр. 130.
- ⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 468.
- ⁶ «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, Госполитиздат, 1957, стр. 151.
- ⁷ А. Я. Аросев. Наш Ильич. Сб. «О Владимире Ильиче Ленине». Воспоминания. М., Госполитиздат, 1963, стр. 418.

РОЖДЕНИЕ ГЕРБА

Рождению нашего Государственного герба посвящены страницы многих газет и журналов. Об этом сложены полные патриотической гордости современников стихи и песни.

Поэт Ярослав Смеляков вдохновенно изобразил сцену обсуждения проекта герба у Ленина, в его нетопленном кремлевском кабинете.

Рядом с Ильичем сидят за столом кузнец, жнея, ткачиха и батрак. Не с пустыми руками пришли они держать важный государственный совет. Каждый из них принес для будущей эмблемы свою долю, свою лепту: кузнец — молот, крестьянка — острый серп, батрак — тяжелый сноп в колосьях и цветах, ткачиха — свиток кумача. Тут же молот соединили с серпом, обвили его кумачом.

Не смог сстаться безучастным в этом торжественном акте и солдат, стоявший на посту в дверях. Он захотел отдать свою винтовку для герба. Но вождь сказал воину, чтобы тот не упустил винтовку из рук. И солдат с тех пор стоит на страже герба.

Такова поэтическая версия о происхождении нашей государственной эмблемы. Но нельзя ли проследить за развитием событий по документам, реликвиям?

...Музей революции. Здесь в одном из залов экспонируется образец Государственного флага, разосланного Народным комиссариатом по иностранным делам в первые месяцы Советской власти в другие страны. На нем начертаны пять букв: РСФСР. Эмблемы на флаге еще нет.

Небезынтересно, что в музей этот образец нашего первого флага попал из Копенгагена. Его подарил датский коммунист Вальтер Стельсиг.

Флаг без эмблемы? Да, так сложилась обстановка, что не сразу удалось ее выработать.

Характерная беседа происходила в конце января 1918 года между Лениным и делегацией крестьян, прибывшей к нему в Петроград из Брейтовской волости Ярославской губернии.

Владимир Ильич подробно интересовался обстановкой в деревне, настроениями крестьян.

«Я спросил, правильно ли мы организовали в волости власть в виде Совета Народных Комиссаров, — вспомнил об этой встрече один из делегатов, крестьянин деревни Заручье, Маслов-Варсягин. — Улыбнувшись, Владимир Ильич ответил:

— И это хорошо. Оставьте пока все, как есть. Скоро у нас будет Конституция, и тогда станет ясно, какие должны быть органы власти на местах»¹.

Перед отъездом делегаты высказали Владимиру Ильичу ряд просьб. Хотелось им вернуться домой из Петрограда с политической литературой.

— Хорошо, я распоряжусь, вам подберут литературу, — обещал Владимир Ильич.

Хотелось им привезти из Петрограда и печать для волостного Совнаркома. Крестьяне любят, чтобы документы были оформлены, как положено... Ленин обещал посодействовать и в этом.

И, действительно, к отъезду делегации в комендантуре Смольного уже были подготовлены для нее два мешка политической литературы. Готовы были печать и штампы.

— Тогда еще герба РСФСР не было, и на нашей печати его заменили словами «Власть Советов», — вспоминал делегат, побывавший у Ленина.

...Герба еще не было.

История дала немало готовых образцов гербов, но все они — и драконы, и львы, и леопарды, и ангелы, и монахи, и рыцари — далеки были от идеала строителя новой, счастливой жизни на земле.

В наследство от царского режима страна получила двуглавого орла, украшенного атрибутами самодержавия. Быть бы этому гербу достойным украшением и Временного правительства. Но «временщикам» приходилось изворачиваться, прикидываться выразителями

интересов народа. Двуглавый орел осиротел. Не стало на нем ни короны, ни скипетра.

Характерно, что на особую комиссию, созданную Советским правительством для подготовки праздничного оформления первомайской Москвы 1918 года, была возложена и замена подписей, эмблем, названий улиц, гербов новыми, «отражающими идеи и чувства революционной трудовой России».

Эмблемы, отражающие идеи и чувства революционной трудовой России. Они захватили творческое воображение и московского художника Е. И. Камзолкина. Евгению Ивановичу хотелось, чтобы стяги на Серпуховской площади, которую он вместе со своими товарищами украшал, рассказывали о самом главном — о том, что составляет неодолимую силу страны Советов. Так осенила его идея создания символа, воплощающего могучий союз рабочего класса и трудового крестьянства.

Евгений Иванович тут же набросал эскиз: «Вот так изобразить серп — это будет крестьянство, а внутри молот — это будет рабочий»².

Замысел художника встретил полное взаимопонимание и сочувствие коллег.

Пришел первомайский праздник. И на стягах, украшавших Серпуховскую площадь, как и на транспарантах, что несли трудящиеся Замоскворечья, москвичи увидели символ, которому позднее суждено было стать эмблемой первого в мире Советского государства.

Так, с Серпуховской площади в Москве начиналась эстафета «Серпа и молота» по нашей планете.

Оригинальная церемония сожжения эмблем старого строя проходила на одиннадцати московских площадях в канун первой годовщины Великого Октября. Само же рождение нашего Государственного герба произошло при следующих обстоятельствах.

...Москва. Начало восемнадцатого года. Кабинет В. И. Ленина в Кремле.

Владимир Ильич беседует с Я. М. Свердловым и Ф. Э. Дзержинским. Входит В. Д. Бонч-Бруевич — управляющий делами Совнаркома. У него в руках только что переданный ему рисунок. Он кладет его перед Лениным.

— Что это, герб? Интересно посмотреть,— говорит Владимир Ильич и, наклонившись над столом, принимается разглядывать проект.

На красном фоне сияют лучи восходящего солнца. Их обрамляют снопы пшеницы. Внутри эмблемы перекрещиваются серп и молот. А из перевязи снопов выделяется устремленный вверх к солнечным лучам меч...

— Интересно! — делится мыслями с присутствующими Ленин.— Идея есть, но зачем же меч?

И он говорит о том, что нам нужен меч до тех пор, пока у нас есть враги, пока на нас нападают, пока нам угрожают. Но это не значит, что так будет всегда. Когда воцарится братство народов во всем мире, меч нам не понадобится.

Ленин берет в руки тонко очиненный карандаш и перечеркивает меч на рисунке.

— Из герба нашего социалистического государства мы должны удалить меч,— говорит он.— А в остальном герб хорош... Давайте утвердим проект и потом посмотрим и еще раз обсудим в Совнаркоме, но все это надо сделать поскорей.

Свою родословную наша эмблема ведет от первой гербовой печати. Именно для нее был изготовлен рисунок, с которым ознакомился Владимир Ильич.

...Июнь восемнадцатого года. Идет заседание Совета Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина. Обсуждается доклад Я. М. Свердлова «О советской печати». Совнарком принимает решение:

а) Представленный проект утвердить.

б) Вопрос о мече, оставшийся спорным, решить после предварительного маленького совещания, имеющего быть завтра.

в) Если возможно, кроме надписи «РСФСР» вставить надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

...Рабочий кабинет Ленина в Кремле. Владимир Ильич принимает посетителей. Своим делом занят человек, расположившийся с альбомом в руках на диване. Каждое его движение экономно. Он стремится ничем не нарушить деловой ритм работы Председателя Совнаркома. Это скульптор Андреев, работающий над образом Ильича.

Входит художник с новым рисунком герба, сделанным после указаний Ленина. Теперь меча уже нет. Вместо него герб увенчан звездой. Со всеми находившимися в кабинете Ленина рассматривает рисунок и скульптор Андреев.

— Ну как по-вашему? — обращается к нему Владимир Ильич.

— Очень хорошо, только вот кое-что... — отвечает скульптор.

Взяв карандаш, Андреев с разрешения художника тут же перерисовал герб, вспомнил В. Д. Бонч-Бруевич. Он сгустил снопы, усилил сверкающие лучи солнца, сделал как-то все выразительнее. Звезда приняла пятиконечную форму, и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» стал читаться более четко.

Наступает июль 1918 года. В Москве в Большом театре заседает V Всероссийский съезд Советов.

10 июля «Известия» вышли с аншлагом: «Сызрань и Бугульма заняты советскими войсками... Положение в Ярославле и Рыбинске: белогвардейцы в панике бегут за Волгу...»

Как раз в этот день делегаты съезда Советов приняли первую Конституцию. В разделе VI этого исторического документа содержалась статья 89 с описанием герба и флага РСФСР. Девять дней спустя в «Известиях» был опубликован текст Конституции (Основного закона) РСФСР, принятый на съезде. Члены его президиума получили позднее по экземпляру Конституции в парчовом переплете.

Развернутые страницы драгоценного подарка, доставшегося и Якову Михайловичу Свердлову, можно увидеть в Музее революции.

Просматриваю списки делегатов V Всероссийского съезда Советов. Кому из делегатов, принимавших нашу первую Конституцию, впервые познакомившихся тогда с описанием Государственного герба РСФСР, посчастливилось дожить до наших дней? Воеводин...

Не Петр Иванович ли, член КПСС с 1899 года, которого партийная конференция Фрунзенского района столицы избрала делегатом на XXII съезд партии?

Дождавшись окончания вечернего заседания съезда, звоню Петру Ивановичу Воеводину.

— Да, это я, — подтверждает старый коммунист. — Незадолго до начала V Всероссийского съезда Советов я приехал в Москву из Омска, где работал тогда председателем Совета народного хозяйства Сибири.

Утром, перед тем, как Петр Иванович уезжает в Кремль на съезд, беседую с ним.

Петр Иванович рассказывает, что первую Конституцию РСФСР приходилось принимать в условиях отчаянной борьбы против оголтелых врагов Советской власти. Достаточно вспомнить мятеж, затеянный в те дни левыми эсерами в Москве.

В 1922 году Петр Иванович ездил в Германию. На его паспорте был уже изображен величавый герб нашей республики. Можно понять, как дорога была его сердцу эта священная эмблема.

И вот через несколько минут Воеводин входит в Кремль, на башнях которого светят рубиновые звезды, дающие свет всему миру. Входит в зал Кремлевского дворца съездов и видит Герб Советского Союза на трибуне, с которой выступают делегаты.

...Некоторое время спустя после обсуждения на заседании Совнаркома доклада «О советской печати» Ленин послал письмо Кларе Цеткин. В нем он описывал неимоверно тяжелые испытания, выпавшие на долю молодой Советской республики. «Мы теперь переживаем здесь может быть самые трудные недели за всю революцию», — писал Владимир Ильич.

Сдержанные, полные суровой правды ленинские слова о наиболее критическом моменте, который переживала тогда страна, написаны 26 июля 1918 года. О чем рассказывали в этот день московские и петроградские газеты?

Номер «Правды» открывался объявлением:

«Московский Комитет РКП устраивает в пятницу, 26 июля, большие митинги на тему: *«Что дает трудовому народу Советская Конституция»*».

Первым в списке ораторов, выступавших на митингах, было имя В. И. Ленина.

На одной из страниц «Правды» опубликовано обращение к рабочим Москвы, призывающее их записываться в добровольческую продовольственно-реквизиционную армию. В обращении говорилось:

«Страшные и голодные дни нависли над нами. Осмотритесь кругом, сколько свирепых, беспощадных врагов нас окружает, с оскалившейся кровожадной пастью, готовых броситься на вас, когда вы, ослабшие в тяжелой борьбе, вздумаете отдохнуть».

В поход на всех спекулянтов и кулаков-богатеев призывало это обращение: «Завоеваем хлеб и выйдем победителями в этом, быть может, последнем бою, который мы даем буржуазии», — говорилось в обращении.

На первой странице «Петроградской Правды» в тот день было опубликовано сообщение о выдаче продуктов на субботу, 27, и воскресенье, 28 июля. Комиссариат Петроградской трудовой коммуны извещал население о нормах выдачи продуктов по хлебным категорным карточкам. Самый большой паек — полфунта хлеба и четверть фунта кокосового масла. По карточкам четвертой категории — осьмушка хлеба. Это — пятьдесят граммов.

Газеты, вышедшие в этот день, содержали многочисленные телеграммы об отчаянном натиске на важнейших фронтах наемников иностранных империалистов, о кулацких мятежах и восстаниях.

Но креп и мужал в борьбе неукротимый дух героического народа, все прочнее становились братские узы рабочих и трудовых крестьян, узы, символически скрепленные серпом и молотом на нашем Государственном гербе.

Письмо, написанное Лениным Кларе Цеткин, уже было закончено, когда чрезвычайно важное обстоятельство побудило Владимира Ильича сделать к нему приписку. «Мне только что принесли новую государственную печать, — поделился радостью Владимир Ильич. — Вот отпечаток. Надпись гласит: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»».

Так и светится в этих словах счастливая улыбка, озарившая озабоченное лицо Владимира Ильича, слышится в них гордость за наш народ, уверенно шедший навстречу суровым испытаниям во имя великой цели.

...Герб первого в мире Советского государства украшает паспорт советского человека. Наш герб на Государственном флаге.

И как нам не гордиться тем, что герб любимой Отчизны вознесся уже к Луне и к Венере. Его доставили туда наша автоматическая станция «Луна-9», впервые в истории осуществившая мягкую посадку на Луну, и автоматическая станция «Венера-3».

Все крепче становится дружба народов, населяющих пятнадцать союзных республик нашей страны. Пятнадцать пурпуровых лент символизируют на Государственном гербе эту нерасторжимую дружбу. Все дальше уходят лучи восходящего солнца, озаряя светом грядущего счастья все человечество.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

¹ «Рабочие и крестьяне России о Ленине». Воспоминания. «Советская Россия», 1958, стр. 93.

² «Правда», 29 мая 1965 г.

ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Кто не слышал о Разливе, где летом 1917 года скрывался в сарае и шалаше от палачей контрреволюционного Временного правительства великий Ленин. Широко известно не только у нас, но и за рубежами страны имя покойного Николая Александровича Емельянова, большевика, рабочего Сестрорецкого завода, который вместе со своей семьей укрывал тогда Владимира Ильича.

Сколько людей чуть ли не со всего света побывали за последние десятилетия в этих ленинских местах.

Николай Александрович еще бодрствовал, когда на экскурсию в Разлив, под Ленинград, собралась и наша группа москвичей.

Готовясь в дорогу, я припас и несколько вопросов, которые мне хотелось выяснить у Емельянова. Не вспомнит ли он об удостоверении, выданном ему Лениным 14 июня 1918 года?

«Податель сего, тов. Николай Александрович Емельянов, делегирован от Сестрорецкого Совдепа с особым поручением на Урал и на Волгу, — говорилось в этом ленинском документе.

Прошу все местные Совдепы и все советские учреждения относиться к тов. Емельянову с самым полным доверием и оказывать ему всяческое содействие»¹.

Особое поручение. Если это не секрет, то в чем же оно заключалось? Тогда же, 14 июня 1918 года, Ленин написал и распоряжение в комендатуру Кремля: «Подателя сего, товарища Николая Александровича Емельянова, имеющего удостоверение от Сестрорецкого Совдепа, предписывается пропускать вместе с его спутником как в Кремль, так и в помещение Совнаркома».

Следовательно, 14 июня Емельянов находился в Москве и мог, таким образом, видаться с Лениным,

получить первый документ непосредственно из его рук. Так ли это было?

Имя спутника Емельянова, которому также было предоставлено право входа в Кремль и в помещение Совнаркома, Владимир Ильич не указал. Быть может, Николай Александрович назовет его?

Большой интерес представляют и письма, записки Ленина, написанные им по поводу Емельянова в ноябре двадцать первого года.

«Усиленно рекомендую подателя тов. Николая Александровича Емельянова, — пишет Владимир Ильич. — Я лично знаю его с июля 1917 года, как одного из лучших среди старой партийной гвардии Питера. Прошу оказать ему *полнейшее* доверие и всяческое содействие. Считаю крайне, крайне важным ввести его поближе в дела Внешторга, ибо за границей среди служащих Внешторга нам недостает опытных партийных людей...»²

Еще одно письмо Ленина, в котором он обращается к заместителю наркома по иностранным делам Литвинову и другим дипломатическим работникам с настойчивым предложением использовать Емельянова на работе за границей:

«...У меня ряд документов, что заграничные рабочие часто обижаются, что Внешторг РСФСР не ищет путей сближения с ними, — пишет Ленин. — И в этом отношении роль Емельянова должна быть очень велика»³.

Виднейшим деятелем питерского рабочего авангарда, лучшим среди старой партийной гвардии Питера называет Емельянова Ленин в своих документах.

Пришлось ли Николаю Александровичу выполнить ту дипломатическую миссию, которую на него возлагал Ленин? — вот еще один вопрос, который я собираюсь задать Емельянову.

И, наконец, третий...

Речь идет об одном солдатском письме, на которое не замедлил тотчас же откликнуться Ленин в марте двадцать первого года. Но прежде всего — кто был его автором? Ответ на интересующий нас вопрос содержится в первых же строчках солдатского послания.

«Здравствуйте, уважаемые тов. Владимир Ильич и Надежда Константиновна, — обращается к своим адре-

сатам солдат.— Пишет Вам сестрорецкий тов. Кондратий Емельянов, если помните летнюю дачу в лесу на сенокосе (шалаш), где Вы проживали в 1917 году в июле месяце. Я в то время играл роль перевозчика, перевозил приезжающих товарищей через Разлив»⁴.

Кондратий Емельянов — один из сыновей Николая Александровича и Надежды Кондратьевны, которые укрывали Ленина от ищеек контрреволюционного Временного правительства летом семнадцатого года. Незаменимые связные, они буквально круглые сутки несли вахту у шалаша. Можно себе представить, сколько волнующих воспоминаний сразу нахлынуло на Владимира Ильича.

Надежде Константиновне нельзя было показываться в Разливе, пока шла непрерывная слезка за Владимиром Ильичем. Но позже и она близко познакомилась с Емельяновыми. Они помогли ей выправить документы на имя Агафьи Атамановой, чтобы перейти финляндскую границу и навестить Ленина в Гельсингфорсе.

...Писал свое письмо Кондратий Емельянов Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне в тот момент, когда все главные очаги гражданской войны в центре страны уже потухли, на фронтах наступило затишье.

Красноармеец Первой отдельной роты, пятой стрелковой дивизии, окончивший до ухода на фронт военно-инженерный техникум, мечтал о продолжении учебы. Ему хотелось поступить в Петроградскую военно-инженерную академию.

«Владимир Ильич, прошу не отказать в моей просьбе», — заканчивал свое письмо Кондратий Емельянов.

Что было дальше?

Ленин, узнавший об этой просьбе, обратился с письмом к Склянскому — заместителю народного комиссара по военным делам.

«Я лично знаю т. Кондратия Емельянова и всю семью Емельяновых (из лучших питерских рабочих-большевиков «старой гвардии») и потому прошу Вас (если не имеете особых возражений) исполнить просьбу тов. Кондратия Емельянова и дать соответствующее распоряжение, — пишет Владимир Ильич.

Не откажите черкнуть мне два слова в ответ»⁵.

Мой третий вопрос, с которым я собираюсь обратиться к Николаю Александровичу, и связан с этой перепиской. Чем кончились тогда хлопоты Владимира Ильича о красноармейце-сапере Кондратии Емельянове, стремившемся стать слушателем Петроградской военно-инженерной академии.

Итак, едем в Разлив...

Чудесна ранняя весна в окрестностях Ленинграда. Еще держится тонкая кромка льда на прудах и озерах, но уже пригревает солнце, озаряя кроны высоких деревьев, лесные просеки.

Вот и Разлив. К дому, в котором жил и работал Владимир Ильич, часто подходят экскурсанты. Николая Александровича Емельянова работники музея не дают тревожить. Но узнав о приезжих из Москвы и характере интересующих нас вопросов, он выходит на крыльцо дома, приглашает сесть рядом с ним на скамеечке, и у нас завязывается беседа.

Сперва Николай Александрович рассказывает об удостоверении, выданном ему Лениным в связи с особым поручением, которое он выполнял.

Лето 1918 года. В Петрограде голод. Не только взрослым, но и малышам не хватает продуктов. Вот почему из города уходят эшелоны с детьми, уходят туда, где есть хлеб, молоко. Два из них решено отправить на Урал и на Волгу. Один сопровождает Емельянов, другой — его товарищ, тоже питерский коммунист, Александр Павлов. Путь лежит через Москву.

В нескольких километрах от столицы оба состава останавливаются. Выясняется, что дальше они не пойдут: нет паровозов.

Тщетно пытается Емельянов добиться отправки эшелонов к месту назначения у железнодорожных властей. Остается единственный выход — обратиться к Ленину. Вместе с Николаем Александровичем отправляется к Владимиру Ильичу и Павлов. Это и был тот спутник Емельянова, о котором говорилось в распоряжении Ленина комендатуре Кремля. Оказалось, что Ленин знает и Павлова по его участию в одной из партийных конференций.

Ленин тут же предложил работникам Наркомата путей сообщения отправить по своему маршруту эшелоны с детьми петроградских рабочих. А чтобы в пути было

меньше мытарств, он написал Емельянову удостоверение об «особом поручении». Так дети петроградских рабочих были доставлены на место и окружены заботой советских людей, росли и воспитывались, пока не настало время возвращения в родной город.

...Ноябрь 1921 года. Ленин считает необходимым направить Емельянова в одно из торговых представительств Советской республики за рубежом. Стал ли тогда старый питерский большевик работником Внешторга?

Да, стал. Николай Александрович подробно рассказывает о своей работе в одном из наших торговых представительств за границей. Он был занят тогда отправкой в Россию зерна, которое Советскому правительству приходилось покупать у американцев.

«Сообщение тов. Емельянова, на которого можно и должно положиться абсолютно, относительно краж при выгрузке в Ревеле внушает крайне большое опасение и ставит вопрос гигантской важности,— писал Ленин в конце декабря 1921 года Лежаве.

Обращаю внимание Наркомвнешторга на это обстоятельство для принятия самых энергичных мер, с проверкой через надежных людей, и сообщить мне о результатах проверки и о принятых мерах»⁶.

Ответил Николай Александрович и на последний вопрос — о переписке Ленина по поводу красноармейца-сапера Кондратия Емельянова. Да, это его сын обращался к Владимиру Ильичу с просьбой об оказании ему содействия в поступлении на учебу в Петроградскую военно-инженерную академию. Владимир Ильич помнил Кондратия по июльским дням семнадцатого года, когда Емельяновы скрывали его от ищеек Временного правительства в Разливе. Кондратий тоже был начеку, когда Ленин под видом косца переправлялся на лодке из их дома через озеро к шалашу. Рулил Кондратий лодку в дни, когда к Ленину приезжали Дзержинский и Свердлов.

Нет ли в литературе воспоминаний самого Кондратия Емельянова, относящихся к пребыванию Ленина в Разливе?

В Государственной библиотеке имени В. И. Ленина хранятся номера журнала «За большевизм», издававшегося в Военно-инженерной академии. Один из ее

слушателей, Кондратий Емельянов, принимал участие в «Литературной странице» этого журнала. В ней он и описал свои встречи с Владимиром Ильичем.

Впервые увидеть Ленина молодому рабочему Сестрорецкого завода удалось 4 июля 1917 года, в тот момент, когда Владимир Ильич заканчивал свое короткое выступление с балкона дворца Кшесинской перед кронштадтскими матросами, принимавшими участие в грандиозной демонстрации петроградских рабочих. Вождь революции призывал участников демонстрации накапливать силы для грядущей победы.

Несколько дней спустя, 10 июля, молодой Емельянов вернулся из Петрограда на завод в Сестрорецк. Когда раздался гудок на обеденный перерыв, Кондратий пришел домой. За обедом он рассказывал домашним о событиях в Петрограде, свидетелем и участником которых был.

«Вдруг с чердака спускается незнакомый мне человек, несколько выше среднего роста, лицо, напоминающее что-то монгольское, радушно улыбается, как улыбаются друзья, встретившиеся после долгой разлуки, я невольно отвечаю тем же,— вспоминал на страницах журнала Кондратий.— Подходит ко мне, здоровается, расспрашивает о настроениях рабочих на заводе. Моим рассказом остался, по-видимому, доволен, снова улыбнулся и полез на чердак».

Что-то знакомое показалось Кондратию Емельянову в облике этого человека, который уже успел расположить его к себе. Вспомнился митинг у дворца Кшесинской.

«Нет, не может быть, подумал я,— пишет Кондратий.— Тот был с бородой...»

Мать, Надежда Кондратьевна, под строжайшим секретом доверила сыну тайну, подтвердила его догадку, дала ему строгие наставления.

После обеда Кондратий вернулся на завод. Вечером состоялся митинг. Обстановка на заводе была боевой. Большевиков освистали, заставили их поджать хвосты.

«Вернувшись домой, заглянул к Ильичу на чердак, где он стал меня расспрашивать о митинге, интересовался фамилиями выступавших большевиков,— пишет далее Емельянов.— Появились разного рода легенды. Как же на все это реагировал Владимир Ильич? Все это

даже забавляло его, и, прочитывая в своем чердачном помещении газеты и находя заметки о своем мнимом бегстве за границу, он добродушно смеялся, приговаривая: вот, гороховые шуты».

Как известно, вокруг рыскали ищейки Временного правительства. Между тем Владимир Ильич сохранял величайшее самообладание. Кондратий писал, что каждый день по утрам, когда все еще кругом спало, Ленин выходил на прогулки, восхищался природой. Затем, когда Владимир Ильич переселился в шалаш, Кондратий не раз сопутствовал ему в его прогулках.

«Однажды пошли за грибами, собирать пришлось недолго. Идем обратно, проходим мимо брусничника, я стал усердно собирать бруснику. На это Владимир Ильич прочел мне целую лекцию, дорогой рассказал про жизнь в ссылке в Сибири, где они, ссыльные, несмотря на короткое лето, сумели выращивать помидоры, про охоту на зайцев, в которой он принимал участие».

В маленьких картинках, живо обрисованных Кондратием Емельяновым, узнается образ того, кто в самых сложных и трудных условиях оставался непреклонным борцом за великое дело, простым и доступным людям из народа.

В марте 1920 года Кондратий Емельянов окончил Военно-инженерный техникум и был направлен на Западный фронт. Год спустя он и задумал продолжить свое военное образование. После окончания академии Кондратий стал военным инженером. Последние годы своей жизни он руководил одной из крупных строек в Москве. Берия и его ставленники, причинившие много зла нашему народу, избрали своей жертвой и Кондратия Емельянова.

...Как и обычно, в тот день, когда мы беседовали с Николаем Александровичем, почтальон доставил Емельяновым пачку писем... Из Чехословакии писал директор одной из средних школ, незадолго до этого побывавший в Разливе.

«При беседах с чехословацкими гражданами о моем пребывании в СССР я всегда рассказывал о встречах с Вами и на диапозитивах показывал шалаш, остров при озере, где под неусыпным Вашим попечением скрывался в 1917 году В. И. Ленин. И вас самого тоже пока-

зывают, — говорилось в этом письме. — Слушатели восхищаются вашим героизмом».

Часто приезжают в Разлив и дети. Бывая здесь, они стремятся увезти сувенир о месте, в котором жил и работал Владимир Ильич. — Это желуди с дубка, посаженного Владимиром Ильичем.

* * *

Теперь уже нет в живых ни Николая Александровича, ни его жены Надежды Кондратьевны, отвечавших на мои вопросы несколько лет назад. В Разливе живет их сын Александр Николаевич.

С его именем как раз и связан один из новых ленинских документов, вошедших в пятьдесят первый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

«Прошу дать приказ о помещении просителя, т. Емельянова, на командные кавалерийские курсы; по возможности поближе к Питеру, — писал Ленин заместителю народного комиссара по военным делам Склянского в октябре 1920 года. — Тов. Емельянов лично мне известен, и я его рекомендую».

Сообщал Владимир Ильич и адрес отца просителя: «Николай Александрович Емельянов, Сестрорецк (Совдеп)»⁷.

Видеться с Александром Николаевичем Емельяновым в Разливе мне приходится довольно часто. И вскоре после появления нового ленинского документа «кавалерийская карьера» одного из сыновей старого питерского большевика стала предметом нашей беседы.

Восемнадцатилетним юношей Саша ушел в Красную гвардию, вступил в ряды большевистской партии. Нес охрану Смольного.

Потом началась гражданская война. Александр Емельянов служил в артиллерии, был начальником команды разведчиков.

— Прошли с боями до одного из городов у персидской границы, — рассказывает Емельянов. — Гнали Деникина... Пошли в разведку. Здесь ранило. Пулевое ранение... Лежал в полевом госпитале.

Осенью двадцатого года медицинская комиссия предоставила Емельянову отпуск по болезни. Приехал увечный воин к себе домой, в Разлив.

...Силы прибывали, и потянуло Емельянова в кавалерию. Хотелось в конную разведку. Но для этого нужны были знания.

Николай Александрович Емельянов — председатель Сестрорецкого Совдепа — собирался по делам в столицу. И сын, знавший, что отец непременно навестит в Москве Ленина, высказал ему свое желание. Просил заручиться поддержкой Владимира Ильича.

— Напиши свою просьбу Владимиру Ильичу, — предложил отец.

— Писал несколько раз, — рассказывает Александр Николаевич. — Был убежден, что у меня много ошибок. А писать Владимиру Ильичу с ошибками мне было стыдно. Сам же я их не мог найти... И тем не менее я рискнул написать и передал письмо отцу.

Еще отец не вернулся из Москвы, а в Сестрорецком Совдепе была уже телеграмма оттуда. Потом приехал отец.

— Владимир Ильич приветствует твое намерение учиться, — сказал он.

Через некоторое время на кавалерийских командных курсах в Петрограде появился новый слушатель. Это был Александр Емельянов. Позже эти курсы были преобразованы в кавалерийское училище. Осенью двадцать третьего года Емельянов окончил их и в торжественной обстановке на площади Урицкого в Петрограде был произведен в красные командиры.

Служил он помощником командира кавалерийского эскадрона на Дальнем Востоке, был начальником пограничной заставы. Одним словом, не ударил лицом в грязь. Сделал все, что смог для того, чтобы оправдать ленинскую путевку в кавалерийскую «академию»...

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 100.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 23—24.

³ Там же, стр. 24.

⁴ «Письма трудящихся к В. И. Ленину». Госполитиздат, 1960, стр. 222.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 89—90.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 95.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 301—302.

РОДНИКОВСКАЯ БЫЛЬ

Случилось это в 1918 году, во второй половине декабря. Ну и хлопот же задали тогда Владимиру Ильичу местные органы власти Родников, что под Ивановом! Да и в январе следующего года он все еще продолжал беспокоиться о справедливом и успешном исходе дела.

Не на собственность купца-толстосума или деревенского мироеда, не на хлеб, зарытый кулаком глубоко в землю, подальше от глаза народного, и не на оружие, спрятанное в тайнике, замаскированном врагом Советской власти, выдала на этот раз ордер Чрезвычайная комиссия. Это были...

Недаром характером своеобразной реквизиции сразу же заинтересовался Ленин.

«Немедленно распечатайте кладовку и горницу Петра Ильича Суркова в деревне Кутилове,— потребовал он в своей первой телеграмме Родниковскому исполкому и Чрезвычайному.— Сообщите имена производших запечатание и объяснение их действий, почему реквизируют книги. Телеграфируйте исполнение»¹.

Любой не посвященный в подробности дела человек, ознакомившись с содержанием этой ленинской телеграммы, даже сейчас, спустя четыре с половиной десятилетия, непременно задастся вопросом: «Кто же такой тот самый Петр Ильич Сурков, книги которого вдруг оказались реквизированными?»

— Помещик, должно быть,— высказал догадку перед моим отъездом в Родники знакомый журналист.

— Стал бы за него заступаться Ленин! — единственное, что можно было пока возразить на это предположение.

Но вот и деревня Кутилове, расположенная в трех километрах от Родников. Вы подходите к дому, в кото-

ром жил много лет его хозяин и где свершился акт реквизиции книг. И тут вашему взору открывается надпись на мемориальной доске:

«Дом бывшего депутата
III Государственной думы
П. И. СУРКОВА,
в котором в 1905 году
находилась конспиративная
квартира членов РСДРП»

Депутат Государственной думы, у которого собирались большевики... Да! Бывал под крышей этого дома в памятном 1905 году первый партийный учитель, наставник родниковских большевиков Михаил Васильевич Фрунзе.

Но чему же здесь удивляться? Большевиком был и Петр Ильич Сурков, представлявший в III Государственной думе рабочих Костромской губернии.

Знал ли его тогда Ленин? Несомненно! Знал и высоко ценил прямые и смелые обличительные выступления рабочего-депутата с трибуны III Государственной думы. С похвалой отзывался Ленин в статье, опубликованной в газете «Социал-демократ», об одной из речей Суркова, произнесенной в Думе. По образному выражению Владимира Ильича, это был боевой клич социалиста, прозвучавший как вызов черносотенной Думе и отозвавшийся в миллионах пролетариев.

И не потому ли теперь так вознегодовал Владимир Ильич, узнав о том, что произошло в Кутилове? Почему реквизируют книги? — требовал он телеграфного ответа. И в самом деле, почему? Но прежде чем выяснить интересующий нас вопрос, проследим за дальнейшим ходом событий.

Проходят два дня после первой телеграммы Владимира Ильича в Родники, и он адресует туда же следующую. На этот раз он запрашивает все местные постановления о библиотеках, сообщает, что Сурков согласен отдать свою библиотеку в местную рабочую читальню. «И мне это кажется справедливым», — заканчивается телеграмма, подписанная Председателем Совета Народных Комиссаров.

Дело принимает, таким образом, несколько иной поворот. Чем же это объяснить? Не иначе как Ленину

стали известны обстоятельства реквизиции библиотеки Суркова, обстоятельства, уважительные на его взгляд.

Бесконечно озабоченный положением на фронтах, голодом в стране, разрухой, Председатель Совета Народных Комиссаров продолжает заниматься библиотечными делами в Родниках. Он обращается с письмом в библиотечный отдел Комиссариата народного просвещения.

«Прошу принять подателя, тов. Прокофьева,— начинается этот, уже третий по счету в декабре восемнадцатого года ленинский документ, связанный с Родниками.— Его просьба реквизировать библиотеку Суркова для района в 40 000 человек, по-моему, правильна; может быть, известные права пользования оставить за Сурковым?»².

Итак, реквизицию библиотеки Суркова, против которой Владимир Ильич вначале решительно протестовал, Ленин теперь признает правильной. Что же побудило его изменить взгляд? И кто же такой товарищ Прокофьев, которому Владимир Ильич вручил это письмо?

Каждая строка нового ленинского документа проникнута трогательной заботой о массовом народном читателе, которому уже в ту лихую годину требовались книги, как воздух, как живительная влага.

«...Прошу помочь товарищам из Родников в расширении их библиотеки,— пишет в том же письме Ленин.— Нельзя ли послать им одну из реквизированных помещичьих библиотек? И об этом прошу известить меня».

Лишь побывав в Родниках, можно понять историю, повторю, не совсем обычной реквизиции.

Благородная страсть к чтению, к литературе, воспитывающей человека — борца за светлое будущее народа, у родниковцев проявилась еще в годы первой русской революции. Ее пробудила наша партия. Местная группа РСДРП уже тогда создала свою библиотеку. И свежий прилив сил придавали ее книги читателям, аккумулировали в них могучую революционную энергию в годы нового подъема рабочего движения в России.

Была еще и раньше в Родниках книжная лавка, служившая делу политического просвещения рабочих,

пока об ее истинных целях не проведали царские ищейки.

Всячески изощрялись в попытках отвлечь рабочих от марксистской литературы фабриканты Красильщиковы. Они открыли в Народном доме читальню, набив ее книжные полки «житиями святых». Высокой стеной они отгородили рабочих от служащих, к услугам которых была своя библиотека в так называемом «Общественном собрании». Рабочего человека, пытавшегося переступить этот порог, бесцеремонно выбрасывали за шиворот. Пользоваться книгой из этой библиотеки приходилось через знакомого служащего. Легко себе представить, как возрос спрос на литературу в Родниках после победы Великого Октября. Но разве могла удовлетворить этот спрос единственная в городе библиотека? Потребность в книге была теперь такой же острой и жгучей, как в хлебе.

Живо помнит все это Михаил Иванович Карпов, заведовавший родниковской библиотекой в первые годы Советской власти. Вместе с Верой Павловной Кабановой, ветераном библиотечного дела, мы навещаем его.

Эпизод за эпизодом возникают в его памяти. Уже объединены книжные фонды Народного дома и «Общественного собрания», реквизированы триста томов книг главного механика фабрики Борнемана. Но все это капля в море.

Леденели чернила в нетопленном помещении, но люди шли. А книги-то какие стали спрашивать! Вот ткачиха просит книгу Бебеля «Женщина и социализм».

— Не трудновато ли будет? — осторожно спрашивает ее библиотекарь.

— Ничего, ничего, я разберусь. Что пойму, то и хватит,— скромно отвечает читательница.

Не знал тогда еще Михаил Иванович, что перед ним стояла старая большевичка Варвара Васильевна Смирнова, прошедшая суровый университет революционной борьбы. Теперь она искала в книге Бебеля ответа на вопрос о месте женщины в практическом строительстве нового общества.

Подлинного мужества и героизма требовали те голодные годы от людей, посвятивших себя библиотечному делу. Случалось, что месяцами они не получали заработной платы, но стойко переносили все лишения.

— Мы, как пограничники, стояли на посту и охраняли имущество библиотеки,— с гордостью рассказывала мне одна из ее первых тружениц — Мария Васильевна Касаткина.

Между тем книжный голод в городе и районе давал себя знать все более остро. Старая литература, которой располагала библиотека, обветшала до последней степени, а новая второй год не поступала. Горькое разочарование постигало того, кто приходил за духовной пищей и в клубную читальню.

На что сетует в те дни местный рабочий в уездной газете «Советские известия»? Я полистал ее страницы.

«В читальне клуба имеются кое-какие брошюры,— пишет один из ее постоянных посетителей.— Раскрой какую-нибудь из них и что же видишь? Многие из них состоят только из одних обложек с заглавиями, другие без начала и конца».

Это в Родниках. А что же было делать деревенскому читателю?

Но именно теперь книги Суркова, служившие ему в свое время остро отточенным идейным оружием для непримиримой борьбы с капитализмом, оказались у него на задворках. Он их заживо похоронил в кладовке и горнице. Как же так? Ответ, видимо, могут дать очевидцы, участники событий тех лет.

Где они?

...Копию своей первой телеграммы в Родники Ленин отправил Чрезвычайному. И вот перелистывая в районной библиотеке рукопись сборника «Десять лет Октября», сохранившуюся здесь, я наконец узнал состав Чрезвычайкома. В него входили Столбов, Шашков и Прокофьев. Первого из них, бывшего тогда председателем Чрезвычайкома, старого большевика Тараса Николаевича Столбова, мне и удалось отыскать в Иванове.

Профессиональный революционер, разделявший вместе с Емельяном Ярославским сибирскую ссылку, Тарас Николаевич сохранил, несмотря на преклонные годы, молодость духа. Рассказывал он родниковскую быль живо, картинно, передавая мельчайшие подробности всей этой истории.

Народ ставил перед Сурковым вопрос прямо.

— Куда тебе теперь, Петр Ильич, столько книг? Добро бы сам читал. А то ведь сложил, как дрова, в горнице и кладовой. Дал бы другим попользоваться...

Сын рабочего класса, там, на трибуне III Государственной думы, был он на высоте своего положения. А здесь не нашел верного решения.

— Тарас, вот сколько заявлений получает исполком, — показал председатель Балахнин Столбову пачку документов. — Из Кутилова, Козлаков... Народ требует реквизировать библиотеку Суркова.

В один из последних дней декабря 1918 года к дому Суркова подкатила пара лошадей, запряженных в сани. Одним из четырех человек, вошедших в дом, был Прокофьев, секретарь Чрезвычайной комиссии. Остальные — красноармейцы.

Сурков воспротивился реквизиции, и тогда Прокофьев ограничился тем, что запечатал горницу и кладовую. На следующий день в Кутилово отправился председатель Чрезвычайкома.

— Где Петр Ильич? — спросил он дочь Суркова.

— Уехал в Москву, — ответила дочь.

— Дайте ключи от горницы.

Книги бережно сложили на дровни и доставили в Родники, вначале — в помещение Чрезвычайной комиссии. Составили в двух экземплярах акт и перевезли библиотеку в районный отдел народного образования. Его заведующий проверил все книги, расписался в их получении. В это время и пришла первая телеграмма Ленина.

— Тарас, тут у нас дело что-то неладно получается, — сказал Балахнин, председатель Родниковского исполкома, Столбову, ознакомившись с содержанием ленинской телеграммы. — Мы не только замки сняли, а и библиотеку уже увезли...

Ленин требовал телеграфного ответа. И ответ был тут же дан. Насколько позволял телеграфный стиль, постарались объяснить Владимиру Ильичу все происшедшее в Кутилово. Тогда же председатель Чрезвычайкома написал письмо Ленину.

— Я хорошо помню, как мы объясняли Владимиру Ильичу сложившуюся у нас обстановку, — вспоминает Столбов. — Голод у нас на книги не меньший, чем хлебный, — отвечали мы Ленину.

Возникла мысль переслать в Москву все заявления с требованиями о реквизиции библиотеки Суркова, поступившие в Родниковский исполком.

— Тут бумагой нечего отделяться, — возражали люди, умудренные жизненным опытом. — Надо послать к Ленину человека.

Послать решили Прокофьева. Он москвич. Он знает все ходы и выходы.

Мы уже знаем, что во второй телеграмме Владимир Ильич сообщал о согласии Суркова передать свою библиотеку местной рабочей читальне. Сурков сам рассказывал о том, как Ленин, приняв его, предложил стакан чаю и сразу повел разговор в этом направлении.

Но теперь у Владимира Ильича побывал Прокофьев — тот, кто сам опечатал горницу и кладовую Суркова, кого родниковцы облекли высокими полномочиями. Он-то и смог дать Ленину исчерпывающие объяснения.

— Раз дело обстоит так, то правильно сделали, что библиотеку реквизировали и передали в общее достояние народа, — заключил беседу Ленин.

Из Москвы, как ясно помнит Столбов, Прокофьев вернулся с большой связкой книг. Скоро они заняли место на полках будущей районной библиотеки рядом с томами произведений Карла Маркса, Чехова, Писемского, Гейне, Брюсова, на корешках которых значились две буквы. — П. С. (Петр Сурков).

«...Может быть, известные права пользования оставить за Сурковым?» — спрашивал Владимир Ильич в письме, с которым Прокофьев был направлен в библиотечный отдел Комиссариата народного просвещения.

Так и поступили в Родниках. Более четырехсот книг были оставлены Суркову, преимущественно те, которые ему еще могли практически служить. Он их сам отобрал. Это были различные самоучители, справочники театров, календари, каталоги библиотек и книжных магазинов.

Прокофьев вскоре после возвращения в Родники был переведен на работу в Иваново, а затем в Москву. С тех пор след его Тарас Николаевич потерял и о судьбе секретаря Чрезвычайкома ничего не знает.

Даже имени Прокофьева в Родниках назвать не смогли. Помнят только, что был это высокий, худощавый человек, в шинели. Служил он в военно-автомобильных мастерских.

Искренне желая помочь отыскать след Прокофьева, бывший заведующий местным архивом Иван Александрович Беляев, тщательно собирающий в Родниках все материалы об этом времени, дал мне несколько адресов старых большевиков в Москве, работавших ранее в районе. Среди них был оказавшийся не совсем точным и адрес Ивана Осиповича Комиссарова — политического руководителя военно-автомобильных мастерских в Родниках.

Не без добрых услуг «Мосгорсправки» уточняю адрес, а затем узнаю и телефон Комиссарова.

— Иван Осипович, знали ли вы в Родниках Прокофьева, который ездил к Ленину?

— Андрея Никитича? Конечно, знал. Мы и потом долгие годы вместе работали в Москве.

Теперь, впервые услышав это имя и отчество, окончательно убеждаюсь в том, что к двум Прокофьевым, о которых есть сведения у Беляева в Родниках, подлинный посланец родниковских рабочих к Ленину никакого отношения не имел.

Андрей Никитич Прокофьев, тогда секретарь Чрезвычайкома, позднее почетный чекист, а затем и крупнейший в стране хозяйственник-строитель, — вот кто ездил к Владимиру Ильичу ходатаем по делам родниковской библиотеки. Он возглавлял в свое время работы по сооружению крупнейших индустриальных предприятий в стране, а в годы Великой Отечественной войны — по созданию укрепленных рубежей под Москвой. Родина высоко оценила его самоотверженный труд, наградив четырьмя орденами Ленина. На посту заместителя министра строительства предприятий машиностроения СССР и оборвалась его кипучая жизнь.

Вместе с Иваном Осиповичем Комиссаровым мы навещаем дочь Прокофьева — Елену Андреевну. Дядя Ваня здесь свой, близкий человек.

Елена Андреевна раскрывает альбомы, в которых бережно хранятся фотографии отца.

«...Высокий, худощавый, в шинели...» Со снимков далеких лет гражданской войны смотрит на нас

Прокофьев, в точности такой, каким его обрисовали родниковцы.

Елена Андреевна рассказывает, что отец был человеком несловохотливым и лишь по праздничным дням любил рассказывать о своих встречах с Лениным. Затем она достает фотокопии четырех ленинских документов, связанных с именем отца, которые совсем недавно передала в Институт марксизма-ленинизма. Один из них — текст нового, четвертого письма Ленина, все по поводу той же библиотеки. На бланке Председателя Совета Народных Комиссаров стоит январская дата девятнадцатого года. Оно адресовано Прокофьеву.

«Посылаю Вам письмо Брюсова, — писал ему Владимир Ильич. — Прошу вернуть мне его с сообщением, как Вы покончили с библиотекой Суркова.

Надеюсь, Вы сделаете все же все возможное, чтобы Суркова *немного* удовлетворить: например, дать ему право пользования *и тому подобное*.

Оказывается, Вам надо было обратиться в *библиотечный отдел внешкольного отдела*. Я передам туда, чтобы позаботились о Вас»³.

Читателя, наверное, интересует, о каком Брюсове идет речь, не об известном ли русском поэте? Да, о нем. Горячо встретив победу Великой Октябрьской социалистической революции и провозглашение Советской власти, Валерий Брюсов отдал свой чудесный поэтический талант служению народу. Связав в 1919 году свою жизнь с Коммунистической партией, Валерий Яковлевич пошел на работу в Наркомпрос, заведовал там библиотечным отделом.

С письмом Брюсова, адресованным Ленину, меня познакомили в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Оно запечатлело то живое участие, с которым Владимир Ильич отнесся к хлопотам родниковских товарищей.

«Согласно Вашему желанию, выраженному в Вашем письме и повторенному Вашим секретарем по телефону, быть осведомленным относительно вопроса о реквизиции библиотеки бывш. члена 3-ей Госуд. Думы тов. Суркова, спешу как заведующий Библиотечным отделом Наркомпроса сообщить следующее...»

Оказалось, что в день прихода Прокофьева с запиской Ленина в библиотечный отдел Наркомпроса Брю-

сова не было на месте. Он находился на заседании литературно-издательского отдела Наркомпроса.

Прокофьева принял заместитель Брюсова, и Валерий Яковлевич был детально информирован о содержании разговора. Вопрос о дальнейшей судьбе библиотеки Суркова остался открытым до представления описи реквизированных книг.

«Немедленно, по получении от тов. Прокофьева описи библиотеки и других сообщенных им сведений,— сочту своим долгом известить Вас об окончательном решении вопроса»,— писал Валерий Брюсов Ленину...

Прошла неделя. Решение состоялось. Значительная часть библиотеки Суркова стала достоянием книголюбов Родниковского района. Не остался в обиде и ее владелец.

«...Прошу помочь товарищам из Родников в расширении их библиотеки»,— хлопотал в декабре 1918 года Ленин.

Нынешняя родниковская районная библиотека с ее широкой сетью передвижек и обменных пунктов на предприятиях, в колхозах, с ее читальным залом — это подлинно ленинское детище.

Одним из читателей эти книги помогли стать прекрасными мастерами текстильного дела, другим — крупными хозяйственниками, третьим — педагогами, четвертым — врачами.

Сколько таких наглядных и поучительных примеров происходило каждый день на глазах у библиотечных работников! Вера Павловна Кабанова — ветеран библиотечного дела в своем родном городе — рассказывала мне о том, как стал читателем и «выходил в люди» парень из деревни, избач Леонид Кудряков.

Книги помогли ему закончить вечернюю школу рабочей молодежи, получить высшее образование и стать директором той же вечерней школы, которую он сам окончил.

Познакомиться с Леонидом Васильевичем Кудряковым мне довелось в тот момент, когда он пришел справиться о поступлении подписных изданий в книжный магазин. В его личной библиотеке насчитывалось тогда более тысячи томов.

Выбор книг большой и широкий, и люди выбирают вдумчиво, не торопясь.

Идут и идут читатели. Родники — город народных университетов культуры. И их слушатели приходят сюда за книгами, которые открывают перед ними волнующие страницы развития литературы и искусства, знакомят их с новейшими достижениями советской и зарубежной медицины.

Велика жажда знаний. Я встретил здесь молодого маляра, мечтающего стать художником. В его руках были две книги, посвященные талантливому певцу русской природы Левитану. Позднее мы повстречались с ним на железнодорожной станции Горкино. Воскресный день он решил провести за этюдами в лесу.

Часто спрашивают в родниковской библиотеке литературу о музыке, спорте, садоводстве, охоте, о рыбной ловле. И если вы хотите увидеть людей самых различных дарований и высоких духовных стремлений, приходите в библиотеку. Всегдалюдно и в ее читальне. Сосредоточившись над книгами, журналами, конспектами, трудятся люди. Кто они? Чем увлечены? Средних лет мужчина склонился над журналом «Советское фото». Фоторепортер? Нет. Печник.

«Хлеб пекут в моих печах на весь город», — не скрывая своей гордости, говорит он. Увлекается и фотографией. У него есть свой фотоаппарат «Москва-2». Изучает технику съемки.

...Мотальщица ткацкой фабрики. Перед ней раскрытый том Сочинений Виссариона Белинского. Читает его знаменитую статью «Разделение поэзии на роды и виды», хочет поступить на филологический факультет Ивановского педагогического института.

Таковы лишь некоторые штрихи, характеризующие деятельность этой библиотеки, в которой трудится замечательный творческий коллектив. А ведь кроме районной в Родниках и в окрестностях раскинуты еще десятки других библиотек. Больше четверти миллиона книг стоят сейчас на их полках. Как бы порадовался этому Ленин!

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 226.

² Там же, стр. 231.

³ Там же, стр. 234—235.

«О ЧЕМ МЫ ГОВОРИЛИ ПОСЛЕДНИЙ РАЗ?»

Три минуты... Таким был регламент ленинских речей, специально рассчитанных для записи на граммофонную пластинку. Им Владимир Ильич великолепно умел обходиться для того, чтобы в самой доступной форме ответить на животрепещущие вопросы дня, волновавшие широкие народные массы. Три минуты слышится и взволнованный ленинский рассказ о первых днях только что родившейся Венгерской Советской республики.

Ленин делится своими впечатлениями о переговорах, которые он вел по радио с ее руководителем Бела Куном, и приводит такой эпизод.

«...На другой день после первого сообщения о венгерской революции, я послал радиотелеграмму в Будапешт, прося Бела Кун прийти к аппарату, задавая ему вопросы такого рода, чтобы проверить, он ли там присутствует...»¹.

Чем же была вызвана такая предосторожность со стороны Владимира Ильича и как практически ему удалось убедиться в том, что он имеет дело с Бела Куном?

Первое их знакомство состоялось еще в Петрограде. Сюда военнопленный Бела Кун приехал из Томска. Известно, что Ленин беседовал с венгерским коммунистом в начале 1918 года. Речь шла о заключении мира с Германией.

После переезда Советского правительства в Москву Бела Кун становится постоянным сотрудником «Правды». Он — признанный руководитель интернационалистов: возглавляет венгерскую группу коммунистов в нашей партии, один из докладчиков на съезде военнопленных, собравшемся в Москве, председатель федерации иностранных групп при Центральном Комитете партии.

Из-под его пера выходят завоевавшие широкую популярность брошюры «Чего хотят коммунисты», «Кто платит за войну», «Что такое Советская республика».

Подпись Бела Куна стоит рядом с именами Ленина, Карла Либкнехта и Розы Люксембург под воззванием подготовительного комитета Первого конгресса III Интернационала.

Боец Красной гвардии, он готов в любую минуту взять в руки оружие, чтобы защищать молодую Советскую республику. И когда в Москве вспыхивает контрреволюционный эсеровский мятеж, венгерские интернационалисты под руководством Бела Куна участвуют в рукопашных схватках с мятежниками, захватившими здания почты и телеграфа.

Осенью восемнадцатого года Бела Кун с отрядом интернационалистов отправляется на пермско-лысьвенский участок Восточного фронта. Его приезд поднял настроение бойцов, укрепил веру в победу, отмечал Ференц Мюнних, который был в свое время командиром Томского интернационального батальона. Подпись Бела Куна мы видим и под первым сообщением на имя Ленина о венгерской революции, принятым московской радиостанцией.

Почему же Владимир Ильич хотел удостовериться в том, что Бела Кун, а не какой-нибудь самозванец будет его собеседником по радио? Дело в том, что всего лишь за месяц до революционного переворота в Будапеште, происшедшего во второй половине марта девятнадцатого года, буржуазное правительство Венгрии бросило Бела Куна и его соратников по Коммунистической партии в тюрьму. И вот в Москву приходит радостная весть о победе венгерской революции, вызвавшая огромный энтузиазм делегатов работавшего в те дни VIII съезда нашей партии.

Что же произошло в Будапеште? Оказалось, что правительство вынуждено было уйти в отставку. А венгерские соглашатели пришли в тюрьму, в которой томился Бела Кун, и обратились к нему со словами: «Вам придется взять власть». За венгерскими коммунистами дело не стало. Но господа, которым пришлось снять шляпу перед ними, были способны на любое предательство, на любой подвох.

Будет ли новое венгерское правительство на самом деле коммунистическим, а не социал-предательским, — вот чем был озабочен Ленин. А отсюда и его прямые вопросы: имеют ли коммунисты большинство в правительстве? Когда произойдет съезд Советов? В чем состоит реально признание социалистами диктатуры пролетариата? Но для этого Ленину надо было прежде всего убедиться в том, что из Будапешта ему будет отвечать именно Бела Кун — наш товарищ и коммунист.

Ленин находился в Кремле, а Бела Кун — в Доме Советов в Будапеште, когда московская и чепельская радиостанции связали их.

И вот как, по свидетельству венгерских товарищей, находившихся рядом с Бела Куном, завязался этот разговор.

«Кун. От имени Революционного Исполнительного Комитета и от имени победоносной диктатуры пролетариата приветствуем русскую революцию.

Ленин. У телефона товарищ Кун?

Кун. Да.

Ленин. Докажите.

Кун. По телефону? Чем же?

Ленин. Скажите, товарищ Кун, о чем мы говорили в последний раз?

Кун. Мы часто разговаривали. О чем именно я должен сказать вам, товарищ Ленин?

Ленин. Скажите, о чем мы говорили в последний раз?

Кун. Я, право, не могу вспомнить.

Ленин. Подумайте. Непосредственно перед вашим отъездом, здесь, в Кремле?

Кун. Да, я вспоминаю, товарищ Ленин, — мы говорили о крестьянском вопросе.

Ленин. Совершенно верно. Прошу вас, товарищ Кун, передайте победоносному венгерскому пролетариату привет от русской революции. Победоносная диктатура венгерских и русских рабочих и крестьян будет вместе продолжать борьбу за мировую революцию»².

Принять первую весть из Будапешта на имя главы Советского правительства об установлении в Венгрии народной власти посчастливилось дежурному москов-

ской радиостанции Максиму Яковлевичу Скибину. Он же ответил на телефонный звонок Ленина, просившего связистов поддерживать круглосуточную связь с Будапештом и тотчас же пересылать ему все поступающие оттуда сообщения. Владимир Ильич продиктовал и номер телефона дежурных секретарей Совнаркома.

Несколько лет назад Скибин был гостем Венгерской Народной Республики. В Будапеште он встретился со своим венгерским коллегой Добашем Иштваном, передавшим в Москву историческую радиограмму Бела Куна Ленину о победе революции. Состоялся и ответный визит Добаша Иштвана в Москву.

Мне, однако, не приходилось встречать в нашей печати и слышать рассказы телеграфистов, которые непосредственно связывали Ленина с Бела Куном, были свидетелями их переговоров. Нет ли кого-нибудь из них в живых? Кто они, что поведают?

Прежде всего я встретился со Скибиным. Максим Яковлевич посоветовал мне отыскать Петра Васильевича Костычева.

Переговоры с Будапештом Ленин вел из Кремля через Ходынскую радиостанцию. И бывшему ее телеграфисту-связисту П. В. Костычеву не раз приходилось выполнять обязанности технического посредника.

— Говорит Кремль. У аппарата Ленин — так обычно начинались переговоры, — вспоминает Костычев. — Владимир Ильич в Кремле стоял у такого же аппарата Юза, как мой.

— Петр Васильевич, так вы, наверное, знали и кремлевских «юзистов», которым Ленин мог диктовать радиограммы Бела Куна?

— Вот что, спросите-ка на Центральном телеграфе про Коробова. Года два тому назад я с ним встречался на одном праздничном вечере...

И Костычев дает мне номер телефона Тамары Максимовны Перовой — одной из активных общественниц Центрального телеграфа.

— Коробов? — переспрашивает она. — Александр Николаевич жив, здоров.

Спрашиваю Тамару Максимовну, не рассказывал ли Коробов о том, что ему приходилось в дни рождения Венгерской Советской республики связывать Ленина с Будапештом, с Бела Куном.

— Александр Николаевич нам недавно принес целую тетрадку со своими воспоминаниями,— отвечает Перова,— там как раз есть и об этом. Приходите, я ее вам покажу...

И вот тетрадка в моих руках. Ознакомившись с ее содержанием, спешу на квартиру к автору воспоминаний, пенсионеру, чтобы из его уст услышать интересующий меня рассказ.

Через короткое время после приезда Советского правительства в Москву в Кремле была оборудована переговорно-телеграфная станция. Ленин заходил в аппаратную, интересовался, как налажена связь, какие новости с фронтов.

Прямым проводом Владимир Ильич не раз пользовался для того, чтобы быть в курсе военных операций, ускорить решение неотложных вопросов хозяйственного строительства.

Поинтересоваться последними телеграммами с фронтов Владимир Ильич пришел и как только поднялся с постели после ранения. На левой руке через плечо была повязка.

— Владимир Ильич, наверное, рука-то у вас ноет? — спросил телеграфист.

— В ясные дни хорошо чувствую себя,— ответил Ленин.— А вот в ненастные рука дает себя знать. Но ничего, поправимся, опять будем работать.

Время своей поправки Владимир Ильич ограничил считанными днями. На девятый день после ранения он ответил на телеграмму штаба 5-й армии Восточного фронта: благодарил за пожелание выздоровления, призывал решительно подавить контрреволюционные мятежи... Менее чем через три недели после злодейского покушения он взвалил уже на свои плечи огромный груз государственной и партийной работы. Просил не беспокоить врачей звонками и вопросами о состоянии его здоровья...

Была весенняя полночь девятнадцатого года, когда в аппаратной раздался звонок с Центрального телеграфа.

— Вас вызывает Будапешт,— услышал Коробов,— открывайте аппарат Юза.

— Я Москва,— откликнулся московский телеграфист, сев за клавиатуру аппарата.

Бела Кун приглашал к аппарату Ленина.

— Подождите, пожалуйста. Я сейчас позвоню по телефону товарищу Ленину,— ответил Коробов.

«Наверное, Владимир Ильич отдыхает»,— подумал про себя Александр Николаевич, берясь за ручку старенького стенного телефона фирмы «Сименс и Гальске».

— У телефона Ленин,— раздался голос из рабочего кабинета Председателя Совета Народных Комиссаров.

— Владимир Ильич, вас просит к аппарату товарищ Бела Кун.

— Скажите, что я сейчас иду.

— Прошло несколько минут,— рассказывает Коробов.— Я слышу шаги по коридору здания судебных установлений. А время — два часа ночи... Владимир Ильич вошел в аппаратную, поздоровался. Пальто было на нем внакидку. Сбросил его с себя, положил на диван и подошел к аппарату. Я сел за клавиатуру. Ленин стоял рядом. «Скажите, что у аппарата Ленин»,— попросил Владимир Ильич передать Бела Куну. Я передал. Бела Кун задал Ленину первый вопрос. Владимир Ильич продиктовал свой ответ. И так фраза за фразой. Я печатаю на клавишах. Лента бежит... Владимир Ильич читает... Когда окончился этот разговор, стало уже рассветать...

Кто знает, сколько таких бессонных ночей провел на своем трудовом посту в ту весну девятнадцатого года Ленин, озабоченный судьбами молодой Советской республики, судьбами наших венгерских братьев...

Довершить до конца дело, начатое весной девятнадцатого года, Венгерской Советской республике тогда не удалось. Она продержалась сто тридцать три дня. Задушить ее помогли буржуазии социал-предатели, против которых предостерегал Ленин.

Суровые испытания выпали на долю Бела Куна, оказавшегося после поражения Венгерской Советской республики в руках озверевших врагов. Лишь летом двадцатого года ценою голодовки ему удалось вырваться на свободу. Вскоре несгибаемого борца-интернационалиста братски встречал рабочий Петроград.

...Первая встреча с Лениным по возвращении в Россию. Бела Кун активно включается в работу Коминтерна. Позднее он член Реввоенсовета Южного фронта. На другой день после разгрома полчищ барона Вран-

геля создается Крымский ревком. Возглавляет его Бела Кун.

После гражданской войны он вновь возвращается к работе в Коминтерне и отдает все силы укреплению братских связей между Коммунистическими партиями, развитию рабочего движения.

Один из учеников великого учителя, Бела Кун был страстным пропагандистом марксизма-ленинизма. Вот он в дни становления Венгерской Советской республики выступает перед народом, поднявшимся для строительства новой жизни.

«Доклад его то и дело прерывают аплодисменты,— вспоминал известный венгерский писатель Бела Илеш.— Но Кун делает протестующий жест.

— Это не мои слова, товарищи,— так учит нас Маркс.

Через пять минут снова аплодисменты.

— И это не мои слова, товарищи. Они принадлежат Ленину».

Да, Бела Кун проходил школу партийной работы непосредственно у Ленина и с гордостью мог считать себя одним из его учеников.

В этом отношении особенно памятным и поучительным уроком для венгерского коммуниста явилась беседа Ленина с ним в Петрограде в начале 1918 года. То было время, когда от немедленного заключения мирного договора с Германией зависела дальнейшая судьба Советского государства.

Авантюристы типа Троцкого открыто навязывали нашему народу дальнейшее кровопролитие, измождение, разруху.

Нашлись и любители звонких фраз, выдвинувшие свой лозунг — революционной войны со стороны России против Германии.

Слов нет, условия мирного договора, предложенные немцами, были тяжелыми, но во имя нашей конечной победы Ленин настаивал на их принятии. О необходимости заключения мирного договора с Германией Владимир Ильич и вел беседу с Бела Куном.

«Чтобы вести за собой миллионные массы, партия должна быть близка массе, должна понимать, чем эта масса живет, болеет, знать, на что она пойдет», — писала Надежда Константиновна Крупская и приводила такой

эпизод: когда Бела Кун стал говорить Ильичу о революционной войне с Германией, тот ответил: «Вы, кажется, не болтун, поезжайте завтра на фронт и посмотрите, готова ли солдатская масса к революционной войне». Бела Кун поехал и увидел, что Ильич прав»³.

По Ленину, по ленинскому учению, по компасу ленинизма сверял свои шаги в жизни венгерский коммунист.

— В Венгрии, а позже в Советском Союзе, когда Бела Кун что-либо делал, над чем-либо работал,— рассказывает его жена Ирена,— он всегда думал и не раз говорил: «А как бы поступил в этом случае Ленин?» Если же ему казалось, что в каком-нибудь вопросе ошибся, замечал: «Тут мы что-то не по-ленински сделали».

Бела Кун мог не раз убедиться и в том, до какой степени чуток и внимателен был Ленин к людским судьбам. «Прошу сообщить мне кратко о состоянии здоровья т. Бела Куна, а равно, сколько времени требуется на лечение и какого рода лечение Вы предполагаете»⁴,— интересовался Ленин в своей телефонограмме, переданной из Горок летом 1921 года, лечащему врачу.

Что же было причиной столь большой ленинской тревоги и озабоченности? Какие меры последовали после непосредственного вмешательства Владимира Ильича?

Вдова выдающегося революционного борца Ирена Кун живет в Будапеште. Я позвонил ей по телефону и получил ее любезное согласие ответить на интересующие меня вопросы.

Здоровье Бела Куна было основательно подорвано. Он тяжело болел. Вначале была сделана попытка устроить его на лечение за границей. Из этого ничего не вышло. Правительства Швеции и Норвегии отказались выдать Бела Куну визы на въезд в эти страны. Тогда было решено провести лечение в Железноводске.

«Это было отнюдь не просто в то время, ибо только что окончилась гражданская война, а на Северном Кавказе не были еще ликвидированы банды,— пишет мне Ирена Кун.— В то время еще не были созданы курортные управления и всякого рода отделы обслужива-

ния, и поэтому Ленин лично проследил за нашим устройством. В частности, по его указанию нам были доставлены домой железнодорожные билеты, командировки, деньги и т. д. В Железноводске мы жили в отдельном домике по соседству с Фрунзе и его семьей. Фрунзе также был болен. Два месяца пробыл Бела Куна на Кавказе — месяц в Железноводске и месяц в Кисловодске».

В предпоследнем томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина содержатся три новых впервые публикуемых документа, связанных с именем Бела Куна. Каждый из них свидетельствует о том, что болезнь Бела Куна Ленин принимал очень близко к сердцу и делал все для того, чтобы помочь ему восстановить свои силы.

«Очень прошу Вас помочь всячески поездке т. Бела Куна (с семьей) в Стокгольм, — обращается Владимир Ильич к Л. М. Карахану. — Очень обяжете меня, если черкнете два слова, удастся ли это и нет ли каких особых помех?»⁵.

По тому же поводу и в тот же день 13 апреля двадцать второго года Ленин обращается и к двум другим адресатам. В письме советскому послу в Швеции П. М. Керженцеву он пишет:

«Очень прошу Вас оказать полнейшее доверие и *всяческое* содействие тов. Бела Куну и его семье по части устройства в Стокгольме, отдыха и лечения (в чем он *очень* нуждается) и всего прочего»⁶.

А как не поставить в известность о предпринятых шагах того, кто наверняка не станет напоминать о себе, о своих нуждах. И Владимир Ильич направляет Бела Куну копии писем, отправленных им Керженцеву и Смирнову, сообщает о том, что написал и Карахану.

«Пожалуйста, если еще что-нибудь будет нужно, тотчас же мне напишите (по адресу Фотиевой)», — просит Ленин в своем письме Бела Куну.

Память служила Ленину безупречно. Но и здесь он счел своим долгом записать имена работников, к которым обращался за содействием в организации отдыха и лечения Бела Куна.

«Напомнить мне завтра», — пометил Владимир Ильич на одном из документов, представлявших собой своеобразную памятку его поручений.

...После выздоровления Бела Кун со свежими силами берется за работу и выполняет важнейшее поручение Ленина на Урале.

Жена Бела Куна рассказывает о том, что на конгрессе Коминтерна ей посчастливилось познакомиться с Лениным, о котором она так много слышала от своего мужа.

«Познакомились мы на лестнице здания, в котором происходил конгресс,— рассказывает она.— Ленин поднимался в зал заседаний. Я с Бела Куном спускалась вниз. Ленин увидел Бела Куна, остановился, улыбнулся, поздоровался с ним и спросил:

— Ваша жена?

— Да, моя жена.

Тогда Ленин протянул мне руку и сказал:

— А я Ленин... Как вы доехали с Урала? Каковы ваши планы на будущее? Как чувствуют себя ваши дети? Вам нужно научиться говорить по-русски...»

Ленин не раз принимал у себя Бела Куна. Их встречи продолжались и во время болезни Ильича в Горках.

— Здесь Ленин,— откликнулся Владимир Ильич на первую радиограмму из Будапешта о победе Венгерской Советской республики.

— Здесь Ленин,— с гордостью говорят наши венгерские товарищи о своих замечательных достижениях в строительстве новой и светлой жизни.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 232.

² И. Ленгель. Исторический репортаж. М., изд-во «Советская литература», 1933, стр. 160—161.

³ «Правда», 16 декабря 1924 г.

⁴ Ленинский сборник XX, стр. 358.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 239.

⁶ Там же.

«ВЫЕХАЛ НЕЛЕГАЛЬНО...»

Третий по счету вопрос анкеты, которую пришлось заполнить Ленину 2 апреля 1917 года при возвращении из эмиграции на пограничном пункте Торнео гласил: «С какой целью ездил за границу?»

«Политический эмигрант... Выехал за границу нелегально», — ответил Владимир Ильич.

Выехал нелегально... Когда же и как это произошло?

Декабрь 1907 года был уже на исходе, но навигация между финским городом Або и шведской столицей Стокгольмом продолжалась. Суда ходили по узкому каналу, который прорезал для них ледокол.

Однажды, когда к очередному рейсу из Або в Стокгольм готовился пароход «Боре», к его капитану явился весьма почтенный и влиятельный агент пароходных линий Вальтер Борг. Он просил оставить место для важного иностранного коммерсанта, прибывающего поездом из Гельсингфорса в десять вечера. «Боре» уходил по расписанию на час позже. Договорились. Дело было за пассажиром...

Из Гельсингфорса Боргу сообщили по телефону номер вагона, в котором выехал коммерсанта, описали его внешние приметы.

Посвятив в эти подробности своих друзей, Борг поручил им встретить на вокзале важного гостя. Однако случилось нечто загадочное. Пришел поезд, но тщетно ожидали посланцы Вальтера Борга пассажира у дверей вагона, в котором он выехал из Гельсингфорса. Не появился пассажир и в дверях соседних вагонов.

Обошли перрон, заглянули в вокзал, искали на путях — все напрасно.

Понятно, с каким удивлением встретил Борг эту весть: прозевали...

Его недоумение перешло в тревогу, когда, позвонив в Гельсингфорс, он еще раз убедился в том, что не ослышался, не ошибся. Тогда он вторично отправил своих людей отыскивать коммерсанта, а сам поспешил на пристань, чтобы предупредить капитана парохода. Удалось договориться, что «Боре» уйдет на час позже обычного. Между тем все попытки обнаружить важного коммерсанта ни к чему не приводили.

До отправки «Боре» оставалось уже не более четверти часа. И его капитан прислал на квартиру Борга предупредительную записку: пароход уходит. Первая остановка — остров Драгсфьерд. Туда «Боре» придет утром и будет пополняться топливом. Не все еще потеряно. Если пассажир найдется, пусть догоняет пароход на лошадях по льду... Всего каких-нибудь пятьдесят километров.

Стрелка часов перешагнула далеко за полночь, но в квартире Борга все продолжали бодрствовать. Поиски пропавшего без вести человека продолжались...

Раздался звонок. Все находившиеся в квартире бросились открывать дверь. На пороге стоял продрогший, оочевенный от ночного мороза «важный коммерсант».

«Ильича полиция уже искала по всей Финляндии, надо было уезжать за границу, — вспоминала позже Надежда Константиновна Крупская. — Ясно было, что реакция затянется на годы. Надо было опять податься в Швейцарию. Больно неохота было, но другого выхода не было. Да и необходимо было наладить за границей издание «Пролетария», поскольку издание его в Финляндии стало невозможно. Ильич должен был при первой возможности уехать в Стокгольм и там дожидаться меня»¹.

Да, другого выхода у Ленина не было. Петербургская судебная палата наложила арест на его книгу «За 12 лет» и возбудила дело о привлечении ее автора к суду. Она же вынесла решение об уничтожении ленинского произведения «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

«После разгрома Финляндии ничего не осталось, как перенести «Пролетарий» за границу, — писал Владимир Ильич в январе 1908 года А. В. Луначарскому. — Так коллегия и решила»².

Вот кем был «важный иностранный коммерсант», для которого Вальтер Борг, выражаясь современным языком, забронировал место на пароходе «Боре». Влиятельный агент пароходных компаний уже не раз великолепно справлялся с подобными поручениями нашей партии.

Обратимся к свидетельству одного из непосредственных участников события, редактировавшего тогда в городе Або местную партийную газету,— А. Ф. Нуортева. Он вспоминал, что со слов Владимира Мартыновича Смирнова, старого большевика, работавшего в ту пору лектором в Гельсингфорсском университете, им было известно о предстоящем переезде в Стокгольм одного товарища.

— Имени он прямо не сообщил, но мы знали, что предполагается выезд Владимира Ильича, и по тону извещения товарища Смирнова догадались, что речь идет именно о нем,— вспоминал финский коммунист.— Не помню теперь, имел ли Владимир Ильич готовые документы из Гельсингфорса, или заготовливались они Боргом, но помню, что документы были выправлены ему, как иностранному коммерсанту. К этому надо добавить, что «выправлять» документы финские товарищи умели мастерски.

Что же произошло на этот раз с «важным иностранным коммерсантом»? Когда поезд отошел от Гельсингфорса, Ильич обратил внимание на то, что за ним в вагоне следят. Чем ближе поезд подходил к Або, тем меньше оставалось сомнений: шпики!

Колеса поезда отстукивали последние километры.

«Теперь он в наших руках, никуда ему не уйти»,— были уверены царские наемники.

Надо было решаться на крайнюю меру. Улучив подходящее мгновение, Ленин вышел в тамбур вагона и на полном ходу спрыгнул с поезда... Упал Владимир Ильич в глубокий сугроб. Прыжок, к счастью, не причинил ему вреда. Выбравшись из сугроба, Владимир Ильич направился в Або. К ночи он пришел на квартиру Вальтера Борга.

— Стоял трескучий мороз,— вспоминал А. Ф. Нуортева.— Ильич не был обут и одет для такого хождения. Только сила воли помогла ему добраться до явочной квартиры. Мы его раздели; положив на диван,

оттирали ему ноги и руки, напоили горячим чаем с коньяком.

Не успел Владимир Ильич отогреться, как стал торопить Борга со сбором в дорогу. Гостеприимному хозяину удалось найти лошадь. Владимир Ильич сел в санки рядом с проводником. Тронулись...

Половина пути к острову уже оставалась позади, когда приключилась новая беда. У деревни Паргас лошадь сбила ногу, да так, что не только на галоп, но и на более умеренный шаг рассчитывать не приходилось. Что делать?

Найти другую лошадь? Провожатый стал прикидывать возможные варианты. Просить лошадь пришлось у... местного полицейского. И это в то время, как в поисках Ленина охранка обшарила всю Финляндию.

Провожатый, разбудив полицейского, сумел вызвать в нем сочувствие к человеку, опоздавшему на пароход. Заняв место кучера, владелец лошади погнал ее во весь опор к острову Драгсфьерд.

Вслед за Лениным через тот же «пересыльный пункт» в Або с помощью тех же верных финских друзей выехала за границу и Надежда Константиновна Крупская. Владимир Ильич под свежим впечатлением рассказал ей о дорожных приключениях. В довершение ко всему ему пришлось до острова пройти версты три по льду. Любителей совершать такие прогулки было мало. Тем более в ночное время.

«Наконец Ильича взялись проводить двое подвыпивших финских крестьян, которым море было по колено. И вот, пробираясь ночью по льду, они вместе с Ильичем чуть не погибли, лед стал уходить в одном месте у них из-под ног,— вспоминала Надежда Константиновна.— Еле выбрались».

Так в общих чертах был обставлен нелегальный проезд Владимира Ильича.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

¹ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Госполитиздат, 1957, стр. 128.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 120—121.

«РУССКИЕ УЧИТЕЛЯ» ПОД ПАРИЖЕМ

Парижские письма Ленина, адресованные Горькому, содержат упоминание об одном из примечательнейших событий в истории партии. «А рабочим из нашей школы ответьте. Хорошие парни», — пишет в конце апреля 1911 года Владимир Ильич Алексею Максимовичу на остров Капри. В сентябре Ленин шлет Горькому новую весточку: «Дорогой А. М.! Писал я Вам последний раз месяца, должно быть, два тому назад — в начале школы (которая теперь уже окончилась и слушатели разъехались)»¹.

Кто же эти «хорошие парни» «из нашей школы», где и чему они учились?

Среди бесценных сокровищ, что хранятся в отделе редкой книги Всесоюзной государственной библиотеки имени В. И. Ленина в Москве, есть и комплект газеты «Социал-Демократ», издававшейся в свое время нашей партией. Перед нами четырнадцатый номер этой газеты. Он вышел в Париже летом 1910 года, пробился через кордоны царской охраны в Россию. Из него местные партийные организации и узнали: создается высшая общепартийная школа, она учреждается решением январского пленума Центрального Комитета партии 1910 года, обучаться в ней будут главным образом рабочие.

То был трудный для большевиков период. В России свирепствовала столыпинская реакция, буржуазная контрреволюция. В самой партии вели подрывную, раскольническую деятельность всякого рода фракционные, оппортунистические группировки. С одной стороны, меньшевики-ликвидаторы выступали против существования нелегальной марксистской партии. С другой стороны, «ликвидаторы наизнанку», как называл Ленин отзовистов, ультиматистов, отстаивали сектантскую

тактику, были противниками использования легальных возможностей для революционной работы в массах; они создали в Италии — вначале на острове Капри, затем в Болонье — фракционные школы, где воспитывали слушателей в антипартийном духе.

В России назревал новый революционный подъем. В этих условиях большевики особенно нуждались в политически выдержанных и теоретически подготовленных кадрах, которые ценились на вес золота. Как отмечалось в решениях январского пленума ЦК, передовые рабочие стремились «углубить свое социалистическое мировоззрение и понимание марксизма...»². Для подготовки таких кадров и решили организовать за границей общепартийную школу. Ее слушателями должны были стать представители пролетарских центров России. В упомянутом выше номере газеты «Социал-Демократ» как раз и было помещено извещение специально созданного комитета будущей партийной школы. В нем, в частности, говорилось: «Ученики выбираются местными организациями под контролем ЦК».

Высшая общепартийная... Такая школа создавалась впервые. В ней стремились учиться передовые рабочие, лучшие представители нашей партии.

Одним из первых откликнулся Серго Орджоникидзе. Узнав из газеты «Социал-Демократ» о создании школы, он дал знать в Париж о своем твердом намерении учиться в ней. «Товарищи, имейте в виду, — писал он, — если здесь мне удастся собрать предполагаемую мною сумму, то несмотря на то, что я в настоящее время в Персии (он находился тогда в городе Реште. — Ю. Ю.), все же по открытии школы приеду, и вы должны будете допустить в школу меня в числе других...»³

Осенью 1910 года Орджоникидзе напоминает о себе школьному комитету уже из Баку: может ли он рассчитывать на место вольнослушателя? При положительном ответе Орджоникидзе просит выслать подписные листы для сбора денег, на которые он мог бы существовать в Париже. Обязательное требование — возвращение в Россию по окончании школы для продолжения нелегальной работы он принимает безусловно. «В случае, если школьный комитет пожелает иметь сведения о моем партийном прошлом, может справиться у Кавказских организаций», — добавляет автор письма.

И вот Орджоникидзе в Париже, на квартире Ленина.

— Пришел какой-то человек, ни слова не говорит по-французски, должно быть, к вам,— сообщила Крупской консьержка, то есть швейцар, привратница.

«Я спустилась вниз — стоит кавказского вида человек и улыбается. Оказался Серго,— вспоминала Надежда Константиновна.— С тех пор он стал одним из самых близких товарищей»⁴.

Находясь в Париже, Серго не прерывал своих связей с партийными товарищами в России. Недавно было опубликовано первое письмо, отправленное им из Парижа в Баку. Оно датировано 1 февраля 1911 года. Орджоникидзе сообщал о том, что по приезде в Париж сразу же с вокзала направился на квартиру Ленина.

«Вышла его жена, она, конечно, догадалась, что к ним босяк из России, и с довольно теплой душой приняла,— писал Серго.— После нескольких минут пришел сам Ленин. Он с внешней стороны похож на типичного русского рабочего. Низенький, с лысой головой и маленькими киргизскими глазами. Говоря с ним, ничуть не дает чувствовать, что дело имеешь с человеком, стоящим в миллион раз выше тебя, напротив, с первой же встречи как будто обнимает тебя всей душой. Я оставался у него часа 3—4. Беседовали обо всем, о Персии, о Баку, о Кавказе и др. После мне нашли комнату и поместили»⁵.

Многое предстояло еще сделать, чтобы партийная школа смогла начать свою жизнь. Для этого нужно было получить для нее средства из общепартийной кассы, чему препятствовали ликвидаторы, впередовцы и прочие раскольники. Провести выборы учеников в местных партийных организациях и помочь им нелегально переправиться через границу во Францию. Подобрать лекторов. Найти вблизи от Парижа укромный уголок для занятий. (В целях конспирации питомцы школы выдавались за русских учителей, приехавших во Францию «на курсы усовершенствования».) Надо было подыскать дом под общежитие и помещение для учебных занятий.хлопоты и хлопоты...

Неутомимым помощником Владимира Ильича, его правой рукой во всем этом большом и сложном деле был Н. А. Семашко.

— На меня, как на секретаря Заграничного бюро ЦК, была возложена организационная подготовка этой школы,— вспоминал Николай Александрович.— ...Я был секретарем школы и в ряду других преподавал в ней.

Близилось начало выборов слушателей. Трех человек должна была дать петербургская партийная организация. Активную роль в формировании школы сыграл Николай Гурьевич Полетаев. Пользуясь своей неприкосновенностью депутата III Думы, он совершил вояж из Петербурга в Париж и вернулся домой с прямым поручением Центрального Комитета партии организовать в Питере выборы учеников. Среди направляемых в партийную школу были токарь Путиловского завода Иван Белостоцкий и галошница с «Треугольника» Анна Иванова. День приезда питерцев в Париж был для Владимира Ильича, без преувеличения можно сказать, настоящим праздником.

«Приехала публика развитая, передовая,— рассказывала Надежда Константиновна о впечатлении, которое произвели питерцы.— В первый вечер, когда они появились на горизонте, Ильич повел их ужинать куда-то в кафе, и я помню, как горячо проговорил он с ними весь вечер, расспрашивая о Питере, о их работе, нащупывал в их рассказах признаки подъема рабочего движения»⁶. И как же он был вознагражден сообщением Белостоцкого о недавнем митинге протеста против произвола царского правительства, состоявшемся на Путиловском заводе.

— Молодцы путиловцы,— порадовался Владимир Ильич.— Это очень интересный факт, товарищ Владимир (партийная кличка Белостоцкого.— Ю. Ю.), архиинтересный и важный.

Потом Ленин познакомился с двумя москвичами, приехавшими учиться в школу. Необычайно скромный рабочий-кожевник Присягин, имевший к тому времени известный опыт профессионального революционера, рассказал ему о революционном движении пролетариев Москвы.

Ожидалось еще десять слушателей. Направили учиться бакинского литейщика Александра Догадова и сормовского кровельщика Ивана Чугурина, рабочего металлургического завода под Екатеринославом Якова

Зевина, электромонтера из Домбровского угольного бассейна в Польше Эдуарда Прухняка и др. Пока собрались все слушатели, прошло целых три месяца.

Поиски места, ничем не привлекательного для постороннего глаза, увенчались успехом. Это была деревня Лонжюмо в восемнадцати километрах от Парижа. Дачники своим вниманием никогда не жаловали ее: кожевенный заводик, расположенный в Лонжюмо, мало чем украшал окрестный пейзаж. Здесь весной 1911 года и появились «русские учителя». К их приезду Инесса Арманд успела договориться об аренде дома. Одну из комнатушек на его верхнем этаже она заняла для себя с сыном. Будущий лектор школы и руководитель семинарских занятий, она взяла на себя и все труды, связанные с подготовкой учебного процесса.

Дом, в котором расположились питомцы школы, стал сразу походить на общежитие. Гораздо сложнее было превратить хозяйский сарай в учебную аудиторию. Разного утиля в нем накопились целые горы. А от кузнечного горна так и не удалось освободиться. Он и поныне служит сыну тогдашнего хозяина сарая.

Вскоре Владимир Ильич и Надежда Константиновна переехали из Парижа в Лонжюмо, где сняли две комнатки в квартире местного рабочего-кожевника.

Слушатели только съезжались. Официально партийная школа еще не была открыта. Но с теми, кто прибыл в Лонжюмо, велись подготовительные занятия. Учащиеся получали первоначальную теоретическую подготовку. Ленин читал и разбирал со слушателями «Коммунистический манифест».

Какова же была методика ленинских «читок»? Об этом рассказывает Иван Дмитриевич Чугурин:

«...Мы быстро все уселись вокруг него (В. И. Ленина. — Ю. Ю.). Он стал читать и, прочитав несколько строк, задавал вопросы. По ответу одного спрашивал другого — верно ли ответил товарищ и, внося те или другие поправки, продолжал занятия дальше»⁷.

Из письма Серго Орджоникидзе можно почерпнуть некоторые существенные подробности, связанные с подготовительными занятиями.

«...Теперь взялся приготовить небольшой реферат, — писал Орджоникидзе. — Что такое профсоюзы и каковы они должны быть, то есть нейтральные или партийные... Иду на занятия. Учимся писать статьи и корреспонденции в газеты, учит жена Ленина».

Позже проводились беседы, посвященные практике профессионального движения, оценке выступлений социал-демократов на собраниях, съездах. Особым вниманием были окружены менее подготовленные товарищи.

Всего слушателей в партийной школе было восемнадцать. Основное ядро школы составляли большевики. Наряду с ними было несколько меньшевиков-партийцев. Здесь собрались передовые рабочие из Петербурга, Москвы, Баку, Екатеринослава, Сормова и других городов.

Несмотря на все предосторожности, царская охранка узнала о школе, отмечала ее революционный характер. Да и не мудрено, сокрушалась она, ведь вербовал учеников в школу агент, посланный в Россию Лениным. Он «руководствовался желанием, чтобы в школу попадали преимущественно рабочие — последователи ленинского большевистского направления».

Учебная программа школы предусматривала курс политической экономии. Его читал Ленин. Владимир Ильич вел еще два предмета: аграрный вопрос, теорию и практику социализма в России. Но этим не исчерпывалась нагрузка, которую взял на себя инициатор и основатель школы. Дело в том, что ученики школы послали приглашение Плеханову прочесть курс лекций о марксистской философии. Плеханов охотно согласился, но своего слова не сдержал. И тогда Владимир Ильич прочитал еще три лекции. Общее их количество составило 56.

Лето 1911 года во Франции было знойное. Тем не менее в партийной школе шли напряженные занятия. К восьми часам утра слушатели усаживались по обе стороны длинного стола, стоявшего в сарае. Одни на скамейках, другие на хозяйских стульях, которые приносили из столовой после завтрака. Входил Ленин, занимал место лектора на импровизированной кафедре.

— Как сейчас помню: Владимир Ильич приходил всегда точно в назначенный час, — рассказывала впоследствии Анна Ивановна Иванова, носившая в школе

конспиративную кличку «Вера». — Энергичный, сосредоточенный, а иногда веселый. Когда он появлялся, у всех становилось как-то празднично на душе ⁸.

Исключительно глубокие знания, широкая эрудиция позволяли Ленину цитировать на память те или иные выдержки из произведений основоположников научного коммунизма. Тем не менее тома «Капитала» Маркса, труды Энгельса, а также отдельные работы Плеханова всегда были у него под рукой. Пользовался лектор и своими конспектами. Он считал, что конспект дисциплинирует мысль и речь, что без него можно, увлекшись одним положением, упустить другое...

Три курса лекций вел Ленин в школе, но науке он учил одной — марксизму, науке побеждать в грядущих классовых битвах, в пролетарской революции, в борьбе за торжество социализма. Читая лекции, Владимир Ильич стремился активизировать мысль слушателей, вызвать их на творческое обсуждение теоретических проблем. Об одной из таких бесед впоследствии вспоминала А. И. Иванова.

« — Вот, товарищи, вы будете делать революцию, вам предстоит возглавить народ в борьбе за власть, — говорил Ильич. — Предположим, произошла революция. Так вот, что вы будете делать, ну, например, с банками?»

Минутная пауза, вызванная неожиданностью вопроса, затем из глубины сарая раздается голос:

— Уничтожим, Владимир Ильич!

— А вот и нет! — горячо воскликнул Ленин и стал терпеливо объяснять нам, как следует поступить.

Ленин говорил удивительно ярко и доходчиво. Самые запутанные явления и процессы он сравнивал с вещами, всем известными. И понятия абстрактные становились ближе слушателям ⁹.

Одна ленинская лекция не была похожа на другую. Но каждая из них отличалась поразительным умением Владимира Ильича брать за живое буквально каждого слушателя, находить с ним общий язык.

— Это скорее была серьезная, живая беседа, в которую втягивались все присутствующие, — рассказывал один из бывших слушателей школы, Б. А. Бреслав. — Мы ему, конечно, задавали вопросы, и он нам отвечал на них охотно, но больше всего вопросов Владимир

Ильич задавал нам, ученикам, каждому в отдельности и всем вместе. Мы все усиленно старались отвечать, дополнять и исправлять друг друга, а Владимир Ильич, зорко следя за всеми нами, незаметно, одним словечком нас всех поправлял.

Практиковались в школе и домашние задания. Нередко перед слушателями ставились вопросы, на которые следовало приготовить письменные ответы. Так было и по курсу истории РСДРП. Учащиеся школы составили три реферата. Излагать свои мысли письменно, вести конспекты, сочинять рефераты — этому учили слушателей в часы, специально отведенные для самостоятельных занятий.

А учебные пособия? Были и они. По политической экономии слушатели пользовались тезисами, написанными Владимиром Ильичем. Существовала и школьная библиотека, которой заведовал «товарищ Петр» (так тогда называли Ивана Чугурина). В ней можно было получить необходимую литературу.

— Вы должны научиться пользоваться первоисточниками, а не выдержками из них, — подчеркивал Владимир Ильич (об этом вспоминал один из питомцев школы, Иван Вонифатьевич Присягин). — Учеба по цитатам взамен первоисточников — сплошное верхоглядство и пенкоснимательство...

Круг вопросов, которые охватывала учебная программа, был довольно широк. История социалистического движения на Западе. История РСДРП. Профсоюзы и кооперация. Рабочее законодательство и государственное право. Характер различных политических партий. Вопросы литературы и искусства. Изучались и тактические проблемы развития социал-демократического движения. И все это тесно связывалось с жизнью, с опытом революционной борьбы. Как строить партийную организацию? Как вести пропаганду и агитацию? Каково отношение партии к профсоюзам и кооперации? На эти вопросы слушатели получали ответы и в лекциях, и во время практических занятий.

Из Парижа приезжал на велосипеде в Лонжюмо Николай Александрович Семашко. Он читал лекции по рабочему законодательству, знакомил слушателей с постановкой государственного страхования рабочих в различных странах. Живой интерес вызывали его лек-

ции о парламентаризме и думской социал-демократической фракции.

Истории социалистического движения в Бельгии были посвящены четыре лекции Инессы Арманд. Она пользовалась у слушателей глубоким уважением. Любопытна «аттестация», которую в то время составила на нее царская охранка: «Интеллигентка, с высшим, полученным за границей образованием, свободно владеет европейскими языками...» Тут же отмечалось: «Обладает весьма интересной наружностью».

Одним из лекторов в партийной школе был Ю. М. Стеклов. Он читал о типах буржуазных конституций, об избирательных системах. Охранка и его не оставила без внимания. «Литератор и известен как знаток государственного права», — значилось в досье. И снова фрагмент портрета: «Очень высокого роста, полный, здоровый, вытянутое лицо, брюнет, раскладистая борода и усы, вид ученого».

...Рассказ о ленинской школе в Лонжюмо мы начали с упоминания о письме Владимира Ильича Горькому. В письме содержалась просьба дать ответ, которого ждут от писателя рабочие «из нашей школы». Дело в том, что Алексея Максимовича приглашали приехать в школу для чтения лекций по литературе. Но он не приехал. Приглашение прочитать лекции по вопросам литературы и искусства принял А. В. Луначарский.

Меньшевики — ликвидаторы, впередовцы и прочие оппортунисты — всячески мешали работе школы. Они, в частности, ставили под удар ее и без того предельно скромный бюджет. Ленину приходилось выдерживать тяжелую борьбу за то, чтобы отстоять предусмотренные для школы средства.

Большой интерес в этой связи представляет впервые опубликованный в Полном собрании сочинений В. И. Ленина один примечательный документ. История его такова. В июне 1911 года происходило совещание членов ЦК РСДРП. На нем была создана Заграничная техническая комиссия, которая ведала партийными средствами, занималась изданием партийной литературы, ее транспортировкой и т. д. Примиренческое большинство комиссии отказалось финансировать партийную школу в Лонжюмо. Тогда-то Ленин от своего

имени и от имени другого члена ЦК написал специальное заявление:

«Как члены совещания мы, нижеподписавшиеся, узнав о решении Технической комиссии не выдавать денег школе, заявляем, что считаем это решение прямо противозаконным и вносим на голосование членов совещания следующее предложение: *Члены совещания постановляют выдать из наличных денег (или из держательских) необходимую для школы — по решению партийной Школьной комиссии (на разъезд и на жизнь не позже 1.IX.1911) — сумму*»¹⁰.

Ленин писал это заявление 30 июля 1911 года, когда занятия в школе были в самом разгаре. Нетрудно себе представить, сколько сил пришлось затратить Владимиру Ильичу на то, чтобы отвести угрозу, нависшую над школой. Из-за недостатка средств пришлось форсировать сроки прохождения учебной программы.

Слушателям приходилось трудиться основательно, но зато и отдых был вдвойне приятен. Ленин охотно разделял со своими учениками прогулки в поле, хорошие спевки. Свои любимые песни «русские учителя» пели задушевно, выразительно. Послушать «Стеньку Разина» или «Дубинушку» собирались и местные жители. Французы также пели свои песни. Нередко импровизированный хор исполнял и «Интернационал»¹¹.

...Последний день учебы в Лонжюмо. Он остался в памяти слушателей школы на всю жизнь. Напутствуя их, вспоминала Иванова, Владимир Ильич призывал:

— Берегите друг друга, помните о нашем партийном товариществе, и главное — смелее опирайтесь на рабочий класс, в нем наша сила, наша будущность...

В жизни партии предстояло важнейшее событие — Пражская конференция РСДРП. И для подготовки к ней в Россию были направлены три питомца ленинской школы, опытные революционеры: сначала Г. К. Орджоникидзе, затем И. И. Шварц и Б. А. Бреслав. Приятно было Владимиру Ильичу увидеть их затем среди делегатов конференции. А всего слушателей школы Лонжюмо было на конференции пять. Серго Орджоникидзе избрали в состав Центрального Комитета партии. Кроме того, на первом заседании нового ЦК, состоявшемся во время конференции, было решено кооптировать в его состав Ивана Белостоцкого.

Еще в Париже Владимир Ильич предостерегал слушателей школы от неосмотрительности, предупреждал, что царские сатрапы будут за ними охотиться. Об одном из эпизодов рассказала в своих воспоминаниях Анна Ивановна Иванова.

Из Петербурга в Париж А. И. Иванова выехала, ожидая своего первенца. В Париже и родился ее старший сын, Борис. Это, однако, не помешало ей успешно окончить школу.

«Не забуду и такой истории,— вспоминала Анна Ивановна.— В помощь слушателям Ленин написал тезисы по политической экономии. Однажды я сказала Надежде Константиновне:

— А что, если я отпечатанные тезисы возьму с собой в Питер? Мы там по ним будем заниматься в рабочих кружках.

Вскоре после этого Владимир Ильич подошел ко мне и мягко сказал:

— Надежда Константиновна говорила, что вы хотите взять тезисы в Питер. И не думайте этого делать! Обещайте мне, что, кроме своего Борьки, вы из Парижа ничего не повезете. Ведь как вы там их ни прячете, жандармы могут найти... А вас ждет в Питере большая и нелегкая работа, зачем же еще подвергать себя опасности? Так обещаете?

— Обещаю, Владимир Ильич,— смущенно ответила я».

Однако уйти от охранки, следовавшей за ней по пятам, «товарищу Вере» так и не удалось...

Собирая материал для этого очерка, я побывал в Ленинграде. Журналист Б. Расин познакомил меня с находкой в Архангельском государственном архиве.

...Обложка одного из дел канцелярии Архангельского губернатора. О ком же оно? Оказывается, о состоявшей под гласным надзором полиции крестьянке Псковской губернии, Островского уезда, Анне Ивановне Ефимовой, урожденной Ивановой. В деле этом значится, что она попала в ссылку «за нелегальный выезд из России за границу и вступление в число учениц Парижской школы агитаторов Российской социал-демократической рабочей партии». Так написано было на обложке дела, насчитывавшего ни мало ни много сорок семь листов.

Анне Ивановне посчастливилось вновь встретиться с Лениным в апреле 1917 года, во дворце Кшесинской.

— Он меня сразу узнал и, хотя был очень занят самыми неотложными делами, — вспоминала Анна Ивановна, — стал расспрашивать о положении в районах, о настроениях рабочих, солдат, матросов... Ленин не забыл спросить о сыне и о муже, которого он тоже знал, и пригласил меня зайти к себе на квартиру. Он жил тогда на Широкой улице у Анны Ильиничны.

Приглашением Ленина Иванова воспользовалась. А вскоре она была направлена Владимиром Ильичем на работу в редакцию журнала «Работница».

В эти же исторические апрельские дни семнадцатого года Ленина встречал на Финляндском вокзале и другой его ученик по Лонжюмо, представитель Выборгского райкома партии Иван Дмитриевич Чугурин. Владимир Ильич сразу узнал «товарища Петра». Здесь же, на вокзале, Чугурин, выполняя поручение районного комитета партии, вручил Владимиру Ильичу партийный билет № 600.

Вскоре Владимира Ильича увидел еще один выпускник ленинской школы, Иван Вонифатьевич Присягин (в школе его звали «товарищ Степан»). Барнаульские большевики послали Присягина своим делегатом на VII (Апрельскую) Всероссийскую конференцию партии.

«На конференции встретили мы много знакомой публики, — писала впоследствии Надежда Константиновна. — Запомнилась, между прочим, встреча с Присягиным, учеником школы в Лонжюмо, запомнилось, как слушал он речь Ильича и как светились его глаза»¹².

Лонжюмо, ленинской школе посвятил свою поэму Андрей Вознесенский. Она полюбилась многим читателям. Есть в этой поэме и такие строки:

Школа Ленина! Где ты, школа?
Где сейчас твои ветераны?

Ивана Присягина Великий Октябрь застаёт на Алтае. Он председатель губкома партии, затем возглавляет губернский профсовет, активно борется за власть Советов. В 1918 году белогвардейцам удастся схватить

его и бросить в застенок. Присягин погиб, как народный герой.

Свято хранит наш народ в своей памяти имена двадцати шести бакинских комиссаров, расстрелянных английскими интервентами. Среди них был Яков Зевин, питомец ленинской партийной школы в Лонжюмо.

Наука, которой учил Ленин, была путеводной звездой командарма социалистической индустрии Серго Орджоникидзе. Ей следовал в своей работе и ставший впоследствии одним из секретарей ВЦСПС Александр Догадов. Бреслав и Чугурин, Шварц и Иванова — каждый на своем посту служили делу партии так, как тому учил их Ильич. Ленинская выучка наложила свой отпечаток на жизнь и деятельность Эдуарда Прухняка, который был в довоенные годы одним из руководителей Коммунистической партии Польши.

На есей земле остался теперь один-единственный представитель славной плеяды учеников партийной школы в Лонжюмо. Это Иван Степанович Белостоцкий. Живет он в Челябинске. Там и состоялось наше знакомство с ним.

Ивану Степановичу пошел уже девятый десяток. Пройден большой жизненный путь профессионального революционера. В первые годы Советской власти он руководил здравоохранением на Урале. Не раз тогда приходилось ему являться с докладами к народному комиссару здравоохранения Н. А. Семашко, старому знакомому по Лонжюмо. Белостоцкий в дальнейшем строил цехи Челябинского тракторного завода и участвовал в выпуске первых его тракторов. Как и многие труженики тыла, он сутками не покидал завод в годы Великой Отечественной войны, работая начальником цеха. Тремя орденами Ленина отметила Отчизна его заслуги.

И. С. Белостоцкий познакомил меня с почтой, которую он получает. Ему пишут историки и художники, работники партийных архивов и научные сотрудники краеведческих музеев. Здесь и письма ныне покойной слушательницы партийной школы Анны Ивановой, фотография Ивана Присягина, присланная работниками одного из партийных архивов. Белостоцкий и Присягин крепко дружили, жили в одной комнате в Лонжюмо.

Свой особый интерес к истории партийной школы в Лонжюмо, к ее опыту, традициям проявляют пропагандисты, лекторы, методисты системы партийной учебы. И как раз в те дни, когда мы беседовали с Иваном Степановичем, он получил приглашение в Дом политического просвещения Челябинского обкома партии. Его просили выступить перед пропагандистами, преподавателями кафедр истории КПСС. Приглашение было принято. Состоялся душевный разговор о силе революционной теории, о славных делах нашей партии.

Собравшихся интересует, с каким общеобразовательным багажом приехали слушатели учиться в школу.

— Лично мне, например, — отвечает Белостоцкий, — удалось окончить Амвросиевское двухклассное училище. Самым образованным среди нас был Серго Орджоникидзе. Он окончил гимназию, был фельдшером. Владимир Ильич преподавал так понятно, что все усваивали материал.

— Иван Степанович, — обращается к Белостоцкому один из пропагандистов тракторного завода, Аркадий Петрович Мирохин. — Школа, в которой вам посчастливилось учиться, создавалась в трудных условиях. Программа была напряженной. Расскажите, пожалуйста, как строились занятия.

— Кроме лекций, какие еще формы занятий были? — этот вопрос задает Раиса Ивановна Данилова, старший преподаватель кафедры истории КПСС педагогического института, руководитель семинара пропагандистов Советского района Челябинска.

— Конечно, работать приходилось порядочно. Не гулять же туда приехали. Много мы занимались изучением теории. Находили время и для ознакомления с Парижем. С Анатолием Васильевичем Луначарским мы ездили в Лувр. Он тут же на ходу читал нам лекции по искусству. Ходили мы с одним из наших преподавателей во французский парламент. Слушали там выступления Жореса. Знакомились с памятниками французских революций. Посетили кладбище парижских коммунаров...

...Все новые и новые вопросы задают участники беседы Ивану Степановичу Белостоцкому.

Встреча с Иваном Степановичем навела меня еще на один след, идущий из ленинской школы под Парижем. Что о быте всей школьной семьи радела Катя Мазанова, жена рабочего, до эмиграции разделявшая с ним сибирскую ссылку, известно. Но вот что в Москве живет ее сын, который одиннадцатилетним подростком был с матерью в Лонжюмо, явилось для меня открытием. Белостоцкий показал письма Михаила Ивановича Мазанова, художника по профессии, дал его московский адрес.

Вернувшись из Челябинска в Москву, я познакомился с Михаилом Ивановичем. Оказалось, что уже много лет он лелеет мечту написать картину о Лонжюмо. Об этом он написал в Париж другу своего детства Шарлю Уврару, прося его побывать с фотоаппаратом в Лонжюмо и снять места, связанные с ленинской школой. Тот не заставил себя долго ждать и вскоре пакет с отснятой пленкой был в руках Мазанова.

И пусть не блещут мастерством любительские снимки, они о многом скажут читателям. Вот домик рабочего-кожевника, в котором две маленькие, сырые и темные комнатухи на втором этаже занимали Владимир Ильич, Надежда Константиновна и ее мать. Ныне на фасаде этого домика есть мемориальная доска. Воспроизводим ее текст в русском переводе:

«Здесь жил и работал в 1911 году

В. И. ЛЕНИН —

теоретик и вождь

международного коммунистического движения,
основатель Советского Союза»

Перед нами и тот самый сарай, в котором была аудитория первого ленинского университета (сын владельца дома лишь частично модернизировал это помещение для своей мастерской).

«Горн старый — на том же месте, — сопроводил своей пояснительной надписью второй снимок Михаил Иванович.

Ленинская партийная школа в Лонжюмо явила собой замечательный образец пропаганды марксизма, неразрывной связи революционной теории с практикой. Сокровищница ее опыта драгоценна.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

- ¹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 32, 37.
- ² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, стр. 235.
- ³ *И. Дубинский-Мухадзе*. Орджоникидзе. М., «Молодая гвардия», 1963.
- ⁴ *Н. К. Крупская*. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 177.
- ⁵ «История СССР», 1965, № 5, стр. 118.
- ⁶ *Н. К. Крупская*. Воспоминания о Ленине, стр. 176.
- ⁷ *Чугурин И. Д.* Мои встречи с Лениным. «Воспоминания нижегородцев о В. И. Ленине». Горьковское книжное издательство, 1960, стр. 107—108.
- ⁸ «Дон», 1958, № 4.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 294.
- ¹¹ Сб. «Великий учитель». Ленинская хрестоматия. Л., 1924.
- ¹² *Н. К. Крупская*. Воспоминания о Ленине, стр. 288.

ТОВАРИЩ ЛЕНИН

Бывают слова, обладающие силой резца. Немного их надо, чтобы выточить образ, бесконечно дорогой и близкий всему человечеству, — образ Ленина. «Прост, как правда», — отозвался о Владимире Ильиче один из питерских рабочих, и этим сказал все.

...Июльский день двадцатого года. Петроград. Здесь состоится открытие II конгресса Коминтерна. Съезжаются делегаты. Ожидается приезд Владимира Ильича.

«Мы ждем прибытия очередного пассажирского поезда, с которым должен приехать Ленин, — вспоминал один из местных партийных работников, С. Зорин. — Когда поезд подходит к перрону, мы спешим к хвосту его, надеясь увидеть там салон-вагон. В то время, когда мы проходим вдоль поезда, к нам навстречу из дверей обычного пассажирского вагона выходят Ленин и его спутники. У нас — минутная растерянность, у него — улыбка: *здравствуйте...*»¹

По своему обыкновению, Ленин сразу же начинает расспрашивать о людях, с которыми ему приходилось прежде встречаться на работе. Справляется, в частности, об одном общем знакомом:

— Смотрите. Он нам нужен в исправном виде. Вы отвечаете за то, что он пройдет хорошую школу питерской работы.

Местом работы конгресса был избран Таврический дворец. Но до открытия первого заседания гостей знакомили со Смольным. Рассказ о событиях, связанных с началом новой эры в истории человечества, вел в Актовом зале Михаил Иванович Калинин.

Питерские товарищи, встречавшие Владимира Ильича, почему-то об этом его не предупредили и привезли его в Таврический дворец.

— Но ведь тут никого нет! — Удивился Ленин. — Где вся публика?

— В Смольном.

— Зачем же мы сюда приехали?

— Таков распорядок...

— Хорош распорядок! Приехал по делу, а должен слоняться по пустому зданию...

И Владимир Ильич, которому не терпелось встретиться и побеседовать с делегатами до официального открытия конгресса, поспешил в Смольный. Он застал их еще в Актовом зале. Потолковали. И прежде чем покинуть тот храм, в котором была провозглашена первая республика Советов, спели вместе Интернационал...

Первое заседание II конгресса Коминтерна открывается. За столом президиума появляются члены исполнительного комитета. Подымается на сцену и Ленин. Пройдет еще несколько минут, и он займет место докладчика на трибуне. Будет выступать с докладом о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала. Но вот он устремил свой взор куда-то в глубину зала. Не иначе как заметил знакомого. Так и есть. Владимир Ильич спускается в партер и направляется вверх по проходу амфитеатра...

Тот, к кому он направлялся, был Василий Андреевич Шелгунов, его старый друг, один из организаторов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С начала издания ленинской «Искры» Василий Андреевич взял на себя распространение газеты. Царские тюрьмы подорвали его здоровье, и после тяжелой болезни в 1905 году он потерял зрение. Активную партийную работу Шелгунов вел и после победы Великого Октября.

«Когда Ленин подходил к его креслу, ослепшего большевика предупредили об этом, — вспоминал свидетель волнующей встречи Иван Ольбрахт, участник II конгресса Коминтерна, выдающийся чехословацкий писатель, один из организаторов Коммунистической партии Чехословакии. — Шелгунов встал, сделал два шага навстречу Владимиру Ильичу, и два борца крепко расцеловались. Вот и все. Мне кажется, они не сказали друг другу ни слова. И все же эта встреча была пре-

красна своей человечностью. Потом Ленин вернулся на сцену, и вскоре заседание началось»².

Один день, 19 июля 1920 года, находится на этот раз Ленин в Петрограде. А что успеваешь сделать?

Главное — доклад на конгрессе. Когда заседание заканчивается, делегаты вместе с Лениным прибывают на Марсово поле. Здесь возлагаются венки на могилы борцов, павших смертью храбрых.

Из биографической хроники жизни и деятельности Владимира Ильича известно, что в этот день, 19 июля 1920 года, Владимир Ильич посетил и дома отдыха для рабочих на Каменном острове в Петрограде. А чем объяснить, что Владимир Ильич направился именно туда, и как произошла его встреча с отдыхающими на Каменном острове?

— Нельзя ли запросто повидать питерских рабочих? — выразил свое пожелание Ленин партийным работникам.

День, как мы знаем, был летний. Вот кому-то и пришла мысль повести Владимира Ильича в живописный уголок, отведенный для отдыха питерских рабочих. Приехали. И представьте — неудача.

«Разбрелись отдыхающие по разным тенистым закулкам, — рассказывал участник этой поездки, — а Ленин их ищет...

Но вот в одной комнате одного из домов за шахматной доской сидят двое. Двое других наблюдают. Встрепнулось сердце шахматиста...

— Не будем им мешать. Они играют...»

— Ленин устал, — свидетельствовал его попутчик. — Он осмотрел спортивный клуб домов отдыха и, выйдя на веранду, превращенную в пристань для гонимых лодок, лег на голые доски сходить. Кругом тишина... Все заняты созерцанием чудесной в своей красоте летней питерской природы...

Весть о приезде Ленина, однако, быстро разнеслась среди отдыхающих, и один за другим стали они собираться вокруг него у лодочной пристани.

...Шла оживленная беседа. Ленин интересовался работой и бытом питерских рабочих. Собеседники, в свою очередь, спрашивали Владимира Ильича о международном положении страны, о конгрессе Коминтерна, положении на фронтах, интересовались тем, какие

меры предпринимаются Советским правительством для борьбы с голодом...

Затрагивались различные вопросы и бытового обихода. Владимиру Ильичу показали и какой гнилой товарец подсовывают заокеанские бизнесмены советскому покупателю. Экспонат представлял собой, в частности, ботинок из пары американской обуви, которую только-только успела обновить одна из отдохавших здесь работниц. Подошва у башмака оказалась в явном неладу с верхней частью... Она держалась на живой нитке. И Ленин сочувственно осмотрел этот экспонат...

«Нам надо, товарищи, научиться самим делать хорошие подошвы, иначе американцы нас будут всегда надувать, — сказал Владимир Ильич. — Научимся — будет хорошо...»³.

У Ленина предстояло еще выступление на площади Урицкого. Там проводился многоядный митинг, посвященный закладке памятника Карлу Либкнехту и Розе Люксембург. Проводить Владимира Ильича к машине вышло много отдыхающих.

По пути на митинг Владимир Ильич делился в машине со своими спутниками впечатлениями о встрече с питерскими рабочими, отдохавшими на Каменном острове.

...Неизгладимый след в памяти оставили встречи с Лениным на заседаниях II конгресса Коминтерна, в день его выступления в Петрограде, а затем в Москве, у представителей братских коммунистических партий.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС сохранился драгоценнейший документ. Это рукописный альбом, в который делегаты II конгресса Коминтерна пожелали внести свои мысли о великом Ленине. В нем содержится и запись Джона Рида.

«Ленин — такой простой, такой гуманный и в то же время такой дальновидный и непоколебимый», — пишет в этом альбоме автор известной книги «10 дней, которые потрясли мир», неоднократно встречавшийся с Владимиром Ильичем.

...Такой простой. Сколько тому примеров обыденных, повседневных.

Весна 1919 года. Москва. Кинотеатр «Арс». Одна-

жды коммунисты Красной Пресни избрали это помещение местом своего районного партийного собрания. Загодя пришла сюда работница табачной фабрики «Дукат» Тамара Степановна Цветкова. Ей поручили подготовить сцену для президиума.

И вот Тамара Степановна хлопочет. Осталось внести на сцену стол, да больно тяжеловат оказался. Одной, пожалуй, с такой ношей не управиться. Между тем до начала собрания остаются считанные минуты. Только было Цветкова взвалила стол на спину и собралась нести его на сцену, как услышала позади себя чей-то голос:

«Что вы делаете? Поставьте стол на место!

Я не обратила внимания на этот окрик и продолжала тащить стол,— рассказывает и ныне здравствующая Тамара Степановна.— Вдруг я почувствовала облегчение. Мне кто-то помогал сзади. Когда стол был внесен и поставлен на сцену, я облегченно вздохнула и машинально сказала: «Спасибо». Кто был за моей спиной, я не видела».

Человеком, который помог Цветковой донести стол до сцены, был Ленин. Цветкова увидела его в тот момент, когда, накрыв стол скатертью, оглянулась назад. Владимир Ильич между тем перелистывал свой блокнот, готовясь, видимо, к выступлению.

«От смущения решила было прыгнуть со сцены в оркестр,— продолжает свой рассказ Цветкова,— но в этот момент Владимир Ильич повернулся и его взгляд встретился с моим.

— Здравствуйте,— сказал он, протягивая мне руку».

Тамара Степановна растерянно протянула руку Ильичу, и в это время у нее с плеч упал красный платок. Владимир Ильич быстро нагнулся и поднял платок с пола.

Пришел на это партийное собрание Ленин, как и обычно, заблаговременно и незаметно.

«— Владимир Ильич! — воскликнул секретарь райкома.— Да как же это так? Я просмотрел вас. Извините.

— Ничего, ничего. Не надо парадности,— ответил Владимир Ильич.— А я поговорил с товарищем,— улыбаясь, добавил он»⁴.

Трудная задача выпала на долю одного из дежурных Московского комитета партии в начале 1922 года.

...Зазвонил телефон. Дежурный снял трубку.

— Говорит Ленин,— услышал он.— Товарищ дежурный, скажите, пожалуйста, где сейчас секретарь МК?

Вопрос оказался для дежурного неожиданным, и ответить на него он не смог. Надо было во что бы то ни стало разыскать секретаря МК и связать его с Лениным.

— Да, да, постарайтесь, обязательно постарайтесь найти. Он мне очень нужен,— подчеркнул Владимир Ильич.

Отыскать секретаря МК оказалось, однако, не так просто. Вначале он побывал в Замоскворецком райкоме партии, но, когда дежурный дозвонился туда, оказалось, что он уехал на завод Михельсона. Оттуда переехал в типографию. Но и там след его уже простыл.

Легко представить отчаяние дежурного, обещавшего Ленину дать ему знать в Кремль, где находится секретарь МК. Но вот у дежурного вновь раздается телефонный звонок. Он снимает трубку и слышит:

— Товарищ дежурный? Говорит Ленин. Я уже сам разыскал секретаря. Он на станции Рязано-Уральской дороги. Звоню, чтобы вы больше не искали его, не волновались. До свидания⁵.

Как здесь не вспомнить слова питерского рабочего: «Прост, как правда».

Елена Константиновна Малиновская — участница трех революций — в 1918 году работала членом правления театра Московского Совета рабочих депутатов. Ей запомнился случай, как во время одного из спектаклей к окну кассы театра подошел человек и спросил, где вход в зрительный зал.

— Кто вы? — спросил его кассир.

— Ленин.

Стоит ли удивляться растерянности кассира, помчавшегося в правление театра.

Услышав сообщение кассира, Малиновская спросила его, где же находится Ленин.

— Там, у кассы...

И действительно, в вестибюле у кассы стоял Владимир Ильич.

— Смеясь, он сказал мне,— вспоминала Елена Константиновна:

— Раз кассир убежал, испугавшись меня, я вынужден был охранять кассу...

А как чутко относился Владимир Ильич к людям, берег их силы, здоровье, время. Об этом красноречиво говорит и одна из его записок секретарю по поводу члена коллегии Центрального статистического управления А. И. Хрящевой, которая регулярно присутствовала на заседаниях Совнаркома. Учитывая, что нередко эти заседания заканчивались поздно, Владимир Ильич высказал беспокойство по поводу того, что ей трудно добираться домой.

«Если Хрящева далеко живет и пешком ходит, то ее жалко... объясните ей, что в дни, когда нет вопросов статистики, можно раньше уходить и даже не ходить»,— обращается Ленин к секретарю. Позаботился Владимир Ильич и о том, чтобы пояснение Хрящевой было сделано в самой доброжелательной форме: «При случае и тактично»⁶.

Типичные черты родного и близкого образа, самого человеческого из людей угадываются и в том ленинском документе, по следам которого довелось пройти автору этих строк.

...Осьмушку хлеба и то не каждый день могла дать москвичу в декабре восемнадцатого года молодая Советская республика, которой приходилось со всех сторон отбиваться от белогвардейцев и интервентов.

На счету было буквально каждое зернышко. И на страже его стоял неумолимый закон периода военного коммунизма — хлебная монополия. Торговать хлебом частник не мог. Наглухо закрывались двери поездов от спекулянтов и мешочников. Без разрешения Московского Совета никто не мог провозить хлеб и в столицу.

И когда Ленин счел возможным предоставить такое право Аксинье Емельяновне Кузнецовой, он в своей записке, адресованной продовольственному отделу Московского Совета, сделал все необходимые пояснения по этому поводу. Речь шла о хлебе собственном, не купном, особо подчеркнул в скобках Владимир Ильич. Определялось и количество: от двух до четырех пудов.

Поехать за хлебом Кузнецовой предстояло к братьям Дворецким в Тульскую губернию. Куда именно?

Владимир Ильич уточнил и это обстоятельство: в деревню Озерки, Веневского уезда.

«Прошу уведомить меня об исполнении»⁷, — заканчивалась эта ленинская записка.

Кто еще был таким строгим и ревностным блюстителем законов Советского государства, как Ленин. Чем же объяснить, что Председатель Совета Народных Комиссаров на этот раз разрешил выдачу удостоверения на провоз хлеба в Москву?

Обращаясь с просьбой в Московский Совет о предоставлении Кузнецовой необходимого документа, Ленин указал и ее адрес: Москва, Цветной бульвар, д. 25, кв. 12. Больше того. Рядом с номером дома он в скобках пометил и фамилию его владельца — Морозова. Оставалось только без промедления выполнить поручение Председателя Совета Народных Комиссаров.

Адресом, указанным Лениным в его записке, решили теперь воспользоваться и мы, чтобы попытаться узнать ее историю. Но не поздно ли? Почти пятьдесят лет прошло с тех пор, как она была написана. Жив ли человек, ездивший в голодный восемнадцатый год в Тульскую губернию за хлебом? Если да, то удастся ли найти его на старом месте?

На помощь приходит сотрудница жилищной конторы. Ее пальцы проворно листают страницы большой домовой книги.

— Квартира двенадцать? — Взор девушки, наводящей справку, останавливается на какой-то строчке. — Представьте, в двенадцатой квартире и сейчас прописана Кузнецова, — говорит она.

— Аксинья Емельяновна?

Девушка опять заглядывает в запись.

— Да, пенсионерка.

Не однофамилица ли? В таком огромном городе, как Москва, бывают подобные совпадения. Поднимаюсь на четвертый этаж старинного московского дома по Цветному бульвару. Звоню.

— Аксинья Емельяновна дома?

Соседи показывают на дверь, ведущую в ее комнату. Навстречу неторопливым шагом выходит пожилая женщина.

Спрашиваю, не ей ли помог в беде Ленин. Лицо женщины сразу оживляется. Да, ей. Владимир Ильич тогда

спас ее четверых детей от голодной смерти и стужи. Муж еще с начала первой мировой войны находился на фронте. Все заботы о семье пали на нее.

— Дети просили хлеба. А паек известно какой был тогда...

Поделиться с семьей сестры были готовы братья, жившие в деревне. Но как получить разрешение на провоз хлеба в Москву?

И вот однажды в квартиру позвонил человек в военной форме.

— Вы Кузнецова? — спросил он Аксинью Емельянову. — Получите пакет...

В пакете оказались все необходимые документы: удостоверение на право провоза хлеба, железнодорожный билет. Вскоре во дворе дома появилась подвода. Незнакомые люди разгрузили с нее дрова и уложили в сарай.

Кто же поставил в известность Владимира Ильича о бедственном положении женщины, кто посвятил его во все подробности дела?

...Стояла ранняя весна восемнадцатого года. Однажды горничная гостиницы «Националь» в Москве Матрена Емельянова Ефимова, войдя в 107-й номер, находившийся на ее попечении, увидела нового и незнакомого ей жильца.

— Здравствуйте, барин, — по старой привычке поздоровалась она.

— Нет, я не барин, — ответил новый жилец. — У нас теперь господ нет... А вас как зовут? — поинтересовался у горничной новый жилец.

— Матрена... Ефимова...

— Нет, товарищ Ефимова. Я не барин. Я Ленин. Так и зовите меня: товарищ Ленин...

Легко представить себе растерянность горничной, неожиданно увидевшей перед собой главу правительства.

— Товарищ Ефимова, вот стульчик, садитесь, поговорим. Расскажите, как вы раньше жили, работали, — обратился к ней Владимир Ильич.

И не зная светлого дня в жизни Матрена Емельянова поведала о той полной чаше горя, которую ей привелось хлебнуть у господ.

Владимир Ильич в свою очередь рассказал горничной о том, что времена господ безвозвратно ушли в прошлое. Полноправным человеком будет теперь в государстве и работница гостиницы.

Шло время. Владимир Ильич переехал из гостиницы в Кремль.

Гостиница «Националь» жила своей обычной жизнью. На первом этаже за столиком, стоявшим вблизи парикмахерской, несла в тот декабрьский день восемнадцатого года свое дежурство горничная Ефимова. Она обратила внимание на человека, пытавшегося войти в парикмахерскую, которая оказалась закрытой. Очень знакомой показалась ей фигура человека, стоявшего в нескольких шагах от нее. И когда он повернулся лицом к ней, она воскликнула:

— Здравствуйте, товарищ Ленин!..

— Откуда вы меня знаете? — спросил Владимир Ильич.

— Товарищ Ленин... Вы у меня в 107-м номере стояли. Я Матрена... горничная... помните?

— Помню, — улыбнулся Владимир Ильич.

Тут-то Ефимова и решила рассказать ему о безвыходном положении, в котором оказалась семья ее сестры Аксиньи.

— Дорогой товарищ Ленин, у меня сестра с четырьмя детьми... Помогите моей сестре.

Владимир Ильич поинтересовался, в чем нуждается эта семья, и когда узнал о том, что дети голодают, а комната не отапливается, сказал:

— Хорошо, я помогу...

Затем Ленин достал из бокового кармана блокнот и, прислонив его к дверям парикмахерской, записал уже знакомый нам адрес Кузнецовой на Цветном бульваре.

Мне удалось повидать и Матрену Емельяновну, бывшую горничную гостиницы «Националь». Человек преклонного возраста, она сберегла в своей памяти дорогие ее сердцу воспоминания.

Номер в гостинице «Националь», как известно, служил первой квартирой Ленину после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву. Здесь он работал. И сколько еще волнующих примеров ленинской скромности, простоты и чуткости, примеров, подобных тому, о которых рассказала нам бывшая

горничная, запечатлела память ее товарищей по работе.

Владимир Ильич ни в чем не допускал каких бы то ни было привилегий себе и своей семье.

На обед в гостинице полагалось два блюда. Меню было довольно устойчивым. На первое — суп, на второе — каша. Двумя блюдами сразу же потребовал ограничить обед для себя и членов семьи Ленин. И один из официантов «Националя» рассказывал о том, как, приходя обедать, Владимир Ильич тут же аккуратно рассчитывался талонами из небольшой книжечки, которую хранил в кармане своего жилета...

Однажды, когда семья Ленина жила уже в Кремле, к Марии Ильиничне зашла по делу Прасковья Федоровна Сахарова — председатель Центрального комитета профсоюза швейников. Ее пригласили остаться на обед. Она отказывалась. Услышав, что Сахарова собирается уходить, Ленин тоже стал просить ее, чтобы она села за стол.

«Как же мне оставаться у них обедать, думала я, когда они также получают осьмушку хлеба, как и все, — вспоминала этот эпизод Сахарова. — Но пришлось все-таки остаться. Обед был очень скромный, — такой же, как у всех рабочих: гороховый суп и картофель».

...Незадолго до исторических событий Великого Октября в Петрограде объявили забастовку прачки. В числе других осталась безработной большевичка Анна Балтрукевич. Дело для нее нашлось, когда в Смольном открылся II съезд Советов. Вместе с подружками она убирала помещение, носила воду, выполняла и другие технические поручения. Здесь она вскоре стала работать буфетчицей в столовой Совнаркома. Товарищ Ньюша, как звал ее Ильич, приносила ему и народным комиссарам чай, бутерброды...

Бывшей петроградской прачке было непонятно: как это глава государства, а такой скромный. Когда у него, например, не оказывалось при себе денег, чтобы расплатиться за бутерброд, он непременно записывал свой долг на листочке бумаги. Одевался он также скромно.

Как-то раз, принеся Владимиру Ильичу чай, Балтрукевич спросила:

— Владимир Ильич, можно мне выписать мануфактуру и обувь, чтобы понаряднее ходить нам, в том числе и вам?..

— Хорошо. Составьте список, что можно выписать...

Перечень вещей оказался более чем коротким. Несколько самых необходимых предметов предназначались и семье Ленина. Правда, в списке не были учтены нужды Марии Ильиничны. Объяснили Владимиру Ильичу это тем, что она сумеет выписать необходимые ей вещи по месту своей работы — в редакции «Правды». Возражать против этого довода Ленин не стал. Порядок есть порядок...

Подобным же образом отнесся позднее, уже в Москве, Владимир Ильич к распределению картофеля среди сотрудников Совнаркома. Вместо двух пудов он согласился получить только один. Фамилию Крупской в списке Ленин вовсе вычеркнул. «В Совнаркоме не работает», — написал он своей рукой.

Но вернемся в Петроград, в Смольный...

Одна из бесед Ленина с народными комиссарами, происходившая в столовой, затянулась до глубокой ночи. Балтрукевич, обеспокоенная тем, что не успеет к утру произвести необходимую уборку, напомнила о позднем часе.

— Владимир Ильич, а ведь пора уже спать...

— А нам спать некогда. Если мы, товарищ Нюша, будем спать, то все проспим, — ответил Ленин.

Проходя по Смольному, Владимир Ильич заметил недомогание женщины, оказавшейся одной из уборщиц. Беспокойство его возросло, когда он узнал, что у нее жар.

— Ах, бабушки, что же делать? И врача нет, — встревожился он... — В Мариинскую больницу надо везти. Сходите к Иванову — нарядчику и скажите, чтобы он дал мою машину отвезти ее в больницу.

Когда Ильич вернулся к себе в кабинет, раздался телефонный звонок. Мария Ильинична, торопившаяся по своим делам и ничего не зная о случившемся, попросила у Ленина его машину.

— Вот товарищ Нюша отвезет сначала больную, а потом ты поедешь, — ответил он и предложил Марии Ильиничне пристроиться в той же машине...

Как известно, в первые месяцы Советской власти посты народных комиссаров занимали и некоторые левые эсеры. Приходят двое из них в начале марта восемнадцатого года в столовую Совнаркома в Смольном.

— Товарищ Ньюша, новости у нас есть... Дай нам по два бутерброда, и мы скажем, — обратились они к уже знакомой нам хозяйке столовой Совнаркома.

— Дать по два бутерброда, — значит, четыре. А вдруг у меня не хватит. Но решила дать, — вспоминает этот случай Балтрукевич. — Они говорят мне, что правительство испугалось и уезжает в Москву, а меня не возьмут... Я подумала: как же так, ведь сказали мне народные комиссары, а не кто-нибудь...

Достоверность этого сообщения товарищ Ньюша пыталась проверить у Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, но тот и виду не подал, что ему известно о предстоящем переезде правительства из Петрограда в Москву. Бесплезным оказался разговор на эту тему и с другими работниками аппарата Совнаркома.

В столовой раздался телефонный звонок. Звонил Владимир Ильич. Просил принести ему чаю.

— Можно с вами поговорить? — обратилась к нему Балтрукевич, когда принесла чай.

— Можно.

— Правда ли, что вы едете в Москву?

— Откуда вы это, товарищ Ньюша, знаете?

— Я вам скажу по-честному.

И она назвала имена двух левых эсеров, входивших тогда в состав правительства.

— Ах, мерзавцы, за два бутерброда продали государственный секрет, — до глубины души возмущался Ленин.

Успокоиться Владимир Ильич долго не мог. Разгневанный, он ходил вокруг стола и говорил:

— Ах, безобразие! Можно ли работать с такими людьми!

— Вы дали им бутерброды? — подчеркивая еще раз всю глубину падения двух левых эсеров, занимавших посты народных комиссаров, спросил Ленин.

— Дала, Владимир Ильич.

Вместе с другими работниками Совнаркома переехала в Москву и Анна Балтрукевич. И здесь простая скромная труженица испытывала на себе то уважение,

которым умел окружать самого незаметного человека Ленин.

— Владимир Ильич относился ко мне не как к уборщице, которая ходит с метлой, но и давал отдельные поручения,— рассказывает она.

С печатными воспоминаниями товарищ Ньюша нигде не выступала. Но, как видите, рассказать, вспомнить ей есть о чем. И мы позволим себе здесь воспроизвести еще один эпизод, услышанный из ее уст.

По обыкновению, Ленин на одно из партийных собраний явился загодя. Никем не замеченный, он присел к окошку клубного помещения и стал читать газету. Начало собрания затягивалось. Наконец товарищ, которому было поручено открыть собрание, сказал, обращаясь в зал:

— Товарищи, можно было бы начинать, но нет товарища Ленина.

— Я уже три газеты прочитал,— откликнулся Владимир Ильич.— Разве так надо собираться?

Перед журналистами одной из московских редакций выступала группа товарищей, которой посчастливилось работать вместе с Лениным в Совете Народных Комиссаров.

— Жалко, сколько раз мы ни собираемся, не можем добиться, чтобы присутствовал Семенов — истопник,— посетовала Анна Николаевна Руднева, которой как телефонистке Кремля не раз приходилось выполнять поручения Ленина. И делаясь на этой встрече своими воспоминаниями, Анна Николаевна рассказала и о случае с истопником.

Семенов поднимался с большой вязанкой дров по лестнице. Навстречу шел Ленин. Владимир Ильич остановил его и предложил спустить дрова на пол. Он посоветовал истопнику не носить таких больших вязанок потому, что это вредно отражается на сердце. Лучше два раза подняться, но взять дров поменьше.

Как бы все же повидаться с Семеновым? Есть, наверно, о чем рассказать и самому истопнику, которого не удастся услышать на встречах и вечерах воспоминаний о Ленине.

Узнал адрес и вскоре встретился с человеком, чье сердце поберег Ленин.

Уходил в солдаты Степан Яковлевич из Кремля, в котором многие годы служил сторожем окружного суда. Стал трудиться он в Кремле и вернувшись с фронта. Когда правительство переехало из Петрограда в Москву, в группе рабочих, которым было поручено оборудовать помещение для рабочего кабинета и квартиры Ленина, оказался и Семенов.

Владимир Ильич несколько раз заходил, чтобы поинтересоваться тем, как подвигается работа.

— Здравствуйте, товарищи,— обычно громко здоровался со всей группой рабочих Ленин.

— Тогда рукопожатие было отменено, руки не подавали. Холера была, что ли,— напоминает Степан Яковлевич.— Войдет бывало Ленин и первым здоровается с нами. Не ждет, пока с ним поздороваются.

Увидев мягкую мебель, которой собираются обставить его квартиру, Владимир Ильич сказал:

— Это не годится... Такую бы мебель мне,— высказал он свое пожелание и показал на простой венский стул, случайно оказавшийся вблизи.

Характерный эпизод, в котором выразилась неприязнь Ленина к излишествам, приводит в своих воспоминаниях Николай Николаевич Шумов — бывший работник хозяйственной части Управления делами Совнаркома.

Ему было поручено оборудовать помещения, в которых работали две правительственные комиссии.

— Вот вы стараетесь достать каждому комитетчику хороший стол и настольный прибор, а нашего любимого вождя обошли,— заметила уборщица Дуняша.— Посмотрите, какой у Владимира Ильича на столе чернильный прибор — очень простой и очень дешевый.

Шумов решил сделать Ленину сюрприз. Вскоре в рабочем кабинете Ильича на его столе появился красивый прибор из дорогого уральского камня.

— Пойдемте на расправу за самоволие,— увидев Шумова, сказал Ленин и привел его в свой рабочий кабинет.— Такой дорогой прибор мне не нужен. Отвезите его обратно.

Шумову ничего не оставалось делать, как вернуть ГУМу купленный там за восемьсот рублей чернильный прибор. А уборщица Дуняша, учтиво убравшая старый

чернильный прибор в книжный шкаф, водворила его на прежнее место.

...Продолжим теперь нашу беседу с истопником Семеновым. Степану Яковлевичу поручили отапливать печи в рабочем кабинете и в квартире Ленина.

— Придешь бывало в его кабинет,— рассказывает он.— Я еще только топить собираюсь, а он уже сидит, работает...

То, что Владимир Ильич предпочел венский стул кожаному креслу, вскоре перестало удивлять истопника.

— У него костюм и то был один. И ходил он в нем очень долго,— говорит Семенов.— Не любил Ленин роскошной жизни...

Случалось, что и дров на складе не оказывалось. Тогда и кабинет и квартира Ленина оставались нетопленными.

Как-то раз один крестьянин-ходок, побывав у Ленина, рассказал односельчанам о том, что у него в кабинете для зимы довольно прохладно. Тогда собрались крестьяне на заседание волостного исполкома и решили: «Послать Ленину вагон дров на средства исполкома, а в случае надобности поставить железную печь руками своего кузнеца».

Исключительную выдержку Ленина, его такт в обращении даже с самыми маленькими работниками Семенов постоянно испытывал на себе.

— Кладешь дрова в печку, и, случится, выпадет полено из рук. Бывает, что и постучать придется. Но никогда не было случая, чтобы Владимир Ильич сказал: «Потише!»

Навестил тогда еще молодого Степана дядя — дворник Кубасов с Большой Серпуховки в Москве. Когда гостю подали чай, он обратил внимание на самовар, которого раньше не было у племянника.

— Ты что, самоварчик купил?

— Нет,— ответил племянник.

Некоторое время спустя дворник участвовал в разговоре людей, которым посчастливилось видеть Владимира Ильича.

— Я Ленина не видал,— сказал Кубасов.— Но чай из самовара Ленина пил... Мой племянник в Кремле работает.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

- ¹ С. Зорин. Что может означать Ленин. Л., Госиздат, 1924, стр. 5.
- ² «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, Госполитиздат, 1957, стр. 515.
- ³ С. Зорин. Что может означать Ленин, стр. 11.
- ⁴ «О Владимире Ильиче Ленине», Воспоминания. Госполитиздат, 1963, стр. 445.
- ⁵ «Комсомольская правда», 21 апреля 1956 г.
- ⁶ «В. И. Ленин. Биография», изд. 2. Госполитиздат, 1963, стр. 573.
- ⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 220.

ПАМЯТНИК ПРИ ЖИЗНИ

На субботу у Ленина уже были назначены неотложные встречи. Владимир Ильич пригласил к себе итальянскую рабочую делегацию, находившуюся в Москве, условился о беседе с делегатом II Конгресса Коминтерна от Коммунистической партии Голландии. А тут еще из Омска приехал и дал о себе знать Александр Васильевич Шотман, председатель Сибирского совнархоза. Сибирские дела тоже не терпели отлагательств. К тому же встретить старого, испытанного друга Владимир Ильич всегда был рад, поэтому свидание с ним было назначено на ту же субботу, 26 июня 1920 года.

Появился Александр Васильевич в приемной Ленина не один. Вместе с ним вошел седобородый старик лет семидесяти пяти. Шапка-ушанка была перетянута поперек красной лентой. Это был казак из станицы Урлютюбской, Павлодарского уезда, Семипалатинской губернии, Илья Данилович Путинцев.

Первым в кабинет Ленина вошел Шотман. Спустя какое-то время он пригласил в кабинет и старика.

Что связывало председателя Сибирского совнархоза со станичным казаком, какие пути привели старика Путинцева в ту субботу к Ленину?

Шотман был из тех душевных людей, которые умеют расположить к себе собеседника. Познакомился он со старым казаком на пароходе. Путинцев — коммунист, возвращался с партийных курсов в Омске. Пока пароход шел до пристани в станице Урлютюбской, старик успел рассказать о том, в каких муках рождается в деревне новое, советское. Поведал Илья Данилович и свою родословную. Есть в семье еще коммунисты: один из сыновей, несколько внуков и внучек.

— Мне скоро умирать, но перед смертью хотелось бы увидеть Владимира Ильича Ленина,— сказал на пароходе старый казак. И Шотман, видимо, обещал устроить это свидание.

И вот сегодня Ленин принимает станичного ходока.

Увидев Путинцева, Владимир Ильич вышел из-за стола:

— Здравствуйте, Илья Данилович!

И тут старый казак малость растерялся. Наступила пауза...

— Любезный деятель, поклон из Сибири,— подавляя волнение, наконец ответил на приветствие Ленина Илья Данилович.

Владимир Ильич усадил гостя вблизи себя, и между ними с первых же минут установилась атмосфера свободной, непринужденной беседы.

Прощаясь с Лениным, старик обратился к Владимиру Ильичу с просьбой:

— Разрешите нам поставить в станице Урлютюбской при жизни памятник тебе...

Что мог ответить на это Ленин? Улыбнулся и стал отговаривать. Тогда Илья Данилович высказал новое пожелание:

— Разрешите нам в станице устроить детский сад и назвать твоим именем...

— Сад — дело хорошее,— сказал Владимир Ильич.

Ободренный поддержкой Ленина, Путинцев сказал:

— Вот только красок, гвоздей, досок для решетки будет трудно достать.

— Ну, это, я думаю, нетрудно будет устроить, попросите Шотмана — ведь он там председатель совнархоза,— посоветовал Ленин.

— А ты напиши ему записку, чтобы дал,— сказал старый казак, будто рядом не было Шотмана.

Как здесь было не улыбнуться Ленину! Владимир Ильич тем не менее достал бланк Председателя Совета Труда и Оборона и написал¹:

«Сибирским советским учреждениям

26.VI.1920.

Прошу оказывать всякое содействие подателю, товарищу Путинцеву Илье Даниловичу, для организа-

ции детского сада и других подобных предприятий в его местности, Семипалатинской губернии Павлодарском уезде.

Пред. Совета Труда
и Оборона
В. Ульянов (Ленин)»

Охваченный волнением, старик сказал:

— Спасибо, любезный деятель. А теперь напиши еще записочку, чтобы ЧК выпустила меня из Москвы, а то может выйти задержка...

Так появился на свет еще один ленинский документ. Это было удостоверение, разрешавшее Путинцеву выехать из Москвы на родину в вагоне председателя Сибирского совнархоза Александра Васильевича Шотмана.

— А теперь, любезный деятель, разреши тебя поцеловать,— сказал старик, расставаясь с Лениным. И Владимир Ильич сделал шаг навстречу ему.

Чем же закончился визит станичного казака к Ленину?

...Урлютюб. Его удостоил своим вниманием географический словарь Российского государства, собранный Афанасием Щекотовым и напечатанный в Москве в 1808 году. Из словаря можно узнать, что есть в Бийском уезде, Томской губернии, рудут. Стоит он на правом берегу Иртыша, на низменном месте, и имеет до 30 домов обывательских... Более исчерпывающие сведения об Урлютюбе могли найти для себя собирающиеся путешествовать по иртышской линии в томе восемнадцатом «России» — настольной и дорожной книге, вышедшей в начале девятнадцатого века в Санкт-Петербурге. К тому времени некогда хорошо укрепленный форпост представлял собой уже большую, богатую казачью станицу.

И вот я держу путь на родину ходока Ильи Даниловича Путинцева.

Большой, полнокровной жизнью живет в наши дни село Урлютюбское. Здесь теперь отделение крупнейшего в Целинном крае совхоза «Прииртышский».

Лет двенадцать назад, когда в Казахстане развертывалась героическая целинная эпопея, старая казачья станица переживала свое второе рождение. Сейчас

степь распахана, много хлеба, молока производят потомки казаков и их побратимы-новоселы.

Много нового появилось и в самом облике села. Есть прекрасное здание школы, клуб с библиотекой, детский сад. Натужно гудит старенький мотор электростанции, построенной урлютюбцами еще в первые послевоенные годы. А в старый пейзаж казачьей станицы уже вписались мачты высоковольтной линии. Плывут по Иртышу самоходные баржи с хлебом.

И отовсюду, где бы вы ни находились в селе Урлютюбском, видны кроны деревьев того сада, начало которому положили здесь еще осенью двадцатого года казак Путинцев и его земляки.

Сад имени Ленина, памятник при жизни самому великому садоводу всех времен!.. Я увидел его, дышал здесь вместе с совхозными ребятами ароматом свежей зелени.

Клен, акация, тополь... Возле памятника Ленину октябрята вступают в ряды пионеров. Тут проводятся все традиционные советские праздники.

Внуки красных казаков стали трактористами, комбайнерами, педагогами, врачами, инженерами. Борис Путинцев водит воздушный лайнер на трассе Хабаровск — Москва. Полковник Михаил Путинцев окончил военную академию.

Тесно стало в саду. Весной трактор поднял новые гектары целины. Родился в совхозе «Прииртышский» парк, и его тоже называли именем Ленина.

Живы ли современники станичного казака, который побывал у Владимира Ильича? Их немного, но с ними можно встретиться в Урлютюбском. Федору Никифоровичу Путинцеву сейчас 64 года. Он вспоминает, что решение послать Илью Даниловича к Ленину у станичных казаков созрело еще до его поездки на курсы в Омск. По возвращении из Москвы Путинцев обстоятельно рассказывал станичникам о своей беседе с Владимиром Ильичем, предложил помочь Москве и Петрограду хлебом. Его поддержали.

— Где у нас сейчас склады стоят, там был общественный амбар, — припоминает Федор Никифорович. — Если случался недород, из этого амбара давали на семейство по пять пудов ржи. Из этого фонда и был отправлен хлеб московским и петроградским рабочим.

— Сколько же хлеба послали?

— Я не мерил. Подошел пароход, его нагрузили...

— А как ленинский сад закладывали?

— Сначала позаботились об ограде. По пять жердей со двора — так постановил сход. А как наступила осень, так началось переселение тополей и ракитника из поймы Иртыша в центр казачьей станицы.

В сорока километрах от Омска, в сибирском селе Большой Атмас, живет дочь Путинцева, Пелагея Ильинична.

Пелагея Ильинична помнит, как в день отъезда помогала отцу собирать котомку в дорогу, как запрягали лошадь и поехали на пристань. Помнит и тот долгожданный вечер, когда показался пароход, на котором отец вернулся в станицу из Москвы, от Ленина. Помнит она и то, как закладывался сад имени Ленина.

Памятник при жизни — это цветы, цветы, цветы. Они и на большом школьном участке, и во дворе каждого дома...

— Это все ленинградские цветы, — рассказывал Василий Георгиевич Заводских, директор Урлютюбской восьмилетней школы. — Как так? А просто, ведь цветы наши из семян, присланных ленинградцами. На берегу Иртыша они прижились великолепно. Пятьсот ведер воды приносят ежедневно школьники с Иртыша, чтобы не знали недостатка во влаге любимые цветы.

Да, создание живого памятника Ленину продолжается и ныне. И участвуют в этом теперь еще и ленинградцы. Как же это произошло?

Василий Георгиевич в ответ перебирает домашний архив и находит письма Нины Петровны Захарьевой, пенсионерки из Ленинграда, начавшей еще несколько лет назад присылать в Урлютюб семена цветов. Обратный адрес: Ленинградская область, почтовое отделение Сусанино, Шестая линия, 103... Еду в Ленинград, сажусь в электропоезд и через час оказываюсь в Сусанино. Открываю калитку и сразу попадаю в цветочное царство. Преклонных лет женщина в черных очках приглашает присесть.

— Здравствуйте, Нина Петровна, — уверенный в том, что моей собеседницей является Захарьева, обращаюсь я к хозяйке дома.

— Клавдия Алексеевна, — уточняет свое имя и отчество женщина и добавляет: — Комиссарова... А сейчас придет и Нина Петровна.

Война принесла Клавдии Алексеевне Комиссаровой, преподавателю математики, жестокие испытания. Она потеряла всех близких, лишилась зрения, осталась без крова... Добрые люди помогли ей собрать домишко здесь, на пустыре в Сусанино.

Беды обрушились и на Нину Петровну Захарьеву. Всю блокаду Ленинграда она перенесла в родном городе, работала медицинской сестрой.

Женщины подружились. Пять лет назад они решили вырастить на участке дома Комиссаровой цветы для семян — в подарок целинникам. Клавдия Алексеевна этому очень обрадовалась. Захарьева стала выращивать цветы, а слепая учительница ощупью помогала вылуцживать семена. Так эти семена и начали путешествие по целинным землям.

Нина Петровна достает карту Павлодарской области, всю испещренную красными линиями. Каждая черточка — это город, поселок, село, где растут цветы ленинградцев.

— А в Урлютюб посылаете семена?

— А как же... И письма оттуда приходят...

Читаю письма из Урлютюба со словами горячей благодарности. Пишут уже знакомые мне учителя и школьники совхозной восьмилетки.

Ленинградские цветы — это теперь понятие собирательное, обобщенное. Тут и вклад ленинградского врача-пенсионера Антонины Тимофеевны Яковлевой. Она дарит Урлютюбу семена, выращенные ею на балконе 4-го этажа дома на Охте в Ленинграде. Другая ленинградка, Екатерина Григорьевна Федорова, тоже пенсионерка, лето проводит на садовом участке сына возле Ладожского озера. И оттуда тоже идут семена в Урлютюб, в парк имени Ленина.

О семенах, идущих в Ленинский сад, узнают цветоводы других городов. Они тоже вносят свою лепту. И теперь живой памятник Ильичу — это гигантский красочный букет, составленный цветоводами Ленинграда, Подмосковья, Бежецка, Одессы, Ташкента, Старого Крыма, Пятигорска, Сучана... Однажды пришел в Сусанино и пакет с семенами из далекой Африки. То

была белая лилия. Какой-то цветовод, эстонец по национальности, — в свое время он вынужден был эмигрировать из буржуазной Эстонии, — узнав о переписи ленинградцев с целинниками, прислал свой дар.

Много приятных вестей приносит за последние годы почта в дом 103 по Шестой линии в Сусанино. Но, кажется, доставил сюда самую волнующую. Я посвятил двух женщин в историю сада, заложенного на берегу Иртыша осенью двадцатого года.

И еще одна неожиданная встреча. Первым человеком, увидевшим в почине двух ленинградок зародыш большого дела, была Александра Васильевна Чучина из подмосковного дачного поселка Кратово. По ее плану и был разбит цветник в Сусанино. Мне захотелось повидать Чучину, рассказать о том, какие замечательные всходы дали семена, посланные на целину, рассказать об Урлютюбе, поездке Путинцева вместе с Шотманом к Ленину.

— Шотман? — переспросила Александра Васильевна. — Мир тесен! Александра Васильевича я прекрасно знала. Его и меня с мужем Февральская революция застала в нарымской ссылке...

Действительно, мир тесен. А. В. Чучина — член КПСС с 1905 года. Педагог по образованию, после сентября семнадцатого года она создала первые детские сады для детей рабочих Анжеро-Судженских копей Сибири.

...Я получил письмо из Урлютюба. Василий Георгиевич Заводских рассказывал о богатом урожае, который собрали его земляки с полей совхоза «Прииртышский», о том, какое там идет большое строительство, какая прокладывается новая воздушная электропроводка от высоковольтной линии. И когда придет праздник Октября, ярким светом загорятся электрические лампы в новых домах Урлютюба.

Таков он — памятник Ленину в Урлютюбе, заложенный при жизни Ильича казаком Ильей Даниловичем Путинцевым.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 223.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	1
ВАГОН ДЛЯ ЭМИГРАНТОВ	3
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛЕНИНСКОЙ АД- РЕСНОЙ КНИЖКЕ	53
ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ	149
ГОРЯЧИЙ ДЕНЬ	168
ДОКЛАДЧИК МК	176
РОЖДЕНИЕ ГЕРБА	189
ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ	197
РОДНИКОВСКАЯ БЫЛЬ	206
«О ЧЕМ МЫ ГОВОРИЛИ ПОСЛЕД- НИЙ РАЗ?»	217
«ВЫЕХАЛ НЕЛЕГАЛЬНО...»	227
«РУССКИЕ УЧИТЕЛЯ» ПОД ПАРИЖЕМ	231
ТОВАРИЩ ЛЕНИН	247
ПАМЯТНИК ПРИ ЖИЗНИ	264

Юров Юрий Михайлович.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛЕНИНСКОЙ АД-
РЕСНОЙ КНИЖКЕ. М., Политиздат, 1967.
271. с. с илл.

ЗК26

На суперобложке репродукция с картины
художника *Б. Казакова* «Вождь Октября».

Технический редактор *Е. Каржавина*

Сдано в набор 27 января 1967 г. Подписано в
печать 1 апреля 1967 г. Формат 84 × 108^{1/32}. Физ.
печ. л. 8^{1/2} + ⁵/₃ иллюстр. Условн. печ. л. 15,33.
Учетно-изд. л. 14,65. Тираж 75 тыс. экз. А81744.
Заказ № 188. Бумага № 1. Цена 75 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

1—1—3

87—66

Типография «Красный пролетарий»
Политиздата.
Москва, Краснопролетарская, 16.